

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ЭКОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
И СОЦИОЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ**

Российско-монгольский сборник научных трудов

Барнаул
Издательство Алтайского
государственного университета
2006

УДК 930.26
ББК 63.589я43+63.48я43
Э40

Ответственный редактор:
доктор юридических наук **В.В. Невинский**

Редакционная коллегия:
доктор географических наук **В.С. Ревякин**
кандидат географических наук **Н.И. Быков**
кандидат исторических наук **О.В. Боронин**
кандидат исторических наук **П.К. Дашковский**
кандидат исторических наук **А.А. Тишкин**
кандидат педагогических наук **Х. Цэдэв**

Э40 Эколого-географические, археологические и социозтно-графические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии : российско-монгольский сборник научных трудов / отв. ред. В.В. Невинский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 148 с.: ил.
ISBN 5-7904-0622-X

В сборнике приняли участие 18 исследователей из следующих городов России и Монголии: Барнаула, Ховда, Иркутска, Томска, Улан-Батора. В нем представлены не только тематические статьи, но и нашли отражение материалы докладов совместного российско-монгольского научно-практического семинара на тему «Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками» (г. Ховд (Монголия), 26–27 мая 2006 г.).

Издание рассчитано на широкий круг исследователей, занимающихся различными проблемами изучения Южной Сибири и Монголии в области географии, археологии, истории, культурологии, этнографии и других дисциплин.

*Подготовлено и издано при финансовой поддержке
РГНФ–МинОКН Монголии (проект №06-01-91809а/Г)*

ISBN 5-7904-0622-X

© Оформление. Изд-во Алтайского
государственного университета, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Амаржаргал Э.</i> Краткие сведения о природно-исторических памятниках Ховдского аймака Монголии	4
<i>Баярхуу Б.</i> Центры экологического туризма и экологические туристические маршруты в Ховдском аймаке	7
<i>Баярхуу Б.</i> Туристическое обслуживание Ховдского аймака Монголии	17
<i>Быков Н.И., Быкова В.А.</i> О синхронности исторических и климатических периодов на Алтае	24
<i>Гандболд М.О.</i> К вопросу об охотничьих обычаях у ойратов-монголов (на примере алтайских урянхайцев)	36
<i>Горбунова Т.Г., Тишкин А.А.</i> Реконструкция парадной экипировки верховых лошадей тюркских воинов	38
<i>Дашзэвэг Ч.</i> Изменения природных экосистем Монгольского Алтая	54
<i>Дашзэвэг Ч.</i> Проблемы защиты экологических систем Монгольского Алтая	60
<i>Дашковский П.К., Тишкин А.А.</i> Исследование курганов эпохи средневековья на могильнике Айна-Булак-I в Верхнем Прииртышье	64
<i>Кротов А.В.</i> Факторы и составляющие геополитического и геоэкономического положения современной Монголии	71
<i>Мунхбаяр Ч.</i> Петроглифы на скалах «Бичигт хад»	78
<i>Нямдорж Б.</i> Кобдоский округ в начале XX в.	80
<i>Нямсурен Л.</i> Из истории земледелия у западных монголов (XIII–XVIII вв.)	99
<i>Нямсурен Л.</i> Общественно-политическая деятельность Жалханз хутугт Дамдинбазара (1915–1921 гг.)	103
<i>Тишкин А.А., Нямдорж Б., Дашковский П.К., Нямсурен Л., Мунхбаяр Ч.</i> Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительное сообщение)	107
<i>Харинский А.В., Ожередов Ю.И., Эрдэнэбаатар Д.</i> Северное побережье озера Хубсугул в эпоху палеометалла	115
<i>Цэдэв Х.</i> Стрельба из лука – традиционная культура монголов	126
<i>Шелепова Е.В.</i> История изучения тюркских поминальных комплексов на территории Монголии	132

Э. Амаржаргал

Ховдский государственный университет, г. Ховд, Монголия

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРИРОДНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ХОВДСКОГО АЙМАКА МОНГОЛИИ

Ховдский аймак расположен в западной части Монголии. На севере и северо-западе он граничит с Баян-Ульгийским, на северо-востоке – с Убсунурским аймаками, на западе – с Китаем. Общая площадь территории 76000 тыс. км². Высокие горы, хребты, холмы, впадины, широкие речные долины сочетаются с плато, лугами, горной степью, равнинами, гоби и полупустынями (Нямдаваа, Мөнхдолгор, 2003).

Территория Ховдского аймака представляет собой уникальный природно-исторический комплекс в Центральной Азии, сочетающий в себе высокогорную тундру, горные луга и степи – эталон аридных высокогорных и степных систем. Здесь обнаружена стоянка эпохи верхнего палеолита (ущелье Гурван Цэнхэр в сомоне Манхан), датированная академиком А.П. Окладниковым (1972) возрастом в 50–30 тыс. лет. На территории Ховдского аймака сохранились многочисленные петроглифы и другие археологические памятники (Батмөнх, 2000). Кроме того, имеются следующие уникальные природные объекты.

Хух-Сэрхийн нуруу (хребет). Это гористая местность на границе Баян-Ульгийского и Ховдского аймаков. Хребет Хух-Сэрхийн простирается на юго-восток от горы Гурван-Цаст, которая является отрогом системы Монгольского Алтая. Высочайшая вершина – гора Тахылт-Уул, покрытая снегами и достигающая высоты 4019 м над уровнем моря. На хребте Хух-Сэрхийн обитают марал, горный баран (аргали), сибирский горный козел, евроазиатская рысь, алтайский улар и другие редкие животные.

Здесь имеется заповедник, который занимает площадь 659 км². Он простирается на 50 км в длину и 20 км в ширину. Заповедный режим установлен в 1977 г. с целью охраны популяций аргали и горного козла.

Мянган-Угалзатын нуруу (хребет). Данная горная система, достигающая высоты 3578 м над уровнем моря, находится в юго-

западной части аймака недалеко от горы Сутай. Заповедник занимает территорию площадью 110 тыс. га. Он имеет протяженность 30–40 км на северо-запад и 25–30 км на юго-восток. Заповедный режим установлен в 2004 г. для охраны горностепных ландшафтов горной системы Монгольский Алтай, а также для поддержания популяций аргали и горного козла.

Цамбагарав уул (гора). В этот природный комплекс входят высокие вершины, покрытые ледниками и снежниками. Он находится на северо-востоке Ховдского аймака и включает сомоны Эрдэнэ бурэн, Алтанцогц Баян-Ульгийского аймака. Площадь природного комплекса составляет 110960 га. На хребте Цамбагарав обитают марал, аргали, горный козел, алтайский улар и другие редкие животные.

Мунххайрхан уул (гора). Заповедник-заказник, образованный в 2006 г., расположен в средней части горной системы Монгольского Алтая. В него входят высокие вершины, покрытые ледниками и снежниками. На горе Мунххайрхан обитают марал, аргали, горный козел, алтайский улар и другие редкие животные.

Манхан-Тал (степь). Этот природный заказник включает полосу степных лугов в долине озера Хар-Ус-Нуур, а также районы Манхан Дарви и Зэрэг. Он находится под охраной государства с 1993 г. Антилопа-сайга (вид, занесенный в Международную Красную Книгу) в настоящее время встречается только в этом заказнике.

Булган-гол (река). Природный заказник Булган-Гол образован в 1965 г. и покрывает 77 км речной системы Булгана на границе с Китаем с целью охраны бобра и его местообитаний. Река Булган берет начало в горной системе Алтая и течет около 200 км в южном направлении через Баян-Ульгийский и Ховдский аймаки, впадая в озеро Улангар на территории Китая. Там встречаются чернохвостая газель, кабан, аргали и горный козел. Зарегистрированы и такие птицы, как аист и большой баклан.

Хар-Ус-Нуур (озеро). Относится к крупнейшим озерам Монголии. Площадь его зеркала составляет 1153 км². Озеро простирается на 72 км в длину и 26 км в ширину. В нем водится рыба редких видов, среди которых отметим уникальный вид – монгольский хариус. На озере много островов. Самый большой называется Аб-каш. Там водятся различные виды птиц.

Территория Ховдского аймака является отражением уникальных исторических культур в западном регионе Монголии. Здесь сочетаются памятники «древних скифов», тюрков, уйгуров, казахов, киргизов и монголов. В частности, зафиксировано около 1000 курганов разных эпох, свыше 30 каменных изваяний («оленных камней», балбалов, тюркских «каменных баб»), пещера со следами жизни человека эпохи верхнего палеолита, петроглифы и рисунки каменного века. Большой комплекс, оставленный хунну, находится в котловине Тахилт близ сомона Манхан. История и культура хунну были и остаются одной из узловых проблем кочевниковедения алтайского региона Монголии.

Самые уникальные и большие по площади – комплексы наскальных изображений и каменные изваяния «Тахилт», «Баянзурх», расположенные в сомоне Манхан и Муст. Знаменитая пещера находится в 25 км на юго-запад от Манхан-сомона по речке Хойт-Цэнхэр. У местных жителей она чаще называется Хойт-Цэнкер Агуй, т.е. пещера речки Северный Цэнкер. Там есть фигуры антилоп, странных птиц, слонов и горных баранов, но нет изображений настоящих горных козлов, сибирских козерогов – «янгигов» или «теке», как их называют исконные обитатели Средней и Центральной Азии. Зато есть двугорбый верблюд. Рисунки пещеры Хойт-Цэнкер отличаются от всех остальных (как выбитых, так и выполненных красной краской) прежде всего своим местонахождением в пещере.

Библиографический список

Батмөнх Б. Ховд аймгийн нутаг дахь эртний туух соёлын дурсгал. Улаанбаатар, 2000. 160 т.

Нямдаваа Г., Мөнхдолгор Б. Ховд аймагт аялал жуулчлал хөгжүүлэх онцлог. Улаанбаатар, 2003.

Окладников А.П. Центрально-Азиатский очаг первобытного искусство. Новосибирск, 1972.

Б. Баярхуу

Ховдский государственный университет, г. Ховд, Монголия

ЦЕНТРЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТУРИСТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ В ХОВДСКОМ АЙМАКЕ

По сравнению с промышленными регионами территория Ховдского аймака осталась почти нетронутой. Нетронутая природа, кочевой образ жизни и связанные с этим сохранившиеся традиции природопользования и тесного общения с природой – это огромный потенциал для развития экологического туризма.

При экологическом туризме группу сопровождает гид-проводник (со знанием иностранного языка), способный адекватно перевести названия зверей и птиц, рассказать на иностранном языке об их повадках и особенностях, дать информацию о растениях: деревьях, травах и кустарниках, произрастающих в регионе, а также представить географическую характеристику территории. Экологический туризм будет способен изменить сознание и привычки людей, воспитывать в них бережное отношение к природе, способствуя сохранению природы в естественном состоянии (Атай, 2002).

Пребывание туристов в условиях нетронутой природы во время прохождения маршрутов или посещения каких-либо объектов оказывает определенное воздействие на окружающую среду. Экологический туризм позволяет организовать отдых с наименьшей нагрузкой на территорию, познать природу (Томорбаатар, 1997). Экологический туризм сам по себе может стать одним из важных инструментов эффективного природопользования в Ховдском аймаке.

Развитие экологического туризма разрешит социально-экономические проблемы при переходе страны на устойчивое развитие, обеспечивая занятость населения летом. В социальном плане развитие экотуризма является важным фактором налаживания социальных контактов, способствует развитию международного сотрудничества, вносит вклад в культурное развитие, а главное – повышает экологическую грамотность населения и туристов.

Ховдский аймак, определяемый обычно по котловинным и горным ландшафтам и включающий часть Монгольского Алтая и часть Котловины Больших озер, обоснованно считают одним из главных центров экологического туризма Монголии.

Экологический туризм наиболее близок к окружающей среде. Он очень тесно связан со многими сферами, важными для развития отдельных территорий. На территории Ховдского аймака много привлекательных ландшафтов.

В зависимости от туристических интересов, степени открытости, местных особенностей, перспективности освоения местности, на территории аймака можно выявить следующие очаговые центры экотуризма (см. рис. 1):

А. Территории, где можно заниматься экологическим туризмом в настоящее время:

1. Окрестности города Ховд.
2. Территория национального парка озера Хар-Ус-Нуур.
3. Горы Хухе-Сэрхийн нуруу.
4. Окрестности сомона Мунххайрхан.
5. Долина реки Булган гол.

Б. Территории, которые экологический туризм может осваивать в перспективе:

1. Гора Сутай уул.
2. Гора Цамбагарав уул.
3. Долина реки Ховд гол.
4. Долины рек Уенч и Бодонч гол.

Дадим краткую характеристику обозначенных очаговых центров экотуризма.

1. Окрестности города Ховд. Этот центр включает долину р. Буянт гол, гранитные горы Ямаат улаан уул и Бугат-Узуур, он является самой густонаселенной частью аймака с разнообразными природными достопримечательностями для удовлетворения туристских потребностей. Природно-рекреационные ресурсы обладают благоприятными ландшафтными и климатическими условиями, несколькими минеральными источниками. Территория достаточно обводнена. Гидрографическая сеть представлена р. Буянт гол. Центр расположен в полупустынном ландшафте. Природные условия благоприятны для развития туристического отдыха.

В Ховде сосредоточены основные центры развития Западной Монголии. Этот город отличается большим историко-культурным и рекреационным потенциалом. Основные исторические памятники: гора Баатар хайрхан с наскальными рисунками, маньчжурская стена, монастыри (буддийский, мусульманский и христианский), музеи и др. Помимо исторических памятников, разнообразен культурный потенциал центра (войлочные изделия, казахские вышивки, народная одежда, костюмы). Имеются удовлетворительные транспортные связи: автодороги и авиационное сообщение с Улан-Батором. Здесь находятся лагерь детского отдыха, дом отдыха и кемпинг для взрослых (см. рис. 2). Относительно от остальных очаговых центров инфраструктура туризма хорошо развита: имеются гостиницы, рестораны, бары, кафетерии. Город Ховд располагает театром, музеями.

Проблемы рекреационного развития окрестностей Ховда:

- а) сложность с организацией кратковременного природного отдыха для жителей города;
- б) загрязнение природной среды;
- в) инфраструктурная необустроенность;
- г) отсутствие действующей системы регулирования туристических нагрузок.

Перспективы рекреационного развития:

- активизация рекреационного освоения;
- интенсивное освоение природных рекреационных ресурсов;
- восстановление курорта Нэвт;
- создание сети туристических объектов;
- увеличение ресторано-гостиничного фонда за счет малых предприятий (кемпинги);
- повышение качества услуг действующих учреждений отдыха;
- внедрение нетрадиционных форм отдыха (например, зимние путешествия, путешествия совместно с сезонными перекочевками местных жителей).

2. Территория национального парка озера Хар-Ус-Нуур и его окрестностей.

Этот район включает всю территорию национального парка и его сопредельных сомонов, а также важнейшие туристско-рекреационные ресурсы, сочетающиеся с ландшафтами, которые удовлетворяли бы любые туристические вкусы (Нямдаваа, 1999).

Ландшафты отличаются большим разнообразием: от хребта Жаргалант-Хайрханы-Нуруу до полупустыни Котловины Больших озер. Территория достаточно обводнена. Гидрографическая сеть представлена многочисленными реками и озерами. Природа окрестностей озер – это полупустыня со скудной растительностью. Левый берег озера Хар-Ус-Нуур и правый берег озер Хар-Нуур и Дурген-Нуур отличаются хорошими песчаными пляжами, длительным купальным периодом. Но в силу ограниченности туристической инфраструктуры уровень их рекреационного освоения слабый. В северной части региона действует сезонный профилакторий по лечению горячим песком, нагретым от солнца. На правом берегу озера Хар-Ус-Нуур в 2000 г. построена вышка для наблюдения за озерными птицами. В регионе обитают белая цапля, серый гусь, кряква, серая утка, красноглазая чернеть, красноглазый нырок, лысуха, чибис, ходулочник, травник, серебристая чайка, желтая трясогузка, тростниковая овсянка и др. (Баярхуу, 2001). Туристам предлагаются прогулки на лодках между маленькими островами, чтобы полюбоваться водной растительностью, а также катание на лошадях. Им разрешают фотографировать, снимать кино (любительское).

Для наблюдения за озерными птицами разработан маршрут (27 км): город Ховд – ущелье Хонгилин хавцал – берег озера Хар-Ус-Нуур.

Основные требования к экотуризму в районе национального парка:

- способствование охране природы окрестностей озера Хар-Ус-Нуур;
- пропаганда элементов экологических знаний об озере в период нахождения экотуристов в национальном парке;
- влияние на занятость населения и получение доходов для экономического развития региона;
- уважительное обращение с местными жителями и традициями;
- надежное и качественное обслуживание туристов;
- размещение в палатках, питание по желанию (в группе или отдельно).

3. Гора Хухе-Сэрхийн нуруу предполагает пеший туризм. Привлекательность туризма здесь не только в его познавательной и

развлекательной стороне. Это еще и самое надежное средство физического развития, закалки и оздоровления в любом возрасте. Пешеходный туризм – наиболее распространенный вид активного отдыха. Маршрут прокладывается по лесистым и скальным участкам, осыпям, местами вдоль р. Буянт, общей протяженностью 75 км. От г. Ховда, двигаясь на северо-запад, необходимо доехать до р. Буянт гол (60 км), дальше пеший маршрут (15–17 км). В среднем турист проходит за день 12–15 км, так как приходится путешествовать в высокогорных районах (1800–3000 м). Привлекают туристов в маршруте экзотичность рельефа и леса на северном склоне горы. Основные трудности на маршруте связаны с сильно пересеченным рельефом и возможностью неблагоприятной погоды. Крутые склоны являются также источником повышенной опасности для туристов. Кроме того, впервые попадающим в горы требуется некоторое время на приспособление организма к новым условиям, в основном к недостаточному количеству кислорода в атмосфере. На это нужно 3–5 дней (Гранильщикова, 1983). На затяжных крутых подъемах через 10–15 минут делается минутная остановка, чтобы восстановить дыхание, разгрузить сердце и дать отдых плечам. Массу рюкзака подбирают соответственно возрасту и физической подготовке каждого участника похода. В походах мужчины обычно несут 15–18 кг, женщины – 10–12 кг (Астафьев, 1980). Размещаются туристы в палатках, питание по желанию (в группе или самостоятельно). Примерный распорядок дня указан в таблице.

Примерный распорядок дня в маршруте

	В обычный день	В жаркий день
Подъем	7.00 – 8.00	5.00 – 6.00
Завтрак, подготовка к переходу	9.00	8.00 – 9.00
Движение	до 13	до 11.00 – 12.00
Обед, отдых	15.00	16.00
Движение	до 19.00	до 18.00 – 19.00
Устройство лагеря, ужин	до 22.00	до 21.00

Низкая плотность населения, определяющая незначительные потребности в туризме местного населения, и экстремальные кли-

матические условия зимнего периода затрудняют привлечение сюда туристов, за исключением, пожалуй, любителей альпинизма. Проблема развития туризма в этом районе – неразвитость материальной базы и отсутствие общественного и государственного интереса к развитию туризма на этих территориях.

4. Окрестности сомона Мунххайрхан. Данный центр находится в высокогорной части сомона Мунххайрхан. Горный массив Мунх-Хайрханы-Нуруу протягивается с северо-запада на юго-восток на 100 км. Здесь вечные снега и ледники занимают более 200 км² площади (Шагдар, 2001). Это очень популярный туристический объект. Вечные снега, ледники, высокогорная степь, горные реки, высокогорные перевалы, озеро Долоон нуур, исторические памятники, этнографические особенности – все это делает территорию сомона Мунххайрхан весьма привлекательной для туристов. Однако проблемы рекреационного освоения, крайне низкое развитие инфраструктуры обуславливают трудности при освоении туристических ресурсов. Перспективы развития экотуризма определяют следующие факторы:

- развитие района с ориентацией на международного потребителя;
- активизация спортивного пешего туризма и альпинизма на горе Мунх-Хайрхан-Уул;
- привлечение иностранных туристов первозданностью местной природы Монгольского Алтая;
- специализация на спортивном туризме и альпинизме.

Летом здесь устраивают свои стоянки местные скотоводы-чабаны.

5. Долина р. Булган гол: Этот район расположен около границы с Китайской Народной Республикой (в 70 км) и перспективен для туризма больше всего. Пойма Булган гола славится своими плодородными почвами и садами, где растут плодовые деревья и кустарники, в том числе яблони, сливы, облепиха. Также встречаются естественные рощи из тополя и ивы. Прибрежная фауна богата и разнообразна. Только здесь обитает ондатр. Сочетание леса и соседних гор образует уникальную природу. Вода реки чистая, питьевая, с невысокой, но вполне достаточной для купания температурой. Здесь можно совершать радиальные выходы к соседним горам, к долине реки и в Гоби. Одновременно есть возможность путешествовать также в сторону впадины Баруун-Хуурай.

Центр имеет автотранспортные связи с Китайской Народной Республикой. До границы ведет асфальтированная дорога. Инфраструктура развита относительно хорошо. Имеются мотели, кафе, столовая, краеведческий музей. Проблема рекреационного развития – это отсутствие действующей системы организации отдыха на природе и государственного интереса к развитию туризма на этой территории.

Перспективы развития туризма такие: завершение строительства автодороги Булган–Ярант–Такшикен, связывающей внутренние районы с Китайской Народной Республикой, и организация сплава по р. Булган гол, которая позволяет проводить интереснейшие круизы по первозданной природе.

Все это определяет возможности развития вначале единичных туров, а в перспективе – специализацию территории на экзотическом, экологическом и этнографическом туризме.

Горы Сутай уул, Цамбагарав уул, долины р. Ховд гол, Уенч гол, Бодонч гол относятся к перспективным туристическим центрам первоочередного освоения. Они благоприятны для альпинизма и водного туризма. Перспективы рекреационного развития этих четырех очаговых центров заключаются в образовании локальных туристических центров в сомонах и рекреационном обустройстве дорожной инфраструктуры.

В заключение необходимо сказать, что территория аймака слабо используется для целей отдыха и туризма. Потенциальным ресурсом экологического туризма в Ховдском аймаке является наличие горных территорий. Среди обычных туристов, приезжающих в Ховдский аймак, есть группы, отличающиеся по мотивациям и объектам их туристических маршрутов. Благодаря уникальности естественных ландшафтов (от полупустыни до ледникового высокогорья), богатому биоразнообразию и малоизученности этот регион привлекает ученых разных специальностей.

Библиографический список

Атай А. Алтай-Саяны эcobуснутгийг хамгаалахад аялал жуулчлалын уурэг (The role of ecotourism in Altai Sayan eco-region conservation) (Роль экотуризма в сохранении Алтае-Саянского эко-региона) // Монгол орны экотуризмын хөгжил ундэсний зовлого-

оний эмхэтгэл // Proceeding of the national workshop on Mongolian ecotourism development. Улаанбаатар, 2002. Хуу. 31–32.

Астафьев В.П. В лесу и в поле. Минск: Полымя, 1981. 143 с.

Баярхуу Б. Рекреационная оценка ландшафтов Западной Монголии для целей туризма (на примере Ховдского аймака): Автореф. дис. ...канд. геогр наук. Томск, 2004. 22 с.

Баярхуу С. Структура населения и экология птиц Центральной части Котловины Больших озер Монголии: Автореф. дис. ...канд. биол. наук. Улан-Удэ, 2002. 18 с.

Гранильщикова Ю.В. Семейный туризм. М.: Профиздат, 1983. 112 с.

Нямдаваа Г., Сувдчимэг Ю. Особенности природных условий и ресурсов для развития туризма в Ховдском аймаке // История, культура, природные условия и ресурсы Западной Монголии и сопредельных регионов: Тез. докл. IV междунар. конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 59.

Томорбаатар Э. Аялал жуулчлалын чиглэлээр ашиглах боломжтой газрууд, жуулчдын үзэх зүйлийг тогтоох чиглэлээр явуулсан судалгааны тайлан. Улаанбаатар, 1997.

Шагдар Ш. Монгол орноор жуулчлах зуун зам. Улаанбаатар, 2001. 228 с.

Б. Баярхуу

Ховдский государственный университет, г. Ховд, Монголия

ТУРИСТСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ХОВДСКОГО АЙМАКА МОНГОЛИИ

Туристское обслуживание Ховдского аймака осуществляется вместе с гостиницами-мотелями более 20 организациями, различающимися по характеру обслуживаемого контингента. Главную работу с иностранными туристами, приезжающими в Ховдский аймак, проводит отделение фирмы «Жуулчин», находящейся в Улан-Баторе, хотя иностранных туристов принимают также местные фирмы «Ховд-тур», «Ховд-сафари» и «Ховд-гид». Через эти базы и гостиницы проходят все туристические маршруты, среди которых есть местные и государственные. И каждый из них весьма популярен, ибо все они охватывают и пешеходный, и конный туризм.

Туристские гостиницы-мотели располагаются в основном в центрах сомонов и в городе Ховде. В мотелях в центрах сомонов главным образом туристам представляют ночлег.

Хотя количество иностранных туристов, посещающих Ховдский аймак, еще небольшое, заграничный туризм должен стать важнейшей социальной задачей аймака, при решении которой необходимо учитывать весь спектр морально-этических, воспитательных, культурных, социальных мероприятий для международных контактов. Последствия этих мероприятий могут ощущаться не сразу, но они имеют далеко идущее и глубинное значение. Решая проблему заграничного туризма как важнейшую социальную задачу Ховдского аймака, следует учитывать большой финансово-экономический потенциал туризма.

Рост числа принимаемых иностранных туристов потребовал создания собственной материальной базы. И в этом плане в Ховдском аймаке достигнуты определенные успехи. К ним можно отнести гостиницу «Мянган угалзат», условия отдыха в которой соответствуют стандартам; постройку вышки для наблюдения за озерными птицами на берегу оз. Хар-Ус-Нуур (observation tower), а также создание сезонного уникального кемпинга «Ховд-гид» в урочище Шуутийн тохой в 8 км от города Ховда (это пока единст-

венный в своем роде кемпинг в аймаке). Иностранных туристов обслуживают в Ховде, гостиницы которого имеют без малого 200 мест в номерах. Все это вместе позволяет в Ховдском аймаке принимать определенное количество туристов. Особенно притягивают иностранцев окрестности оз. Хар-Ус-Нуур. Это уникальный регион, где природа создала удобства для познавательного и научного туризма. Зарубежные гости во время пребывания в Ховдском аймаке знакомятся с достопримечательностями города, городским и университетским музеями и театром. В Ховде их внимание привлекают концерты фольклорно-этнографических ансамблей. Туристы отмечают особую музыкальную культуру, горловое пение, его оригинальность. Они встречаются с местными людьми, скотоводами-кочевниками. Такие встречи помогают лучше узнать и понять друг друга, поэтому международный туризм, несомненно, вносит неоценимую помощь в дело укрепления мира.

При главе администрации Ховдского аймака есть секторы, которые занимаются вопросами туризма и общественного здоровья. Одной из задач этих секторов является организация и поддержка туристских маршрутов и экскурсий для школьников в зарубежные страны. Школьники выезжают в составе специализированных турпоездов за границу. За год 20–25 школьников отдыхают на детских турбазах. В Ховдском аймаке насчитывается 23 учебных учреждения, в которых общее количество детей в 2000/01 учебном году составило 18282 человека (20,3% от общего числа населения). Это позволяет развивать развлекательный, познавательный, оздоровительный, приключенческий, обучающий и спортивный детский туризм.

Для Ховдского аймака неравномерное освоение территории в рекреационных целях влияет также на размещение гостиниц-мотелей. Увеличение числа туристов в последние годы требует подготовки квалифицированных кадров (прежде всего гидов-проводников). И в 2002/03 учебном году открылась новая специальность по туризму с японским языком на кафедре географии Ховдского госуниверситета. Профессиональная деятельность по организации туристских маршрутов предполагает экологически грамотное использование природных объектов и бережное отношение к культурно-историческим ценностям. В Ховдском аймаке есть фирмы (компании), занимающиеся только туризмом. К ним относятся:

1. Ховд-сафари, первая туристическая компания. Существует с 1993 г., создана биологами и экономистами. Проводит туры по горам Хухэ-Сэрхийн нуруу и Цамбагарав уул, обеспечивая знакомство с уникальной природой и историческими ценностями, и предоставляет туристам проводников-охотников.

2. Ховд-тур. Компания работает на туристическом рынке более семи лет. Создана экономистами и биологами. Организует десять маршрутов по территории Ховдского аймака, в том числе в окрестностях озера Хар-Ус-Нуур и по горам Мянган угалзатын нуруу, а также охотничий туризм.

3. Ховд-гид. Компания создана в 2003 г. Имеется сезонная турбаза недалеко от г. Ховда. Организует экскурсии по городу, информационное обслуживание туристов, подготовку проводников совместно с администрацией и предоставляет гидов-проводников. Для посетителей турбазы предлагается концертная программа, где можно послушать горловое пение. Туристы также могут жить в монгольской или казахской эко-юртах. Еще одно направление компании – внутренний туризм.

4. Информационный центр для туристов, негосударственная организация при университете. Здесь студенты и преподаватели добровольно работают гидами-проводниками, предлагают маршруты, обеспечивают информацией, повышают свое знание иностранных языков, помогают местным жителям (из дохода от туризма).

5. Дом отдыха «Баянбулаг» создан в 1981 г. как пионерский лагерь. Принимает как иностранцев, так и местных туристов. Подразделяется на детский и взрослый секторы.

Это далеко не полная характеристика тех организаций, которые занимаются развитием туризма в Ховдском аймаке. В настоящий момент рынок туристических услуг представлен только сектором туризма при главе администрации Ховдского аймака. Он начал развиваться в 1993 г. До этого участвовали лишь гостиницы.

Одной из форм регулирования туристической деятельности является лицензирование. На начало февраля 2003 г. шесть фирм и компаний аймака получили лицензию на право ведения туристической деятельности. Туристические услуги, оказываемые потребителям организациями или индивидуальными предпринимателями, включают:

- услуги туроператора по организации выездного туризма;
- услуги туроператора по организации въездного туризма;
- услуги турагента;
- услуги для самостоятельного туризма;
- экскурсионные услуги.

Развитие туризма невозможно без развития средств размещения. На сентябрь 2003 г. сертифицированные услуги проживания могут предоставить почти 20 гостиниц-мотелей в городе и в центрах сомонов. Среди них гостиницы «Мянган угалзат», «Ховд», «Буянт», «Цагаан уул» и «Оргил». Качественные услуги питания готовы оказать более 50 ресторанов-баров, столовых и других предприятий питания аймака, имеющих лицензию соответствия, в том числе почти 20 в г. Ховде. По данным сектора туризма администрации в Ховдском аймаке, средняя численность работников, занятых туристской деятельностью, составляет не более 60 человек. Основная масса фирм – это субъекты малого предпринимательства (в среднем в одной компании работают менее шести человек). Все туристские фирмы носят явно выраженный сезонный характер, так как функционируют в среднем 5–7 месяцев в году. В 2003 г. их услугами воспользовалось более 200 человек. В настоящее время заметно усилился интерес к специальному биологическому туризму (наблюдение за озерными птицами). Спрос на этот вид туризма основывается на стремлении людей понаблюдать водных обитателей и посетить Заалтайскую Гоби.

У всех видов обслуживания проблемы качества занимают особое место и значение. В связи с этим мы провели анкетирование среди иностранных туристов, среди которых были и научные работники. Они приезжали в г. Ховд из разных стран мира (Франции, Германии, Англии, Швейцарии, Китая и России). Большинство из них пробыли в Ховдском аймаке не более четырех суток. Хотя количество участвовавших в анкетировании невелико, с нашей точки зрения, их ответы могут представлять мнения остальных туристов.

В анкетировании принимали участие 142 туриста из США (11,2%), Франции (29,5%), Англии (7,04%), Японии (2,8%), Германии (18,3%) и других стран (10,5%). Они ответили на 16 вопросов, подразделенных на две группы.

К первой группе относились вопросы о странах, целях путешествия и сроке прибытия. Цели поездки туристов разные: 2,1%

посещали Ховдский аймак по торговым делам, 18,3% проводили научные исследования, 8,4% – по приглашению друзей, для 66,9% это был просто отдых, для 4,2% путешествие связано с поисками приключений. 26,7% туристов восприняли идею посетить Ховдский аймак из книг, 10,5% – из рекламы туристических фирм, 44,3% – от друзей и 18,3% – из остальных информационных источников. 75,3% приехали самостоятельно, а 24,6% – в организованной группе. 75,3% пробыли в Ховдском аймаке меньше четырех дней, 19,7% приехали на 4–10 дней, а 4,9% – более 10 дней. Больше всего им понравились живая природа (флора и фауна: 72,5%), наблюдение за озерными птицами (55,6%), охота (2,1%), история и культура кочевников (85,5%), традиции и образ жизни кочевников (97,8%), другое (46,4%) (Баярхуу, 2001).

После путешествия туристы дали ответы на вопросы второй группы, определяющие их мнения о туристической среде, качестве обслуживания туроператоров и турагентства. 57,7% оценили поездку на «отлично», 42,2% – на «хорошо»; пребывание в Ховдском аймаке 31,6% оценили на «отлично» и 68,8% – на «хорошо». Самое хорошее впечатление у них осталось от монгольской кухни и гостеприимства. Не понравились плохое содержание дорог, снабжение электричеством и коммунальные услуги (недостаточный уровень комфортности для проживания и плохая работа транспорта). На вопрос об эффективности туристических услуг был получен ответ, что необходимо улучшить питание, отремонтировать местные дороги, создать в сомонах и на пейзажных стоянках кемпинги.

Анализ нашего анкетирования показывает, что вообще местные жители и уникальная природа Ховдского аймака им понравились и надо обратить внимание на создание благоприятных условий в сфере туристических услуг, особенно на объекты питания и инфраструктуру. Наиболее привлекательными и перспективными для иностранных туристов направлениями туризма в Ховдском аймаке являются познавательный экотуризм, научно-исследовательский туризм и спортивный туризм. Полученные результаты анкетирования переданы в сектор по туризму при администрации аймака и могут служить основанием для принятия организационных решений по проблемам аймака.

Для внутреннего туризма территория используется в рекреационном отношении стихийно, на основе самоорганизации дея-

тельности населения. Но это касается только очень малого процента людей.

Статистические данные о туристической сфере Ховдского аймака не формировались. Туристы приезжают самостоятельно, и туристические фирмы не подсчитывают количество обслуживаемых клиентов. По неофициальным данным, г. Ховд (по Ховдскому аймаку нет данных) посещают примерно 150–200 туристов в год. Кроме того, довольно много туристов приезжают в Ховд без регистрации (самостоятельно или в группах из Улан-Батора и из соседних аймаков).

Таким образом, анализ состояния туризма Ховдского аймака позволяет описать проблемную ситуацию следующим образом. Лимитируют посещение туристов следующие факторы.

1. Отсутствие инфраструктуры. Прежде всего проблема транспортной доступности Ховдского аймака. Туристы обслуживаются только таксистами (между населенными пунктами и аймаками, туристическими объектами). Нет никаких учреждений и автобазы для обслуживания туристов в туристических объектах. Местные авиалинии действуют только в направлении Улан-Батор–Ховд–Улан-Батор. Современному уровню обслуживания туристов должна соответствовать связь. Не рассматриваются вопросы информационно-рекламной работы по созданию имиджа Ховдского аймака как территории, благоприятной для развития туризма. Недостаточно развито общественное питание. Предстоит работа по вовлечению объектов питания в гарантированное качественное обслуживание туристов. Актуальным является размещение гостей. Надо создать хорошие условия в гостиницах и мотелях. Летом в окрестностях города или поселка встреча с туристами, ночующими в палатках, – обычное явление.

2. Фактически нет системы государственного статистического учета туристической деятельности, туристических потоков и основных экономических показателей развития туристической индустрии, ее вклада в развитие экономики Ховдского аймака и в пополнение бюджета.

3. Не создано эффективного экономического механизма, который способствовал бы развитию индустрии туризма, стимулировал увеличение туристических потоков и привлекал инвестиции в сферу туризма.

4. Туристы путешествуют на основе самоорганизации.

5. Существующая материальная база используется в большинстве случаев неэффективно. Разработка местных туристических маршрутов ведется медленно и без учета требований и стандартов.

6. Отсутствует система продвижения туристического местного продукта на государственном и международном рынках.

7. Не проработана тематика научных исследований в туристической сфере. Не используются возможности вузов для научно-исследовательской работы по проблемам развития туризма и для подготовки квалифицированных специалистов в туристической сфере при Ховдском государственном университете и Институте Ховд-Эрдэм.

8. Нет путеводителя по Ховдскому аймаку. Ощущается недостаток в рекламной продукции, посвященной Ховдскому аймаку, или отдельным административным единицам – сомонам (отсутствие красочных буклетов и информационных путеводителей туристской направленности). Каждый турист заранее хочет знать о своем путешествии: что интересного и неизвестного встретит он в данном регионе, какие сувениры сможет купить.

9. Отсутствие квалифицированных кадров. В сельской местности у жителей нет первоначального образования по обслуживанию туристов, в связи с этим они теряют возможные доходы.

Библиографический список

Баярхуу Б. Об итогах анкетирования, проведенного среди туристов // История, культура, природные условия и ресурсы Западной Монголии и сопредельных регионов: Тез. докл. V междунар. конф. Томск, 2001. С. 222.

Н.И. Быков, В.А. Быкова
Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

О СИНХРОННОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ И КЛИМАТИЧЕСКИХ ПЕРИОДОВ НА АЛТАЕ*

Влияние географических факторов на ход общественных процессов всегда вызывало живой интерес ученых. Значительный вклад в исследование этой связи внесли антропогеография и география человека, которые до 1930 г. успешно развивались и в России. Однако дальнейшее их развитие в нашей стране затормозилось в угоду историческому материализму (Голубчиков, 2003, с. 12). «...Система большевистской идеологии... «одеревенела», перестала развиваться в темпе с жизнью...» (Баранский, 2001, с. 13). Это привело к формированию крайне негативного отношения к географическому детерминизму в общественных науках и законсервировало «строительство мостов» между гуманитарными и естественнонаучными дисциплинами на долгие годы. Однако за последние 20 лет ситуация в этом отношении в нашей стране быстро стала изменяться.

Особое внимание в геодетерминистском вопросе всегда уделялось влиянию климата на общество. Исследования в этом направлении имеют множество аспектов: территориальная организация общества, динамика общественных процессов, этнопсихология и др. Чаще всего подобные исследования касались значительных территорий и коротких временных отрезков.

Цель нашей работы – анализ влияния климата на смену материальных культур в пределах Алтайской области Алтае-Саянской физико-географической страны. Интересующий нас период – приблизительно с начала последнего тысячелетия до нашей эры до середины II тысячелетия нашей эры. Выполнение подобного исследования затруднено рядом причин. Во-первых, до сих пор в исторической литературе наблюдается дискуссия о хронологии материальных культур Алтая. Это касается как названия культур, так и временных рамок их существования (табл. 1, 2). Во-вторых, еще

* Работа выполнена при поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №06-01-91809а/Г).

менее ясен ход климатических процессов на Алтае в голоцене. Исследователи расходятся во мнении о том, сколько было циклов, временных их рамках и степени изменения климата.

Таблица 1

Временные границы археологических культур Алтая
(составлено по: Тишкин, Горбунов, 2005)

Археологическая культура	Время
Бийкенская	Конец IX – 2–3-я четверть VI вв. до н.э.
Пазырыкская	2-я половина VI – III вв. до н.э.
Булан-кобинская	II в. до н.э. – 1-я половина V в. н.э.
Тюркская	2-я половина V–XI вв. н.э.
Кыргызская	2-я половина IX–XI вв. н.э.
Культура монгольского времени	XII–XIV вв. н.э.

Для хронологической характеристики исторических процессов мы воспользовались культурно-хронологической схемой, приведенной в работе А.А. Тишкина и В.В. Горбунова (2005, с. 159–163) (табл. 1). Данная схема выбрана по двум причинам. Во-первых, она является одной из последних и, стало быть, можно надеяться, что в ней учтены современные достижения археологической науки. Во-вторых, у нее выше временное разрешение, поскольку указываются доли века (половина, четверть).

Для сравнения приведем подобную схему из работы В.Д. Кубарева (2001) (табл. 2).

Таблица 2

Хронологическая таблица археологических культур Алтая
(Kubarev, 2001)

Археологическая культура	Время
Майэмирская	VIII–VI вв. до н.э.
Пазырыкская	VI–III вв. до н.э.
Булан-кобинская, кок-пашская	III в. до н.э. – V в. н.э.
Курайская	VI–X вв. н.э.

Как видно, вторая схема характеризуется меньшей точностью. Не совпадают у приведенных хронологических схем начальные временные точки булан-кобинской культуры. У тюркской и курайской культур не совпадают также и время их окончания.

Все выделенные культуры тем не менее могут быть отнесены к одному хозяйственно-культурному типу – кочевникам сухих предгорий и гор аридной зоны умеренного пояса (Андрианов, Чебоксаров, 1972, с. 15). Таким образом, априори можно предполагать сходную реакцию кочевников разных времен на климатические изменения.

Оценки изменения климата на Алтае в указанный период не только менее точны, но иногда существенно отличаются друг от друга. Последнее обстоятельство объясняется получением данных с использованием разных методов, которые различаются ошибками измерений.

Начало исследуемого нами периода характеризуется теплым климатом. По сравнению с современными среднелетние температуры воздуха были примерно на $0,16^{\circ}\text{C}$ выше (Назаров, 2006, с. 21). Высотные растительные пояса располагались несколько выше, чем в настоящее время. Условия для существования кочевников были достаточно благоприятными. Однако примерно 3000 лет назад тренд многолетнего хода среднелетних температур воздуха меняется. Начинается похолодание, которое сопровождается наступлением ледников, – Историческая стадия. Временные границы данной стадии определяются по-разному: 3000–1200 л.н. (Соломина, 1999, с. 128), 3000–1400 (Назаров, 2006, с. 21). Исторической стадии в Восточных Альпах соответствует стадия зимминг 3000 (или даже 3500) – 1400 л.н. (Окишев, 1982, с. 123). В эту стадию укладываются примерно две исторических эпохи – скифская и гунно-сарматская.

Однако Историческая стадия не была однородна в климатическом плане. Внутри нее выделяются как похолодания, так и потепления, т.е. периоды меньшей длительности. Похолодания отмечаются примерно 2000 л.н. (Соломина, 1999, с. 128), 2300 л.н. (Бутвиловский, 1993, с. 198). А.Н. Назаров (2006, с. 11), откалибровав радиоуглеродные даты В.В. Бутвиловского (1993) по урочищу Ештыккёль, выделяет период похолодания 2593 ± 255 – 2261 ± 150 л.н. В отличие от О.Н. Соломиной (1999) некоторые авторы (Галахов,

Назаров, Харламова, 2005, с. 77) предполагают, что на рубеже нашей эры было кратковременное потепление (до +0.6). Похожие климатические события происходили и на других территориях Сибири. В частности, в Приишимье и Притоболье прохладный климат отмечался 2500–2300 и 2100–1900 л.н., а его аридизация с повышением температур воздуха до современного уровня 2300–2100 л.н. (Зах, Рябогина, 2005, с. 96). Похолодания климата на Ямале в этот период, по данным дендрохронологических исследований (Hantemirov, Shiyatov, 2002, с. 725), проявились в VI в. до н.э. (до 0,5 °C), 400 г. до н.э., III в. до н.э., V в. н.э. Изменения климата в сторону его потепления здесь же отмечались в V в. до н.э. и в 200 г. до н.э. – 100 г. н.э. Для Европы данного времени выделяются теплый Романский период (2500 л.н.) и холодное Темное Средневековье (2000–1200 л.н.) (Монин, Сонечкин, 2005, с. 84).

Наши дендрохронологические исследования древесины археологических памятников Алтая (Быков, Быкова, Горбунов, Тишкин, 2005, с. 246) также показали резкое снижение прироста деревьев в середине VI в. до н.э. и вблизи 400 г. до н.э. Очень низкие значения радиального прироста у деревьев отмечались на протяжении большей части III в. до н.э. В VI–III вв. до н.э. у деревьев часто происходило образование морозобойных колец. Поскольку установлено (Магда, 2003, с. 16), что в периоды похолоданий даже на нижней границе леса в Юго-Восточном Алтае прирост лимитируется суммами летних температур воздуха, то можно предположить, что ряд ширины годичных приростов деревьев отражает многолетнюю динамику летних температур воздуха. Таким образом, пазырыкское время в целом можно определить как холодное. Напротив, первые две трети II в. до н.э. характеризуются интенсивным приростом, что, вероятно, было связано с потеплением (рис. 1). То же самое явление отмечается для Приишимья, где процесс аридизации во II в. до н.э. повлек за собой массовую миграцию сарматов на север и запад (Зах, Рябогина, 2005, с. 96).

Окончание Исторической стадии и начало средневекового климатического оптимума у многих авторов также не совпадают. У одних (Галахов, Назаров, Харламова, 2005, с. 77) данная временная граница отмечается на рубеже IV и V вв. н.э. При этом один из вышеназванных авторов (Назаров, 2006) предполагает, что последняя активизация ледников в Историческую стадию на Алтае была

1400 л.н. Другие (Соломина, 1999, с. 129) помещают средневековый оптимум в интервал 820–1290 гг. Наши дендрохронологические исследования указывают на то, что к VIII–IX вв. верхняя граница леса на Алтае уже была выше современной. Это означает, что потепление после окончания исторической стадии началось раньше. На генерализированной хронологии ширины годичных колец для субарктической области Северного полушария (Сидорова, Наурызбаев, 2002, с. 396) самое сильное похолодание нашего времени обнаруживается в VI в., а максимальное потепление – вблизи 1000 г. В Восточных Альпах перерыв в наступлении ледников отмечался в VI–XII вв. (Окишев, 1982, с. 123). К сожалению, для Алтая пока отсутствуют хронологии годичных колец, которые бы охватывали первые 700 лет нашей эры.

После 1000 г. на северной границе леса в Сибири начинается стабильное понижение температуры с минимумом в XIII–XIV вв. (Сидорова, Наурызбаев, 2002, с. 396). Однако алтайская хронология годичных колец (Панюшкина, Адаменко, Овчинников, 2000, с. 417) в этот период несколько отличается от северных. Холодное время здесь наблюдается с конца XI в. до конца XIII в., а теплое – в XIV и 1-й половине XV вв. Дендрохронологические данные частично не совпадают с радиоуглеродными датировками морен алтайских ледников, полученными другими авторами. Во многих крупных горноледниковых бассейнах Алтая обнаружены морены, образовавшиеся в XIV в. (Назаров, 2006, с.13). Лихенометрическими исследованиями (Соломина, 1999, с. 122) выявлена первая фаза малого ледникового периода, которая проявилась в 1200–1350 гг. Со 2-й половины XV в. наступает холодное время, которое с небольшими перерывами длится до середины XIX в. В австрийских Альпах ухудшение климата начинается со 2-й половины XVI в. (Damm, 1996, с. 17).

Сравнение периодов существования археологических культур с колебаниями климата (рис. 1) показало достаточно высокую их синхронность. Как правило, смены культур происходили после прохождения температурного минимума. Таким образом, в VI до н.э. бийкенская культура сменилась пазырыкской, в конце III – начале II вв. до н.э. пазырыкская культура – булан-кобинской, в конце V – начале VI вв. булан-кобинская – тюркской, в XI в. тюркскую культуру потеснили культуры монгольского времени.

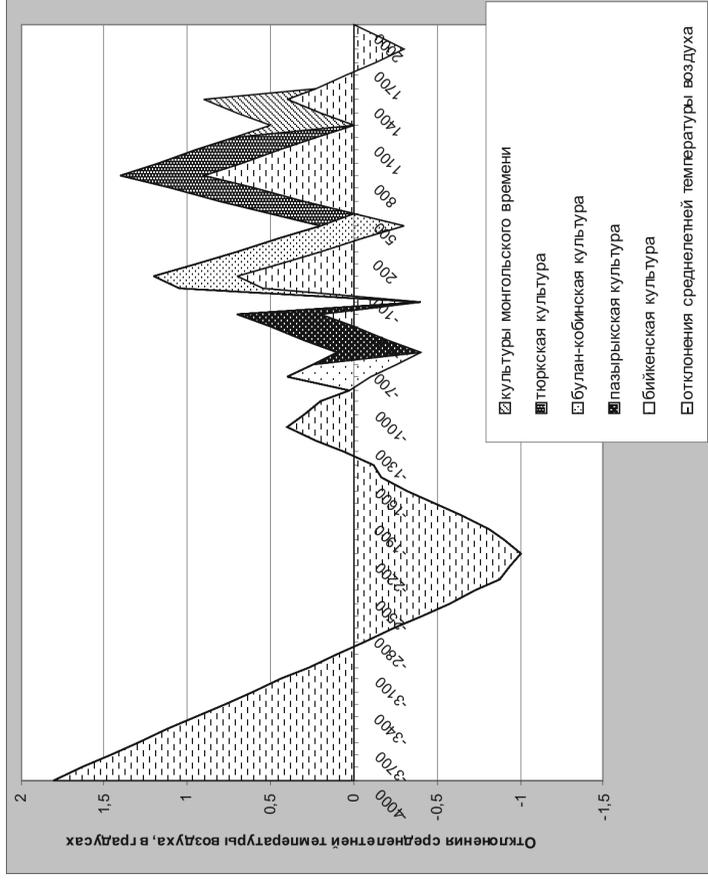

Рис. 1. Хронологические рамки археологических культур Алтая (Тишкин, Горбунов, 2005) и изменение средне-летней температуры воздуха (схема из работы Галахова, Назарова, Харламовой, 2005, с нашими дополнениями)

Исключением из общего правила является время окончания культуры монгольского времени. Оно приходится на еще достаточно теплое время. Кроме того, культура монгольского времени имела и другое отличие. Если предыдущие культуры появлялись в момент быстрого роста температур после прохождения минимума, то названная культура, сменив тюркскую, длительное время (XII–XIII вв.) существовала в холодном климате.

Послемонгольское время на Алтае, особенно XV–XVI вв., характеризуется либо незначительным числом археологических памятников, либо их полным отсутствием (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 164). Именно в этот период наблюдается вторая волна холода после оптимума средневековья (Панюшкина, Адаменко, Овчинников, 2000, с. 417) и подвижки многих ледников Алтая (Назаров, 2006, с. 22).

Механизм смены культур в зависимости от климата представляется следующим образом (рис. 2). Понижение температур сопровождалось ухудшением условий для пастбищного животноводства. Оно заключалось в понижении высотных поясов, увеличении зимних осадков в степных и полупустынных ландшафтах, сокращении вегетационного периода на летних пастбищах, уменьшении площади зимних пастбищ (рис. 2).

Кочевники в силу их мобильности, возможно, в это время покидали привычные места обитания, а на других территориях были ассимилированы. Либо ухудшение климата, приводившее к падежу скота и голоду, способствовало резкому уменьшению численности населения на данной территории. В таких условиях территориальная общность определенной культуры не могла противостоять более сильным народам. После прохождения температурного минимума незаселенные или слабозаселенные территории осваивались вновь народами с другой культурой.

Влияние похолодания на понижение высотных поясов многократно обсуждалось в литературе, поэтому не имеет смысла на этом моменте останавливаться более подробно. Следует только заметить, что реакция границ растительных поясов на изменения климата не всегда одинакова. Например, при потеплении на один градус граница леса (северная или верхняя) может продвинуться вперед (на север или вверх), а при последующем похолодании на тот же градус долгое время может оставаться на месте.

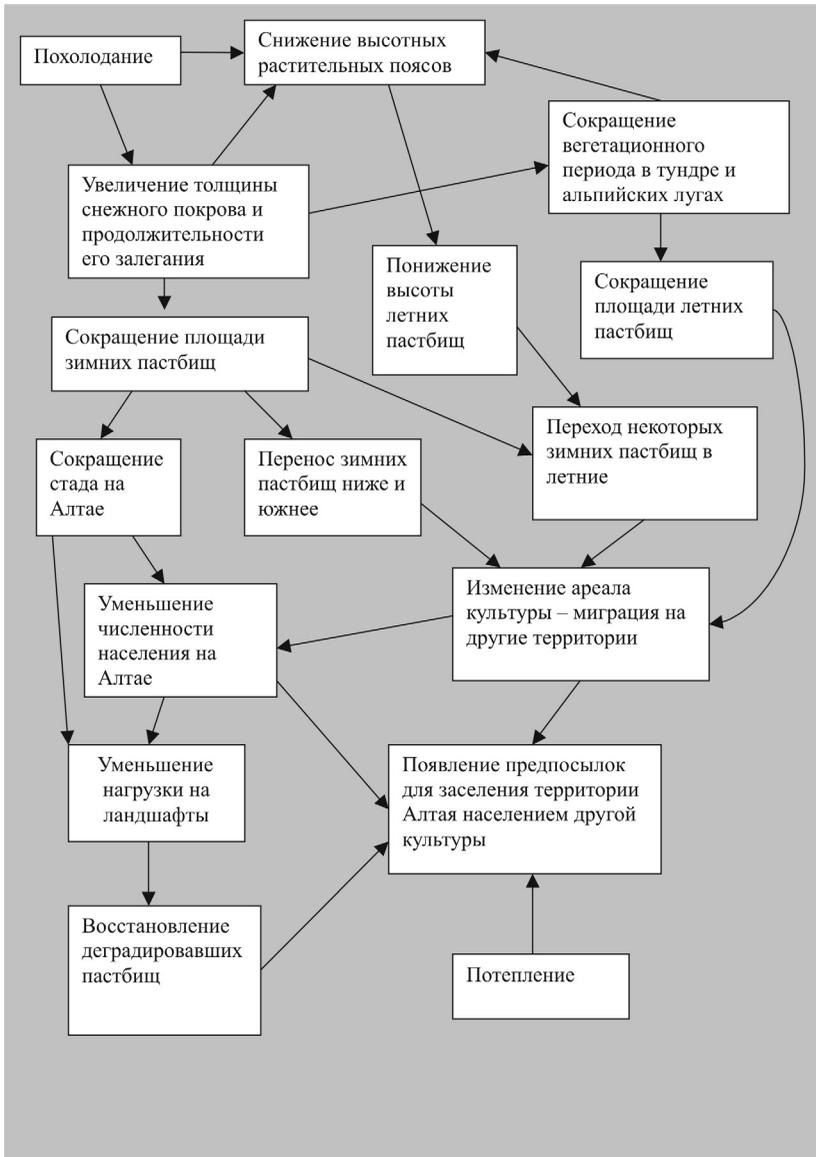

Рис. 2. Механизм смены археологических культур на Алтае под влиянием климата

Связано это с тем, что диапазон толерантности у семян меньше, чем у взрослых растений. Прекрасно эту ситуацию демонстрируют липовые острова в черневой тайге Салаирского края, где липа сегодня размножается вегетативно.

Менее очевидным является ответ на вопрос связи температур воздуха и толщины снежного покрова. Вместе с тем анализ зависимости толщины снежного покрова на период ее максимума с суммой отрицательных температур за холодный период по некоторым метеостанциям показал, что чем холоднее зима, тем значительней толщина снежного покрова (рис. 3).

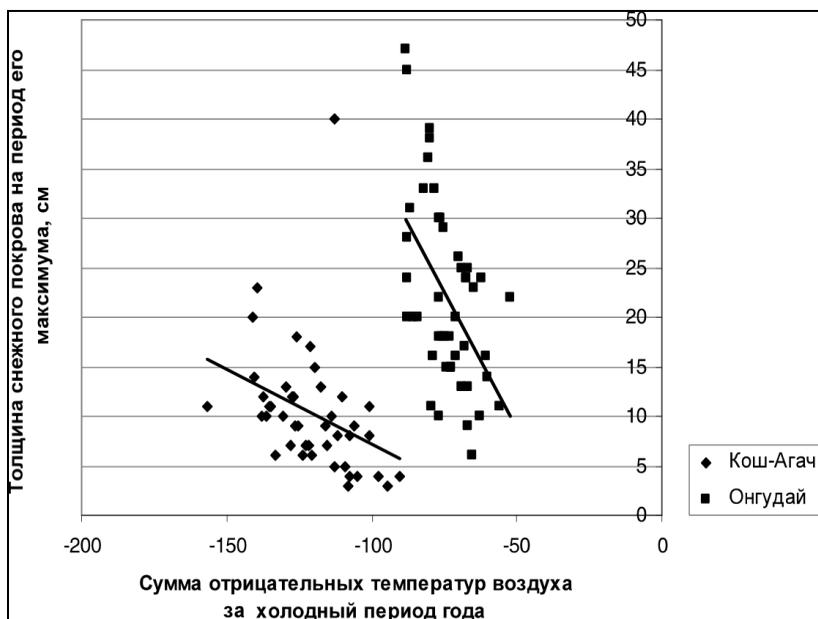

Рис. 3. Зависимость толщины снежного покрова на период его максимума от суммы отрицательных среднемесячных температур воздуха за холодный период года (октябрь–апрель)

Указание на то, что в Монголии теплые зимы чаще всего малоснежны, а холодные обычно многоснежные, имеется также в работе В.С. Ревякина (1981, с. 222). Увеличение толщины снежного покрова на период максимума ведет к увеличению продолжитель-

ности периода с устойчивым снежным покровом (Ревякин, Кравцова, 1977, с. 52, рис. 9). Продолжительность залегания снежного покрова также зависит от средней годовой температуры воздуха (Ревякин, 1981, с. 172, рис. 28), т.е. чем холоднее, тем продолжительнее залегание снежного покрова и, стало быть, короче вегетационный сезон. Последний вывод подтверждается нашими дендроклиматическими исследованиями: чем продолжительнее период устойчивого снежного покрова в предшествующую зиму, тем меньше радиальный прирост деревьев (Быков, 1998, с. 52). Снежный покров напрямую и опосредованно влияет на пастбищное животноводство. Практика показывает, что при толщине снежного покрова от 8 до 20 см уже возникает угроза тебеневки овец и бескормицы, а при толщине снежного покрова в 35-40 см даже при условии отсутствия в нем ледяных корок наступает прекращение выпаса большинства животных (Яськов, 1999).

Сказанное выше определяет функциональное место Алтая в экосистеме кочевой цивилизации центральной части Евразии. В эпохи потепления климата, когда на прилегающих к нему равнинах происходило усиление сухости, он был прибежищем для кочевников. И в это время шло его активное заселение. В эпохи похолодания номады вынуждены были искать более надежные условия существования. Эти условия предоставляли те же равнины, которые к тому времени становились более влажными, а, стало быть, урожайность пастбищ увеличивалась и их демографическая емкость тоже. В такие времена отмечалась депопуляция Алтая. Однако ответить на вопрос, что являлось главной причиной депопуляции (миграция или отрицательный естественный прирост), пока затруднительно.

Библиографический список

Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. №2. С. 3–17.

Баранский Н.Н. Моя жизнь в экономгеографии / Географический факультет МГУ. М., 2001. 196 с.

Бутвиловский В.В. Палеогеография последнего оледенения и голоцена Алтая: событийно-катастрофическая модель. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. 253 с.

Быков Н.И. Дендроиндикация многолетней динамики элементов нивально-гляциального комплекса // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 51–55.

Быков Н.И., Быкова В.А., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Результаты дендрохронологических исследований на юге Западно-Сибирской равнины и Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI., ч. I. С. 243–246.

Галахов В.П., Назаров А.Н., Харламова Н.Ф. Колебания ледников и изменения климата в позднем голоцене по материалам исследований ледников и ледниковых отложений бассейна Актру (Центральный Алтай, Северо-Чуйский хребет). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 132 с.

Голубчиков Ю.Н. География человека. М.: Едиториал УРСС, 2003. 296 с.

Зах В.А., Рябогина Н.Е. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. №4 (24). С. 85–100.

Магда В.Н. Радиальный прирост древесных растений как показатель увлажнения на юге Сибири: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Красноярск, 2003. 17 с.

Монин А.С., Сонечкин Д.М. Колебания климата по данным наблюдений: тройной солнечный и другие циклы. М.: Наука, 2005. 191 с.

Назаров А.Н. Динамика нивально-гляциального комплекса бассейна Актру во второй половине голоцена (Центральный Алтай, Северо-Чуйский хребет): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Барнаул, 2006. 23 с.

Окишев П.А. Динамика оледенения Алтая в позднем плейстоцене и голоцене. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 210 с.

Панюшкина И.П., Адаменко М.Ф., Овчинников Д.В. Дендроклиматическая сеть Горного Алтая как основа количественной палеогеографической реконструкции климата с высоким временным разрешением // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. Новосибирск: Изд-во

Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. Вып. 2. С. 413–419.

Ревякин В.С., Кравцова В.И. Снежный покров и лавины Алтая. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 215 с.

Ревякин В.С. Природные льды Алтае-Саянской горной области (внутриконтинентальный вариант гляциосферы Земли). Л.: Гидрометеиздат, 1981. 288 с.

Соломина О.Н. Горное оледенение северной Евразии в голоцене. М.: Научный мир, 1999. 272 с.

Сидорова О.В., Наурзбаев М.М. Климатический отклик деревьев лиственницы, произрастающих на верхней границе леса и надпойменной террасе в низовьях реки Индигирки // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Вып. 1. С. 391–397.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Яськов М.И. Опустынивание Чуйской котловины (Горный Алтай). Бийск: НИЦ БиГПИ, 1999. 195 с.

Damm B. Gletscher-, Landschafts- und Klimaentwicklung in der Rieserfernergruppe (Tirol) seit dem Spätglazial. Druck: Erich Goltze GmbH & Co. KG, Göttingen, 1996. 186 s.

Hantemirov R.M., Shiyatov S.G. A continuous multimillennial ring-width chronology in Yamal, northwestern Siberia // The Holocene 12. 2002. №6. P. 717–726.

Kubarev V. Der Altai als Verkehrsweg «der grossen Wanderer». Entdeckungen, Forscher, Themen und Probleme der sibirischen Archäologie // Antike Welt. 2001. №2. S. 121–137.

О.М. Гандболд

Ховдский государственный университет, г. Ховд, Монголия

К ВОПРОСУ ОБ ОХОТНИЧЬИХ ОБЫЧАЯХ У ОЙРАТОВ-МОНГОЛОВ (на примере алтайских урянхайцев)

В настоящее время на территории Монголии проживают более 20 этнических групп монгольского, тюркского и хамниганского происхождения. Алтайские урянхайцы представляют одну из них. Они живут в сомоне Дуут, Мунххайрхан Ховдского аймака, в сомонах Алтанцугц, Булган, Буянт, Алтай Баян-Ульгийского аймака, в городе Улан-Баторе, в аймаках Сэлэнгэ и Хэнтий. Вошедшие с древних времен в историю урянхайцы уже в XIII в. входили в состав Монгольской империи, а в начале XIV в. отдельная их часть стала обитать возле Алтайских гор, в местностях Или, Тарбагатай, Эрэн хавирга, Боротал, в долинах рек Иртыш и Эмээл. Эта часть получила название алтайских урянхайцев.

В данном сообщении рассматриваются обычаи, связанные с охотничьим промыслом, который у алтайских урянхайцев имеет свою специфику. В этом деле установилась и сохраняется забота о размножении и охране зверей. С давних времен существует запрет на отстрел вожака стада, животных во время случки, на животных с приплодом или находящихся в спячке и т.д. Детей обучали охотничьему ремеслу через игры, знакомили их с запретами, табу и обычаями, которые непременно должны соблюдать охотники во время охоты. Отдельные стороны процесса домашнего обучения весьма сходны с игрой «шагай харвах» (род национальной игры, напоминающий игру «в бабки»). Охотники перед отъездом на охоту приглашали домой былинщиков, которые нараспев восхваляли хозяина Алтая, хозяев зверей и дичи и тем самым уговаривали их. Так, в начале XX в. урянхайские охотники приглашали к себе домой знаменитого былинщика Жилкэр, который наизусть читал хвалу Алтаю, а по окончании гадал по бараньей лопатке и предсказывал срок и длину пути, размер трофеев и т.д. Перед отъездом на охоту охотники поклонялись хозяину Алтая, воскуривали в его честь фимиам, освящали охотничьи принадлежности, читали молитву, освящающую торока охотника.

Алтай тебе поклоняемся от чистого сердца.
Дай ты полных десяти шорлого добычи
Призываем хозяев торок, хурай, хурай.
Алтай тебя восхваляем от чистого сердца.
Дай ты полных шомпол добычи
Призываем хозяев торок, приди, приди.

Важным элементом обычая, связанного с охотой, является раздача соседям шорлого (часть милостыни хозяина Алтая). Без соблюдения этого обряда не жди больше удачи на охоте. При этом охотники, веря в то, что душа животных находится в сердце, легких, горле, челюсти, черепе, вынимают голову вместе с сердцем, легким, что и называется «зулд». Охотник не имеет права разделить зулд с другими, в противном случае отвернется охотничья удача от него. При встрече в пути с охотником справляются у него:

Ар ганзагаа дүүргэсэн
Арван хуруугаа цусдсан
Ан олзтой явна уу?

Для отъезда на охоту звероловы выбирают день собаки, ибо собака не отпускает то, что в ее зубах, а значит охота будет удачной.

Из всего вышеизложенного можно заметить, что в обычаях урянхайских охотников мы можем заметить пережитки тотемизма, связанные с охотой и почитанием таких животных, как олени, волки, беркуты, коршуны, цокоры, пищухи и т.д. Просьба, обращенная к хозяину Алтая, восхваления в его честь, освящение охотничьих снаряжений, запрет охотиться на зверя с необычным видом, а также на отдельные виды птиц, твердое установление дня и часа отъезда и др. – все это обычаи урянхайцев. Влияние ламаизма на них почти не заметно.

Достаточно широко распространено в обычаях и обрядах представление о существовании разума и сознания у животных и в предметах окружающего мира, а также наделение ими фантастических или мифических животных и растений. Иными словами, в почитании природы, в хозяйственных действиях людей сохранились в определенной мере традиции антропоморфизма.

Т.Г. Горбунова, А.А. Тишкин
Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАРАДНОЙ ЭКИПИРОВКИ ВЕРХОВЫХ ЛОШАДЕЙ ТЮРКСКИХ ВОИНОВ*

В настоящее время существует большой интерес к истории многих народов России, культура которых имеет свои корни в средневековых кочевых обществах Евразии. К сожалению, письменных свидетельств сохранилось чрезвычайно мало. Поэтому наиболее информативными источниками для воссоздания целостной картины культурно-исторического и военно-политического развития племен являются предметы материальной культуры, а также другие данные, полученные в ходе археологических исследований. Своеобразными хронологическими и этнокультурными маркерами различных периодов древности и средневековья выступают предметы вооружения и конского снаряжения. Последние являются объектом нашего изучения. Достаточное число современных исследователей (М.В. Горелик, Ю.С. Худяков, А.И. Соловьев, В.В. Горбунов и др.) обращаются к реконструкции внешнего вида средневековых воинов кочевого евразийского мира, но облику верховой лошади не всегда уделяется должное внимание. В связи с этим цель настоящей работы заключается в реконструкции парадной экипировки лошадей тюркских воинов, а также в выявлении ряда этногенетических и социокультурных процессов таких, как традиции, распространение модных стандартов, миграции и другие виды контактов средневекового населения Евразии. Обобщенные результаты отражены в основной части статьи и продемонстрированы на иллюстрациях.

На протяжении уже нескольких тысячелетий человек использует лошадь для различных целей: в качестве тяглового или верхового животного, как эквивалент ценности или показатель социального положения человека. В области современного научного знания существует ряд проблем, требующих систематизации источников и комплексного их изучения: domestикация лошади, регио-

*Работа выполнена при частичной поддержке РФГФ–МинОКН Монголии (проект №06-01-91809а/G).

нальные и временные рамки данного процесса, а также использование животного «под верх». К раннескифскому времени (конец IX–VI вв. до н.э.) относится формирование кочевого образа жизни, а также комплектов снаряжения верховой лошади, которые продолжают свою эволюцию в последующие исторические эпохи. При этом изменения конской амуниции всегда были взаимосвязаны с такими важными факторами, как развитие военного дела, формирование и распространение модных стандартов, социальная и этническая значимость элементов экипировки животного. Известные к настоящему времени письменные источники не отражают такие изменения в культурном развитии, поэтому исследователи все чаще обращаются к археологическим данным, которые достаточно многочисленны и объективны по своей сути. Анализ археологических материалов при учете историко-культурной ситуации дает возможность представить процесс исторического развития в его целостности и последовательности. Один из периодов, требующих такого подхода, – раннее средневековье.

Вторая половина I тыс. н.э. на территории Евразии ознаменовалась сложением кочевой империи, основоположниками которой стали тюрки. Первый Тюркский каганат (552–603 гг.) на несколько десятилетий подчинил многие кочевые племена степного пояса Евразии. Тюркская государственность основывалась на единой социально-политической структуре и идеологии, а также на сформировавшихся традициях в материальной культуре. Это стало определяющим для культурного контекста рассматриваемого региона и выразилось в применении определенных социально-престижных предметов: парадной одежды и декорированного конского снаряжения, украшенных поясов, пиршественной посуды, оружия и др. Такие части материальной культуры являлись обязательными атрибутами жизни каганов (глав тюркских держав), знати и воинов. Однако информация об этих элементах не всегда является полноценной. В таких ситуациях исследователи применяют один из основных методов исторического исследования – реконструкцию различных аспектов жизнедеятельности древнего или средневекового населения, история и культура которого недостаточно освещены в письменных источниках.

Реконструкция представляет собой воссоздание нарушенного первоначального облика чего-либо, выполненное в натуре или

выражающееся в составлении описания объекта, его чертежа, рисунка, модели. Данный метод осуществляется на основе сохранившихся частей или фрагментов памятника, изделия и т.д. Реконструкция должна быть научной и глубоко аргументированной. Хотя, безусловно, отчасти она может иметь гипотетический характер. При реконструкции целесообразно применение комплексного подхода, т.е. использование всех имеющихся групп источников: археологических, иконографических, письменных и др. Это связано с тем, что археологические материалы не всегда предоставляют нам полную информацию о том или ином наборе предметов. Например, не достаточно информативен уздечный комплект, происходящий из ограбленного погребения. Поэтому его полноценная реконструкция предполагает привлечение дополнительных источников информации.

Применительно к эпохе средневековья таковыми являются изобразительные (иконографические) материалы. Термин «*иконография*» в переводе с греческого означает «пишу изображение» и представляет собой систему вариантов (канонов) изображения персонажа, лица, события. В эпоху средневековья сложились определенные каноны изображения экипированных верховых лошадей или воинов на таких конях, которые несли реалии своего времени. К рассматриваемому историческому периоду относится несколько категорий изобразительных данных, среди которых отметим следующие: погребальные скульптуры верховых лошадей, барельефы, дворцовые росписи, бронзовые бляхи, гравировка на кости/роге, петроглифы, выполненные в технике граффити (прочерчивания) и выбивки. Весь этот перечень представляет достаточно важную информацию для реконструкции парадного снаряжения лошадей эпохи раннего средневековья, восполняя имеющиеся пробелы и помогая создать реконструкцию, максимально близкую к оригиналу для того, чтобы увидеть, каким образом выглядели экипированные животные в прошлом.

В археологических памятниках тюрок V–XI вв. н.э. на территории Горного Алтая, Тувы, Минусинской котловины, Монголии и Тянь-Шаня обнаружены наборы металлических украшений от снаряжения верховых коней кочевников. Они дают представление о внешнем виде узды и ременных конструкциях седла (Горбунова (Шиготарова), 2002). Сравнение археологических материалов с из-

вестными изобразительными источниками позволило реконструировать их и представить результаты данной работы в виде графических изображений.

Со 2-й половины VI в. по 1-ю половину X в. тюрки применяли парадные уздечные наборы, в которых отсутствовал налобный ремень (табл. I). Такие комплекты реконструируются на основе вещественных материалов из погребальных комплексов Горного Алтая: Кудыргэ, Курай-IV и Курай-VI (табл. I.-1–3). Указанная особенность конструкции находит подтверждения в иконографических материалах. Во-первых, известен петроглиф, изображающий тюркского всадника, из бассейна р. Чаганки на территории Горного Алтая (табл. I.-5). Огололье лошади на данном рисунке не имеет налобного ремня. При этом наносный ремень смещен несколько выше своего «стандартного» положения и находится посередине морды лошади. Следующее иконографическое свидетельство узды без налобного ремня представлено на статуэтках всадников из могильников Астана и Туук-Мазар (табл. I.-4). Эти памятники расположены в Турфанском оазисе (Восточный Туркестан). Рассматриваемые скульптурные изображения датируются 640 г. – 80-ми гг. VIII в. Документы, относящиеся к данному периоду и времени существования могильника Астана, свидетельствуют об усилении тюрко-язычной прослойки среди населения Турфанского оазиса, в том числе о расселении в 734 г. в уезде Сичжоу целого тюркского племени. В связи с этим целесообразна трактовка скульптурок из Астаны и Туук-Мазара как изображений тюркских воинов, служивших в войсках Танского правительства Китая. Третьим изобразительным подтверждением использования тюрками оголовья без налобного ремня являются рисунки всадников на лошадях из пещеры №11 комплекса Шикшин в Восточном Туркестане, датированном VII–VIII вв. (табл. I.-6).

Несколько дольше, со 2-й половины VI в. до XI в., в снаряжении верховых лошадей тюрки использовали комплекты, включавшие в свою конструкцию налобный ремень. Такие наборы происходят из памятников Горного Алтая (Кудыргэ, Юстыд-XII, Узунтал-VI, грот Балтарган (табл. II), Балык-Соок), а также из тюркских комплексов в Монголии, Минусинской котловине, Туве и на Тянь-Шане. Данным комплектам также имеются свои иконографические аналогии: изображения тюркских воинов на костяной луке седла из

могильника Кудыргэ, статуэтки из комплекса Астана, а также петроглиф из урочища Хар-Хад в Монголии. Рисунки Хар-Хада датируются VI–VII вв. и интерпретируются как тюркские.

Наконец, известно несколько типов оголовий верховых коней, используемых тюрками, у которых кроме налобного, наносного, нащечных, затылочного и подбородочного, присутствовал срединный ремень. Он располагался параллельно с нащечными и крепился своими концами к налобному и наносному ремням. В одном из тюркских погребений Горного Алтая у села Жана-Аул на черепе коня был зафиксирован уздечный набор в виде кусков сыромятных кожаных ремней с бронзовыми украшениями на них. Реконструкция данного суголовья позволила установить, что оно, помимо прочих, включало срединный ремень (Тишкин, Горбунова, 2004, рис. 53.-3). Кроме того, в нескольких погребениях могильника Кудыргэ (Гаврилова, 1965) обнаружены уздечные наборы, которые, на наш взгляд, также включали срединные ремни (табл. III). Возможность наличия такого ремня в конструкции узды подтверждается данными иконографии. Такой элемент фиксируется на одной из статуэток могильника Астана, на изображении из пещеры Шикшина, а также на барельефном изображении галопирующей лошади из гробницы китайского императора Тайцзуна (умер в 649 г.). Следует подчеркнуть, что вещественные находки украшений, позволяющие реконструировать суголовья со срединным ремнем, пока известны только в памятниках тюрков, относящихся ко 2-й половине VI в. – 1-й половине VII в., т.е. ко времени существования Великого Тюркского каганата (552–603 гг.) и Первого Восточно-тюркского каганата (604–630 гг.).

Отметим, что, по данным археологии, в тюркских материалах фиксируются и суголовья, у которых отсутствует наносный ремень, но в иконографических материалах подтверждений такой особенности пока не встречено.

Информация, которую могут предоставить иконографические источники, не исчерпывается вышеприведенными сведениями. Кроме конструкции узды, они во многом помогают уточнить или выяснить расположение различных категорий украшений, выполненных из художественного металла и являющихся составной частью уникального материального комплекса тюркской культуры.

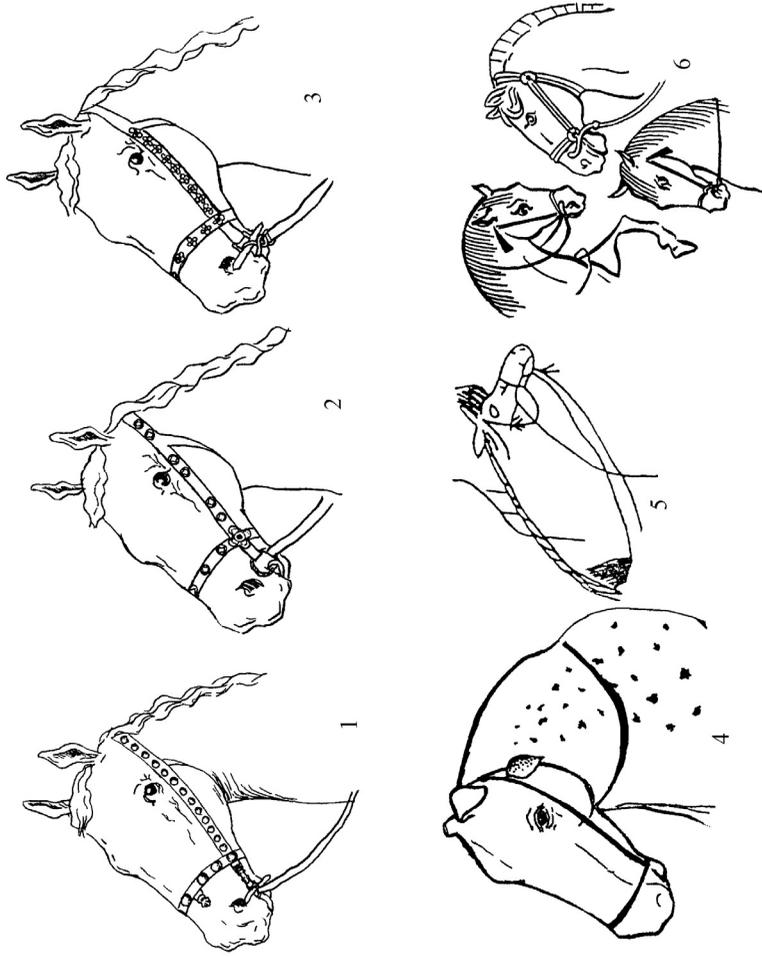

Табл. I. Парадные уздечные наборы верховых лошадей тюркских войнов
(комплекты без налобного ремня)

Табл. II. Парадный уздечный набор верховой лошади тюркской культуры (комплект с налобным ремнем, реконструкция по материалам памятника Балтарган)

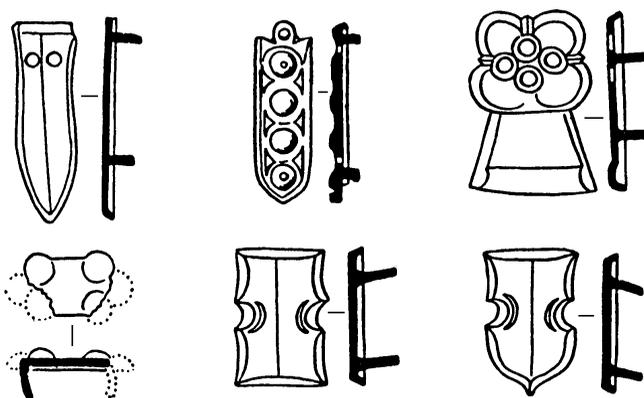
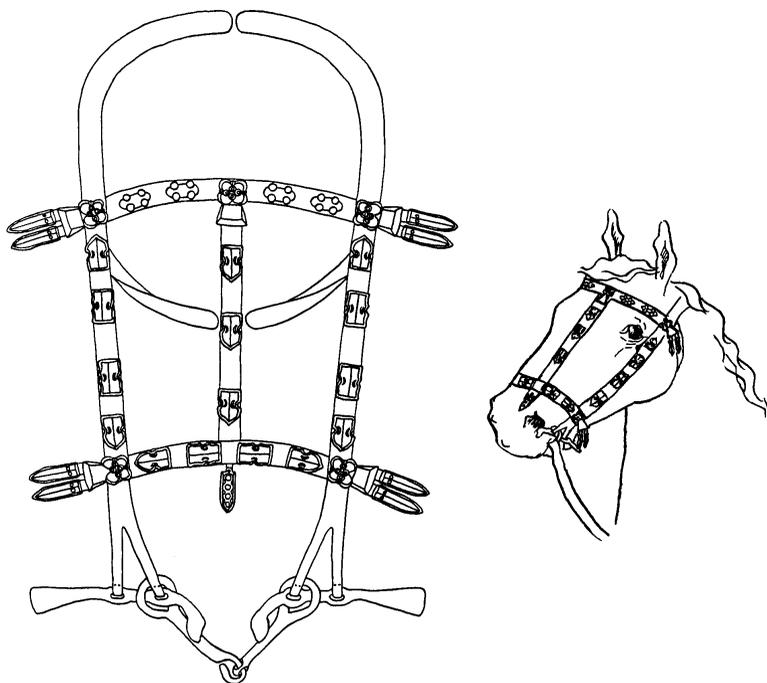

Табл. III. Парадный уздечный набор верховой лошади тюркской культуры (комплект со срединным ремнем, реконструкция по материалам могильника Кудыргэ)

Данные изделия представляли собой предметы, изготовленные из бронзы, серебра, золота, железа и украшенные дополнительным декором: растительным или геометрическим орнаментом, полусферической выпуклой с изображением колокольчика или личины человека, имитацией зерни либо инкрустацией с помощью серебряных или золотых пластинок. Источниковая база для реконструкций конского снаряжения раннесредневековых кочевников Алтая составляет более 1370 украшений от 108 комплектов (Гаврилова, 1965; Кубарев, 2002; Худяков, Кочев, Моносов, 1996; Тишкин, Горбунова, 2004; и др.). При их изготовлении применялось несколько технических приемов: штамповка, литье,ковка. Встречены «облагороженные» изделия. Отмечается холодное, горячее и листовое золочение. Располагались украшения на ремнях узды, нагрудника и на крупника верховой лошади кочевника. Изобразительные источники демонстрируют особенности местоположения таких изделий.

Следует обратить внимание на следующие материалы: статуэтки тюркских всадников 2-й половины VII–VIII вв. из Астаны, Туяк-Мазара и китайское скульптурное изображение лошади, датирующееся VIII в. (табл. IV.-1, 3, 4, 6). На данных изделиях конские нагрудники украшены пятью подвесками сердцевидной формы, а на крупники – шестью аналогичными декоративными предметами. Кроме того, двумя такими подвесками украшено оголовье. Они располагались по одной слева и справа на уровне глаз лошади (или по краям налобного ремня, если он присутствовал). Таким образом, весь набор украшений, находившихся на коне, предполагал 13 подвесок. В случае же если узда включала налобный ремень с налобной подвеской, то таких изделий в наборе было 14. Имело место и отклонение от комплекта из тринадцати блях, когда на нагруднике вместо пяти располагалось три подвески. На крупнике же вместо шести их могло быть четыре, как на одной из конных статуэток Астаны, либо десять, как на петроглифе из Кочкорской долины в Центральном Тянь-Шане, датируемом 716–739 гг. (табл. IV.-5).

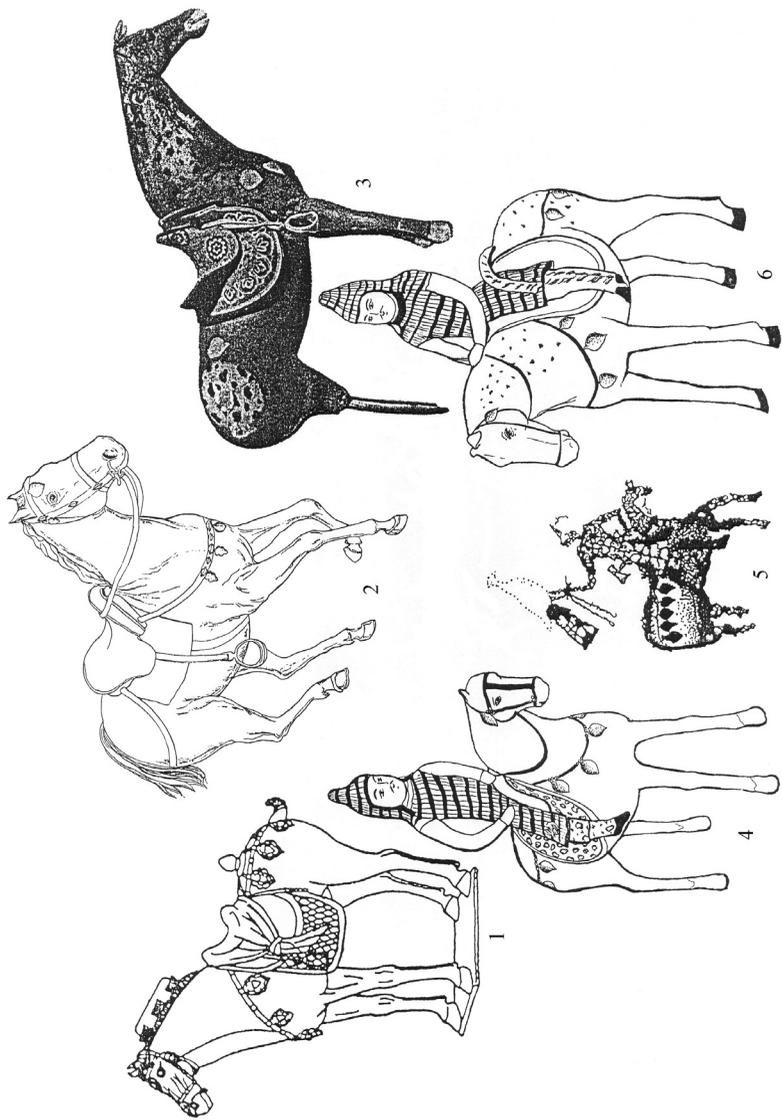

Табл. IV. Расположение блях-подвесок на амуниции верховых коней тюркских всадников

При этом могли иметь место ситуации, когда украшалось суголовье и ремень нагрудника или суголовье и ремень накрупника, т.е. одна из кожаных конструкций седла не снабжалась декоративными изделиями. Заметим, что идея подобного украшения различных частей конской амуниции могла быть заимствована тюрками в Китае в эпоху Второго Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.), когда имели место военные и торговые контакты, а также посольские отношения между двумя соседствующими государствами. Известны китайские иконографические источники (скульптурные изображения верховых лошадей VI–VII вв.), на которых фиксируется декорирование нагрудника тремя или пятью, а накрупника шестью подвесными украшениями. Вероятно, что тюрки восприняли эту особенность, но сами украшения (гладкие бляхи сердцевидной формы) являлись уже собственно тюркской новацией, поскольку китайские подвески имели совершенно иные формы и декоративное оформление.

Гладкие бляхи-подвески сердцевидной формы, фиксируемые по данным иконографии, происходят и из археологических памятников тюрок Алтая и Монголии VIII – 1-й половины IX в. Информация, выявленная на основе анализа иконографических источников, позволила осуществить некоторые реконструкции. Так, в одном из тюркских погребений Монголии был обнаружен набор украшений верховой лошади, включавший подвески. Исходя из расположения этих изделий на костяке лошади и рядом с ним, удалось установить, что бляхи закреплялись на оголовье и нагруднике (Евтюхова, 1957). Реконструированный вариант этого комплекта снаряжения представляется нам следующим: узда украшалась налобной бляхой (более крупной по сравнению с другими) и двумя подвесками, располагавшимися по краям налобного ремня (на уровне глаз лошади). На нагруднике закреплялось пять таких же блях-подвесок: одна по центру и по две симметрично слева и справа (табл. IV.-2). Следует подчеркнуть, что в данном случае мы получили твердую основу для реконструкции, поскольку набор украшений был зафиксирован в погребении «in situ» (т.е. в первоначальном положении). Такое же расположение блях прослеживается в иконографических материалах.

Наконец, изобразительные источники предоставляют информацию и о возможном месторасположении такой категории украшений, как султанчики, которые представляли собой изделия, состоявшие из втулки и пластины и служившие для закрепления волосяного или перьевого султана на ремне снаряжения.

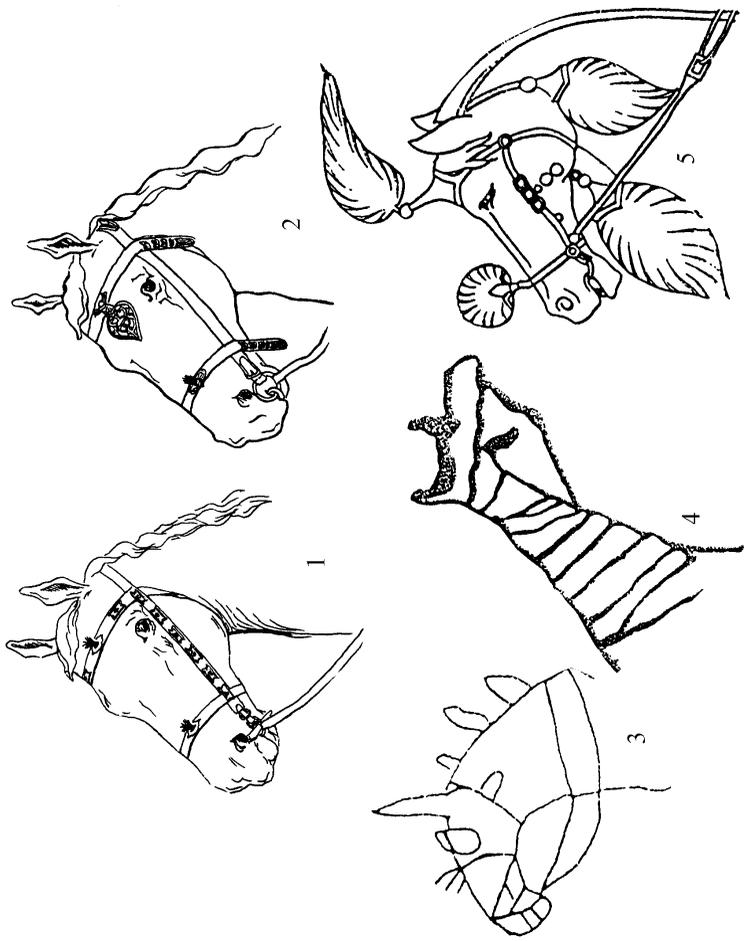

Табл. V. Султанские украшения на конском снаряжении тюрок

Предшественниками средневековых султанчиков являлись бляхи раннего железного века, располагавшиеся на наносном и/или на налобном ремнях оголовья. Как правило, они имели изображения каких-либо реальных или мифических животных: птицы, грифона, лося и т.д. В эпоху средневековья применялись султанчики, которые могли закрепляться на наносном или налобном ремне оголовья. Кроме этого, следует отметить начельные украшения, устроенные между налобным и затылочным ремнями, и накрупные, которые закреплялись на накрупном ремне конского снаряжения. В археологических памятниках тюрок Горного Алтая и Минусинской котловины фиксируются наносные султанские украшения.

В росписях 2-й половины VII в. – 1-й половины VIII в. дворца Афрасиаб в Средней Азии изображено семь лошадей с наносными и налобными султанчиками (табл. V.-5). В этом сюжете представлена сцена прибытия в Самарканд (столицу Согда) посольства из Чаганиана. В погребении знатного тюркского воина на памятнике Балык-Соок (Кубарев, 2002) в Горном Алтае был обнаружен набор украшений конского снаряжения, среди которых наибольший интерес представляют две бляхи с отверстиями (табл. V.-1). Эти изделия выступали в роли султанских украшений и служили для закрепления волосяных или перьевых пучков на налобном и наносном ремнях оголовья по аналогии с рассмотренными изображениями из Афрасиаба (Альбаум, 1975). Таким образом, использование двух одинаковых султанских украшений на узде можно связывать со среднеазиатским влиянием. Необходимо подчеркнуть, что изображения султанчиков известны в тюркских петроглифах Монгольского Алтая, которые датируются VI–VII вв. (табл. V.-3, 4). Данные источники позволяют говорить о том, что султанчики использовались тюрками для украшения амуниции верховых лошадей еще в эпоху Великого тюркского каганата.

Тюркская традиция украшения кожаных конструкций конского снаряжения не исчезла бесследно после падения в середине VIII в. Второго Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.). Тюрки продолжали использовать такие декоративные изделия, как подвески и султанчики, на протяжении 2-й половины VIII–X вв. (табл. V.-2). Кроме того, под их влиянием аналогичные подвески появились в этот период времени в материалах кыргызов Минусинской котловины, на территории Алтайской лесостепи и Кузнецкой котловины, где происходило их дальнейшее эволюционное развитие вплоть до XII в.

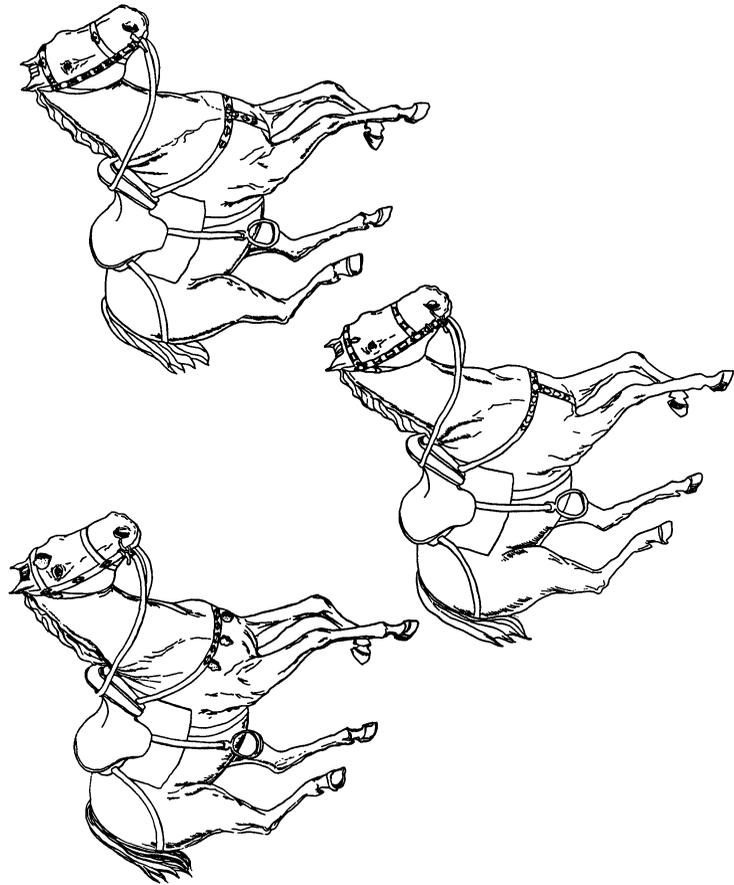

Табл. VI. Реконструкции конской амуниции верховых лошадей тюрок Горного Алтая и Монголии

Таким образом, иконографические источники являются достаточно информативными, предоставляющими разнородные, а порой уникальные сведения об амуниции верховых лошадей. Сравнительно-описательный анализ этих данных и вещественных археологических материалов позволяет составить достаточно полное представление о конструкции конского снаряжения и о наборах украшений, располагавшихся на нем (Тишкин, Горбунова, 2004).

В настоящей работе с опорой на иконографические материалы удалось определить отличительные черты тюркской традиции парадной экипировки верховых лошадей: применение сердцевидных подвесок на оголовьях, нагрудниках и на крупниках, султанских украшений (табл. VI). Данное явление, предполагающее господство определенных стандартизированных наборов украшений в сочетании с конкретными ремennыми конструкциями, можно именовать «модой» на изделия, выполненные и используемые в тюркском стиле. Важной функцией таких модных предметов, как украшения конского снаряжения, в рассматриваемую эпоху была социальная маркировка и идентификация. Использование изделий, соответствовавших модным стандартам, подчеркивало принадлежность их владельца к определенной социальной группе и фиксировало его социальный статус. Универсальность явления моды выражается в ее способности легко преодолевать межгосударственные границы. Военно-политическое преобладание тюрков обусловило переориентацию знати других кочевых племен на художественные образцы господствующей культуры и, следовательно, на использование социально престижных и эстетически привлекательных украшений конской амуниции. В рассматриваемом случае украшения снаряжения лошади, обладавшие декоративным эффектом, под влиянием тюрков либо при непосредственном их участии заимствовались носителями иных культур и территорий. Тюркская традиция на украшения амуниции лошадей получала дальнейшее развитие в рамках новых объединений

Библиографический список

- Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975. 106 с.
Гаврилова А.А. Могильник Кудьргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Горбунова Т.Г. (Шиготарова). Оголовья верховых лошадей тюркской культуры Горного Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9. С. 91–103.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов) // Советская археология. 1957. №2. С. 205–227.

Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 88–112.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 126 с.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996. №3. С. 46–53.

Ч. Дашзэвэг

Ховдский государственный университет, г. Ховд, Монголия

ИЗМЕНЕНИЯ ПРИРОДНЫХ ЭКОСИСТЕМ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ

В статье дается общий обзор изменения природных экосистем Монгольского Алтая и определение классификации морфогенеза рельефа, который является одним из основных компонентов природы Монгольского Алтая.

Провинция Монгольского Алтая расположена в западной части Монголии. Ее протяженность с северо-запада на юго-восток составляет более 800 км, а ширина в этом же направлении уменьшается с 500 до 50 км. Хребет Монгольского Алтая, который составляет основу данной физико-географической провинции, ориентирован аналогично. На востоке он ограничен котловиной Больших Озер, а на западе – котловиной Барун хурай. Южнее Монгольский Алтай переходит в Гобийский Алтай.

Территория Монгольского Алтая представляет собой уникальный природный комплекс в центре Азии, сочетающий в себе высокогорную тундру, горные луга и горные степи – эталон криоаридных высокогорных систем. Вершины гор плоские, склоны крутые, что свидетельствует о поднятии древних поверхностей выравнивания новейшими горообразовательными движениями. Следы четвертичного горного оледенения повсеместы в западной части Монгольского Алтая, которая является наиболее высокой. Основные ледниковые формы рельефа в пределах территории Монгольского Алтая – кары и ледниковые долины.

На протяжении XIX в. исследователи полагали, что хребты Алтая – это последствия палеозойской складчатости. В начале XX в. сформировалась точка зрения, что горы Алтая возникли в результате относительно молодых вертикальных блоковых движений (Обручев, 1915) или сводового воздымания (Гране, 1915).

По морфогенезу рельеф Монгольского Алтая подразделяется на три основных типа: денудационно-тектонический, денудационно-аккумулятивный, аккумулятивный, а также на несколько подтипов. Большую часть рельефа составляет денудационно-тектонический тип.

1. Тектонико-денудационный тип рельефа. Поверхность в основном образована в результате тектонического движения или выветривания внешних сил земной коры, высоко приподнята.

1. К этому типу относится высокогорный альпийский тип рельефа со следами древнего оледенения ($h = 3500-4500$, $h = 1000$ и больше): Главные горы Монгольского Алтая – Табон Богд, Цэнгэл Хайрхан, Мунххайрхан, Цамбагарав, Сутай, Баатарын нуру, Хух сэрхийн нуру, Жаргалант хайрхан и др. На высоте 3600–3800 м над уровнем моря отчетливо видны кары, троговые долины, конечные морены. Влияние нивально-гляциальных условий велико и сегодня. Об этом говорит тот факт, что даже в начале июля здесь отмечается значительная толщина снежного покрова. Так, например, во время наших исследований 1 июля 2002 г. на горе Мунххайрхан (абсолютная высота 3400 м) она составляла 1–2 м. Эти горы, относящиеся к основным горам Монгольского Алтая, подвержены новым тектоническим движениям, их поверхность сильно изменена. В основных и отроговых горах образовались выступы. Остатки поверхностей древнего выравнивания были установлены на разных уровнях, начиная с низких гор. Развитие пенеплена весьма активно идет в тех горах, где осуществляется эрозийный и денудационный процессы поверхности. Это отрицательно сказывается на устойчивости почвенного и растительного покрова, а также пастбищ. Из-за разветвления и выветривания образуются каменные осыпи, оползни, которые занимают одну треть поверхности.

Район высоких гор с вечными снегами и ледниками, а также следами древнего оледенения в свою очередь имеет самую большую густоту расчленения (менее 0,5 км). Глубина расчленения здесь достигает более 1000 м, углы наклона – 16–20 градусов, но часто превышают 20 градусов. Подобный рельеф неудобен для ведения хозяйственной деятельности, за исключением некоторых отраслей животноводства (разведение овец, коз, яков).

2. Плоско- и куполовершинные высокие горы с широко-развитыми древними поверхностями выравнивания и следами древнего оледенения. К данному типу рельефа относятся горы Бумбат Хайрхан, Алтан Хухий, Тэрэгт, Тумт, Угалзын нуру (Хребет тысячи диких баранов) и крайние горы основных хребтов. Их абсолютная высота – 2500–3500 м, относительная – 800–1000 м, в отдельных местах – больше 1000 м. В этих горах отчетливо сохранена поверхность древнего выравнивания (Cr – Pg). Вершины

этих гор плоские или слегка выпуклые, из-за чего склоны очень изрезаны и труднодоступны. Под влиянием резко континентального климата активизируется процесс морозного выветривания, в вершинных частях образованы террасы. Ширина поверхностей древнего выравнивания здесь может достигать 1–2 км, южная боковая сторона крутая, скалистая, богатая каменной осыпью, в истоках речных долин наблюдаются кары, ледники, флювиогляциальные скопления, конечные и боковые морены.

Густота расчленения поверхности составляет 1–0,5 км, наклон поверхности примерно 20 градусов, что непригодно для земледелия, а в пастбищном отношении благоприятно для яков, лошадей и мелкого скота. Кормовой резерв пастбищных угодий недостаточен.

3. Островершинные крутосклонные, сильнорасчлененные средневысокие горы. К этому типу относятся гобиобразные горы – Заалтайские гобийские и горы, вытесненные в Котловину Больших озер. На вершинах появляются базисные камни, наклон 20–30 градусов и больше, боковой разрез прямой и вогнутый. В верхних и склоновых частях распространены каменные осыпи. Вершинная часть гор сильно подвержена выветриванию от холода, ветреной и водной эрозии, из-за чего образуются пролювиальные и делювиальные скопления, возникающие особенно на склонах и подошвах. Вследствие сухого климата почвенный покров тонкий, растительный покров редкий. Поверхность сильно подвержена эрозии. Преобладает пустынноstepной тип. В основном эти места подходят для пастбищ мелкого скота.

II. Денудационно-аккумулятивный тип рельефа. Для образования этого типа рельефа роль тектонических влияний незначительна, основную роль играет развеивание из-за внешних сил, т.е. воды, оледенения, мерзлоты и ветра, аккумулируются скопления, преобладает морфоскульптурный рельеф. К названному типу рельефа относятся мелкосопочки, волнисто-увалистые и цокольные равнины.

1. Мелкосопочки. На территории Монгольского Алтая мелкосопочки распространены по краям горных систем и вблизи рек. Их абсолютная высота составляет 1300–1500 м. В сильно-изреженных мелкосопочниках есть множество оврагов и сухих русел, образованные в результате кратковременных дождей. Густота расчлененности достигает 0,5–2 км. В местах, где мелкосопочки

переходят к степям или речным долинам, часто встречаются холмы, валуны, утесы. Здесь же находятся отложения, образованные действием гравитационной силы, поверхностного течения и ветра. Наклоны мелкосопочников 6–12 градусов. Для любого типа животноводства здесь находятся основные пастбища. Однако они сильно деградировали из-за деятельности людей, чрезмерного увеличения поголовья скота и сухости климата.

2. Волнисто-увалистые и цокольные равнины. Значительная поверхность Котловины Больших Озер, пустынно-степной и пустынной зон и Заалтайской гоби принадлежит этому типу рельефа. Здесь преобладает каменистая поверхность, климат резко континентален, летом жаркий и сухой, осадков мало, почва – гобийская серая, плодородность низкая, растительность редкая. Развеивание от холода и жары, ветровая эрозия значительны. Из-за таких внешних проявлений наблюдаются процессы опустынивания и деградации пастбищ.

III. Аккумулятивный тип рельефа. Сюда относятся делювиально-пролювиальные, мягкоувалистые, долинообразные равнины, внутригорные плоскодонные равнины, озерно-солончаковые равнины, речные долины с аллювиальными скоплениями. Данному типу рельефа соответствуют озера Хар-Ус, Дургун, Зэргинский Цаган-нур, Дарвинский Цаган-нур, Ачит-нур, Толбо-нур, прибрежные места оз. Цэцэг, впадины, острова, полуострова, типичная поверхность, распространенная в бассейнах рек Ховд, Буянт, Булган, Цэнхэр. Преобладают четвертичные отложения: их толщина 100–200 м. В основном господствует пустынно-степная растительность, в некоторых местах много камышей и тростников. В осенне-зимне-весеннее время эти места являются основными пастбищными угодьями. Но из-за нерациональной деятельности людей их площади резко сократились.

Здесь типичны морфоскульптурные рельефы, возникшие в результате внешних сил: воды, оледенения, мерзлоты и ветра. Кроме того, часто встречаются песчаные барханы, гряды и дюны в Котловине Больших озер и Заалтайской гоби. Из года в год песчаная площадь увеличивается, тем самым активизируется процесс опустынивания. Согласно исследованиям ученых, 70% всей территории пастбищ подвержено какой-либо степени обеднения, 7–10% – сильной деградации, урожайность на 1 га снизилась на 19–24%. Это показывает явную потерю экологического равновесия

природной экосистемы. В пастбищном отношении этот процесс тоже усугубляется.

Хозяйственная зона Монгольского Алтая представлена сельскохозяйственной зоной, включающей массивы пастбищ малой интенсивности использования. Здесь преобладают горно-луговые, гольцовые и ледниковые ландшафты, которые пригодны для летнего выпаса овец, коз, лошадей и яков.

Эти красивые места имели прекрасные пастбища. Однако в последние годы из-за сухого климата и увеличения концентрации населения, техники и скота в главных пастбищеносных местах наблюдается деградация пастбищ и ухудшение их урожайности.

Животноводство, которое занимает 90% сельскохозяйственного производства западных регионов Монголии, и его хозяйственная деятельность опираются на пастбища и пастбищные водоносные пункты, т.е. они в полной зависимости от природы. Пастбище определяется не только почвенным и растительным покровами, урожайностью, но и целыми природными комплексами, состоящими из рельефа, горных пород, богатства недр, вод – ледников, растений, животных, воздуха, которые во взаимной обусловленности закономерно сохраняют плодородность почвы и устойчивое положение пастбища.

Изменения одного из природных компонентов в зависимости от неправильной деятельности человека приведут к регрессу одного комплекса, тем самым к появлению отрицательных черт целого естественного комплекса, например, к ухудшению растительности, а далее ухудшаются и пастбища.

Поэтому необходимо более точное комплексное исследование о природных естественных условиях, растительности, пастбищах, почвах, рельефе, климате и гидрологии, о социально-экономических условиях, которые необходимы для животноводческого производства на территории Монгольского Алтая.

Библиографический список

- Гране И.Г. О ледниковом периоде в Русском Алтае // Известия Западно-Сибирского отделения Русского Географического общества. 1915. Т. 3, вып. 1–2. С. 1–59.
- Геоморфология МНР. М., 1982.

Мурзаев Э.М. МНР (физико-географическое описание). М., 1952.

Национальный атлас МНР. М., 1990.

Обручев В.А. Алтайские этюды (этиюд первый). О тектонике Русского Алтая // Землеведение. 1915. №3.

Сапожников В.В. По Алтаю. М., 1949.

Синицын И.К. Центральная Азия. М., 1959.

Даш Д. Физик газарзүйн мужлалын шинэчилсэн хувилбар. Монгол орны ландшафт-экологийн зарим асуудлууд. Улаанбаатар, 2000. Хууд. 84–87.

Дашзэвэг Ч. Общие черты рельефа Монгольского Алтая: Докл. VI Междунар. науч. конф. (19–21 сентября 2003 г., г. Ховд, Монголия). Ховд, 2003. Хууд. 68.

Жигж С. Монгол орны хотгор гүдгэрийн үндсэн хэв шинж. Улаанбаатар, 1975.

Нямдаваа Г. Ховд аймгийн нутагт мал аж ахуй эрхлэх байгалийн нөхцөл нөөцийн онцлог. Улаанбаатар, 2000.

Ч. Дашзэвэг

Ховдский государственный университет, г. Ховд, Монголия

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ

В последние несколько десятилетий специалисты, занимающиеся изучением экологических систем природы и кочевых обществ, все больше внимания стали уделять проблемам, стоявшим ранее за пределами общественно-исторических и географических наук. Это прежде всего выразилось в обращении к группе новых источников познания, какими являются физико-географическая среда и биопсихологические свойства человека (работы Н.Э. Масанова, А.Д. Грача, С.О. Шмидта и др.). Но мы считаем, что многие теоретические и практические проблемы экологических систем природы и кочевых обществ в горных регионах Монголии остаются малоисследованными. Наш проект является конкретным результатом в решении данных вопросов. Изучены проблемы истории, этнографии, демографии и культуры народов Алтае-Саянского региона.

Конкретная задача исследования – выявление особенностей расселения, экологической среды, природных условий, а также защиты окружающей среды, изучение социальных условий и экономической ситуации в кочевых социумах в историко-географическом контексте.

В статье дается общий обзор исследования проблемы защиты экологических систем Монгольского Алтая.

Провинция Монгольского Алтая расположена на западе страны. Вдоль западной границы она имеет протяженность с северо-запада на юго-восток более 800 км. Хребет Монгольского Алтая протягивается в том же направлении, далее продолжается хребтами Гобийского Алтая, на западе граничит с котловиной Больших Озер, на востоке – с котловиной Барун хурай.

Горная система Монгольского Алтая делится на три части:

1. Хархира-Турген.
2. Таван Богд.
3. Мунххайрхан.

Они различаются по морфоструктуре и ландшафту.

Стратегия защиты экологической системы высоких гор Монгольского Алтая состоит из четырех условий, они отражают следующее:

1. Изучение существующих экосистем для целей устойчивого природопользования.

2. Восстановление экосистем с выбором приемлемых видов хозяйственной деятельности (например, туризм) для той или иной территории.

3. Защита редких и исчезающих растений и животных.

4. Изучение проблемы истории, этнографии, демографии и культуры народов Алтае-Саянского региона.

Хищническое использование природных ресурсов приводит к уничтожению экологической системы. Для сохранения современных экосистем требуется рациональное использование природных ресурсов, а это невозможно без изучения особенностей этих экосистем. В этом плане изучение экосистем резко континентальной части Монгольского Алтая занимает особое место, поскольку они составляют основу существования кочевой культуры.

В настоящее время доля неиспользуемых пастбищ составляет 5–6%, а в Баян-Ульгийском и в Ховдском аймаках – от 10 до 15%. При этом пастбища ухудшаются из года в год, поскольку изменяется растительный покров. Надо отказаться от постоянных пастбищ. С давних времен в руслах рек Монгольского Алтая занимались земледелием. Из-за этого продуктивность земли ухудшалась, а регенерация идет очень медленно. Необходимо контролировать этот процесс.

В последнее время население городов увеличивается быстрыми темпами, а как известно, урбанизация – один из факторов ухудшения экосистем. Урбанизированные территории характеризуются ухудшением состояния здоровья человека и сильной трансформацией природной среды прилегающих пригородных зон. Для снижения нагрузок на экосистемы Монгольского Алтая ученые предлагают развивать в высокогорных районах Монгольского Алтая альтернативные виды природопользования. Один из них – туризм и санаторно-курортное дело. Состояние существующих санаториев не отвечает современным требованиям. Поэтому необходи-

мо проводить озеленение вокруг этих санаториев, восстанавливать растительность, развивать природоохранный, а возможно, и международный туризм.

Восстановление природы надо планировать на местности. Для этого необходимо изучать геолого-геоморфологические особенности и отслеживать нарушения и изменения. Эта работа уже началась.

В западном регионе Монголии надо развивать производство по использованию ресурсов. Для развития экономики горнообогатительные материалы нужно использовать эффективно.

Западной части Монгольского Алтая необходимо придать статус водоохранной и природоохранной территории. Для сохранения экологической системы принимать меры по защите водных ресурсов, и в дальнейшем использовать их рационально.

Нужно постоянно контролировать состояние земли, проводить мониторинг. В определенных точках постоянно проверять изменения природы данной территории. Для мониторинга необходимы следующие факторы:

1. Дать оценку того, как используется природа человеком (минералы, сырье, климат, влажность, вода, почва, растения, животные). Возможно, негативные изменения произошли из-за неправильного отношения к ним.

2. Оценка должна соответствовать действительности.

3. Планировать так, чтобы в процессе восстановления земли, цена на нее не возрастала. Эффективно использовать полезные ископаемые; защищать и совершенствовать управление популяциями редких животных. В горах Алтан-Хохий, Мунххайрхан необходимо организовать заповедник. Есть предложение в Монголо-Алтайских горах вообще создать единую заповедную территорию. В горах Мунххайрхан, Алтан-Хохий живут редкие животные, которые вошли в Красную Книгу Монголии и Красную Книгу мира (архар, снежный барс и др.). В восточной части Монгольского Алтая есть пастбища для диких копытных животных. Кроме того, там живут волки, лисы, манулы, снежный барс, алтайские улары, куницы. Монголо-Алтайские хребты должны входить в заповедник не только с точки зрения защиты живой природы, но и для сохранения благоприятной экологии для будущих поколений. Живая природа

необходима для изучения истории культур, а также редких животных и растений. Это имеет важное значение.

Библиографический список

Даш Д. Ландшафтная дифференциация хребтов Монгольского Алтая и особенности их распространения // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Томск, 2003. С. 26.

Фадеева Н.В., Смирнова Е.Л., Львов В.В., Тулгаа Х., Даш Д. Ландшафтын зураг, тайлбар. М1:3000000. БНМАУ-ын Үндэсний атлас. Улаанбаатар; Москва, 1990.

Юнатов А.А. Основные черты растительного покрова МНР // Труды Монгольской Комиссии АН СССР. М., 1950. Вып. 39.

Байр зүйн зураг. Масштаб 1:100000. Улаанбаатар, 1942.

Даш Д. Физик газарзүйн мужлалын шинэчилсэн хувилбар. Монгол орны ландшафт – экологийн зарим асуудлууд. Улаанбаатар, 2000.

Дашзэвэг Ч. Основные типы рельефа Монгольского Алтая: Тез. и докл. VI Междунар. науч. конф. (19–21 сентября 2003 г., Ховд, Монголия). Ховд, 2003.

Доржготов Д., Батбаяр Д. Монгол орны хөрсний ангилалзүй. Улаанбаатар, 1983.

Монгол орны экосистемийн зураг (1:1000000). М., 1995.

Ховд аймгийн: Атлас. Улаанбаатар, 1986.

П.К. Дашковский, А.А. Тишкин
Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА МОГИЛЬНИКЕ АЙНА-БУЛАК-I В ВЕРХНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ*

С 1998 по 2000 г. на территории Курчумского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан работал Маркакольский археологический отряд российско-казахстанской экспедиции. В процессе реализации совместного проекта были исследованы в пределах Айна-Булакского археологического микрорайона памятники разных исторических периодов (Кунгуров, Тишкин, 2000; Ковалев, Дашковский, Самашев и др., 2004; Тишкин, Горбунов, 2004). Среди изученных объектов особый интерес представляют курганы №11 и 38 могильника Айна-Булак-I, относящиеся к эпохе средневековья.

Археологический комплекс Айна-Булак-I расположен на террасе, у южного подножья горы Байге-Тобе, вдоль русла пересыхающего ручья. Всего на могильном поле зафиксировано 49 разновременных погребально-поминальных сооружений, которые локализуются в трех группах. Две из них представляют собой «цепочки» курганов, вытянутые по направлению юг–север. Остальные 19 объектов образуют третью локальную группу вокруг двух больших курганов.

Курган №11 находился в первой «цепочке». Диаметр его каменной насыпи с юга на север – 8,5 м, а с запада на восток – 7,5 м. На краю восточной полы надмогильного сооружения стояла каменная стела. Под насыпью в могиле подквадратной формы выявлено погребение человека, разрушенное, вероятно, в процессе ограбления. Из предметов сопроводительного инвентаря зафиксированы два каменных диска жерновов (рис. 1), железный наконечник ремня (рис. 2.-11) и пряжка от пояса (рис. 2.-12).

Курган №38 располагался в той же цепочке в 35 м к югу от предыдущего объекта. Диаметр каменной насыпи с юга на север составлял 6,5 м, а с запада на восток – 5,5 м.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №06-01-91809а/Г) и гранта Президента РФ (проект №МК-1973.2005.6).

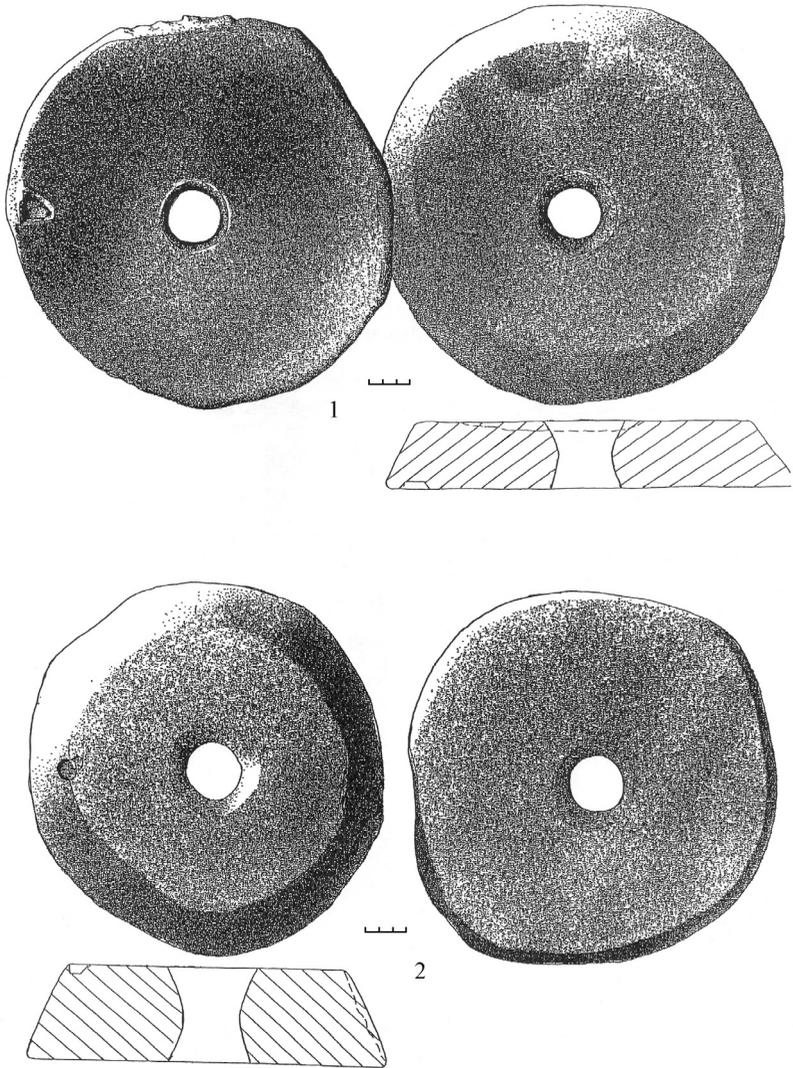

Рис. 1. Айна-Булак-I . Каменные жернова из кургана №11

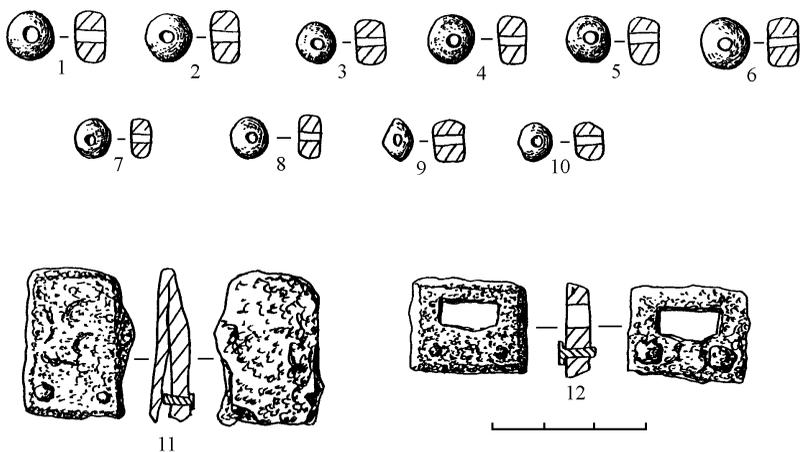

Рис. 2. Айна-Булак-I . Стекланные бусы (1-10) из кургана №38
и металлические изделия из кургана №11

В центре объекта зафиксировано сваленное в древности каменное изваяние с антропоморфными чертами (длиной 1,5 м и толщиной 0,45 м). Под насыпью в могиле прямоугольной формы обнаружено давно нарушенное погребение женщины 45 лет (антропологические определения выполнены С.С. Тур). Умершая, судя по всему, была уложена на дно могильной ямы в вытянутом положении и ориентирована головой на запад. Под черепом найдено 10 бусин округлой формы белого, желтого и синего цвета (рис. 2.-1-10).

В эпоху средневековья на территории Верхнего Прииртышья существовало сложное кимако-кыпчакское объединение, основу которого составляли кимацкие племена (Кумекон, 1972; Савинов, 1994; Ахинжанов, 1999). В настоящее время в Восточном Казахстане выявлено достаточно представительное количество кимацких комплексов, хотя проблема выделения самостоятельной археологической культуры этого времени остается открытой. К кругу памятников кимаков в этом регионе исследователи относят такие некрополи, как Зевакинский, Орловский, Бобровский, Кызыл-Ту, Славянка (Савинов, 1994), а также погребения, раскопанные в зоне затопления Шульбинской ГЭС (могильники Джартаc, Акчий-II,

Карашат-I-II, Измайловка и др.) (Археологические памятники..., 1987), и некоторые другие объекты.

Достаточно подробно историю Кимакского каганата на основе анализа широкого круга письменных (прежде всего арабских) источников изложил в своей монографии Б.Е. Кумеков (1972). Развернутую культурно-хронологическую схему развития кимакского этносоциального объединения на основе археологических материалов предложил Д.Г. Савинов (1994, с. 76–85). Он обозначил в рамках археологической культуры кимаков три периода: ранний (середина VII – середина IX вв.), средний (середина – 2-я половина IX в.) и поздний (X – начало XI вв.). К последним двум этапам относится подавляющая часть кимакских погребений в Прииртышье. Это дало основание для выделения Д.Г. Савиновым (1994, с. 79–80) верхнеиртышского, павлодарского, а в перспективе и омского локальных вариантов культуры кимаков.

Во 2-й половине IX–X в. границы кимако-кыпчакской общности существенно расширились. В то время Кимакский каганат локализовался на участке, границей которого на юге являлось оз. Иссык-Куль, на западе – оз. Балхаш, на севере – оз. Зайсан, на востоке – Джунгарское Алатау. В XI в. на первый план в рамках указанной общности выдвинулось племя кыпчак. Это привело к тому, что собственно кимакское население было вынуждено закрепиться только на исходной территории своего обитания – в бассейне Иртыша (Кумеков, 1972).

Исследованные на могильнике Айна-Булак-I курганы №11 и 38, судя по особенностям погребального обряда и найденному инвентарю, вполне соответствуют вышеуказанным памятникам кимакской культуры Верхнего Прииртышья IX – начала XI вв. Кроме того, для кургана №38 по костям погребенного человека получена радиоуглеродная дата 1120 ± 40 лет (СОАН-4372). Результаты ее калибровки (т.е. перевод в современные календарные показатели) предоставлены Л.А. Орловой (Институт геологии СО РАН): 1 sigma 888–967 cal AD; 2 sigma 810–842 cal AD; 852–1002 cal AD (852–1002 гг. н.э.). Таким образом, датировка кургана как по археологическим материалам, так и на основе радиоуглеродного анализа укладывается в интервал IX–X вв. Учитывая расположение этого объекта в одной микрогруппе с курганом №11, можно считать правомерной такую датировку и для обоих изученных погребений.

Особый интерес представляют две находки из рассматриваемых объектов: каменные диски жерновов (курган №38) и изваяние

(курган №11). Безусловно, основным видом хозяйственной деятельности населения Восточного Казахстана в эпоху раннего средневековья было кочевое скотоводство. В то же время письменные источники сообщают о формировании определенных элементов земледельческого хозяйства, связанных с процессом оседания части населения кимако-кыпчакской общности (Кумекон, 1972; Ахинжанов, 1999). В этой связи факт нахождения жерновов в кургане не выглядит как экстраординарное событие и имеет под собой не только экономические, но и мировоззренческие основания.

Традиция помещения различных зернорастирающих предметов в погребально-поминальные комплексы хорошо фиксируется у различных народов Евразии начиная с эпохи энеолита и вплоть до этнографической современности (Кызласов, 1985; Молодин, Бородовский, 1994; Наглер, 2000; и др.). Исследователи, занимавшиеся выяснением назначения таких предметов или их частей в погребальных сооружениях, пришли к следующим выводам. В тех культурах, где формировались зачатки земледельческого хозяйства, зернорастирающие орудия были связаны с соответствующими представлениями о смерти и возрождении, плодородии и жизни. В тех же обществах, где данный вид хозяйственной деятельности отсутствовал или не играл существенной роли, жернова (или другие вещи с такой же функциональной направленностью), судя по этнографическим материалам, символизировали предмет, который в рамках мифологической картины закрывал «вход» в нижний мир, олицетворением чего являлось погребальное сооружение – своеобразный «дом мертвых» (Молодин, Бородовский, 1994; Наглер, 2000).

Особого внимания заслуживает антропоморфное изваяние из кургана №11. Осмотр изваяния показал, что оно, вероятно, было изготовлено из «оленного» камня. Об этом свидетельствует обнаружение изображенных точечной выбивкой восьмеркообразных серег, что является характерным признаком для «оленных» камней Евразии (Кубарев, 1979; Савинов, 1994). Время существования серег такого типа на территории Казахстана, Тувы и Алтая датируется специалистами в пределах VII–V или VII–VI вв. до н.э. В конечном итоге указанное обстоятельство дает основание считать, что первоначально «оленный» камень был установлен в раннескифское время, а затем вторично переиспользован в эпоху средневековья. Последнее предположение дополнительно подкрепляется тем, что в насыпи кургана обнаружен крупный камень, который был предна-

меренно сколот с верхней части оленного камня, чтобы придать нужную форму для нового изваяния. Подобная практика переиспользования «оленных» камней раннескифского времени в последующие периоды в качестве балбалов или изваяний была широко распространена среди кочевых народов (Кубарев, 1979, 1984; Войтов, 1996; и др.).

Для кимако-кыпчакского объединения Восточного Казахстана IX–XI вв. известна целая серия каменных изваяний, изученная А.А. Чариковым (1979, 1987 и др.), Л.Н. Ермоленко (2004) и рядом других исследователей. Основные характеристики указанных памятников – обобщенность, нерасчлененность форм, схематизм в изображении лица и отсутствие в большинстве случаев признаков пола. Согласно иконографической классификации, предложенной Л.Н. Ермоленко (2004), изваяние из кургана №38 могильника Айна-Булак-I может быть отнесено к I типу 2 группы объектов кыпчакского облика. Отличительная особенность монументов этого типа – признаки, передающие позу (изображение рук, ног и др.), в то время как памятники II типа – это погрудные изваяния. Другими чертами таких изваяний являются изображения головных уборов, черт лица, сосудов, одежды, украшений, птиц, половых органов. На изваянии из Айна-Булакского комплекса достаточно хорошо прослеживаются антропоморфные черты (глаза, рот, нос, брови), правая рука, а также высокий куполообразный головной убор. Указанные показатели известны среди других аналогичных объектов данного региона.

Таким образом, приведенные материалы – это дополнительный источник при всестороннем изучении культуры кимако-кыпчакского объединения, существовавшего в эпоху средневековья на территории Казахстана. Необходимо проведение дальнейших исследований, которые позволят реконструировать этносоциальные процессы, протекавшие в регионе, и представить особенности формирования кочевых культур.

Библиографический список

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. 280 с.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Наука, 1999. 296 с.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Гос. музея Востока, 1996. 152 с.

Ермоленко Л.Н. Средневековые изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 132 с.

Ковалев А.А., Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Грушин С.П., Варенов А.В., Омаров Г., Сунгутай С. Изучение археологических памятников в Восточном Казахстане // Комплексное исследование древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 183–190.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск, 1979. 120 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Поселение Айна-Булак в Восточном Казахстане // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. Вып. XI. С. 84–87.

Кызласов Л.Р. Тагарская ручная мельница и ее значение // Советская археология. 1985. №3. С. 65–71.

Могильников В.А. Кимаки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 43–45.

Молодин В.И., Бородовский А.П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // ALTAICA. 1994. №4. С. 72–79.

Наглер А. О жерновах в погребальных памятниках степной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №2. С. 107–111.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 215 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Безы inventарные погребения эпохи средневековья в Восточном Казахстане // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск: Наука, 2004. С. 274–276.

Чариков А.А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья // Советская археология. 1979. №2. С. 179–190.

Чариков А.А. Некоторые статуи Казахстана и Омского Прииртышья // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 31–39.

А.В. Кротов

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

ФАКТОРЫ И СОСТАВЛЯЮЩИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ*

Важность выгодности геополитического и геоэкономического положения для любого государства трудно переоценить. В особенности велико значение этого положения для стран с небольшими размерами экономики и находящихся на нижних этапах развития обществ. Так, практически все соседи Китая, имеющие выход в открытое море, принявшие в целом идеологию западного мира и подчинившиеся в какой-то степени внешнеполитическому курсу США, получили достаточно мощный импульс развития хозяйства и общества во 2-й половине XX столетия, хотя до этого их строй и экономический уклад напоминал больше феодальное общество, чем капиталистическое. В тот момент времени естественные выгоды экономико-географического положения стран-соседей Китая и соперничество мировых держав на мировой арене сыграли не последнюю роль в успехах восточноазиатских государств.

Осознавая сложность противостояния самой большой стране мира по площади и второй по силе военной державе, а также самой большой по населению стране и одной из сильнейших в военном плане в восточноазиатском регионе, США с союзниками выбрали стратегию поддержки небольших, но амбициозных обществ на границах Китая. Тайвань, Южная Корея, Гонконг, став первыми новыми индустриальными странами в мире и данном регионе, стали визитной карточкой для стран, которые только собираются выступить на пути либерализации экономики и проведения проамериканской политики. Да и успехи Японии нельзя приписать только внутринациональным факторам. Тот же план Маршалла дал этой стране возможности оправиться после войны.

Сегодня также как когда-то геополитическое и еще более актуальное геоэкономическое соперничество государств стимулирует

* Работа выполнена при поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №06-01-91809а/G).

все ведущие мировые державы искать варианты различных сдержек и противовесов. Китайский экономический рывок ничто и никто пока сдержать не может, а в последнее время и внешнеполитический рейтинг этой восточной державы растет. По многим прогнозам могучая страна Конфуция как минимум станет второй экономикой планеты с большой вероятностью дальнейшего выхода в лидеры (в особенности, если реализуются сценарии объединения с Тайванем).

Западные страны, и Япония в том числе, в этой связи сейчас даже начинают с несколько иных позиций смотреть на Россию, в особенности на ее часть за Уралом. А геополитическая позиция западного мира к Монголии просто меняется очень быстро. Если двадцать лет назад эта степная и пустынная часть Азии в данном контексте была мало интересна (так как находилась под мощной опекой Советского Союза, носившей политической и социально-экономический характер), то сейчас Монголия представляется очень перспективной. В том числе это связано с резким снижением российского влияния на данную территорию.

Многократное сокращение возможностей России по кредитованию партнеров по сравнению с Советским Союзом, экономический кризис, политическая нестабильность и самое главное – отсутствие центральноазиатского вектора во внешнеполитической стратегии государства (правильней было бы сказать, ее долгое отсутствие вообще), все это привело к сокращению как внешнеторгового сотрудничества, так и межгосударственных контактов. Здесь пострадали и культурные связи стран, и политические и хозяйственные взаимоотношения. В новых условиях возможные перспективы имели межрегиональные варианты сотрудничества приграничных местностей, но они пока не получили должного импульса.

Именно в этот момент и произошло повышение внешнеполитического и внешнеэкономического веса Китая в межгосударственных отношениях с Монголией. Где-то это было своеобразным замещением российского участия, а где-то итогом некоторой диверсификации монгольских внешних отношений. Практически одновременно с Китаем в этот центральноазиатский регион пришли с мощными культурными, образовательными и социально-экономическими программами сотрудничества США, страны Европейского Союза, Япония и Республика Корея. Тем более, что Монголия

здесь интересна для развитого мира не только как геополитический форпост, но и как страна, в которой есть огромные незадействованные ресурсы разного характера. Следовательно, в принципе можно провести по этому поводу аналогии с Россией и Казахстаном, где сейчас ощущается мощный интерес ТНК и правительств многих стран к проектам по добыче, а иногда и переработке полезных ископаемых. Экстраполируя на Центральную Азию эти данные, можно с уверенностью сказать, что инвестиции в интересные ресурсодобывающие проекты могут прийти с нескольких сторон.

На современное геополитическое и геоэкономическое положение Монголии влияет множество факторов и составляющих. Причем влияние или вес каждого из них сильно различаются и, более того, эти различия могут значительно меняться со временем. Проанализируем главные составляющие рассматриваемого положения страны.

Начать необходимо с описания территории. Площадь довольно значительна и составляет 1566500 км². Главная особенность географического положения Монголии – это отсутствие выхода в любые моря и океаны. Это в действительности крупнейшая в мире внутренняя страна. Государство находится в сердце Азии, хотя различные специалисты считают Монголию то частью Восточной Азии, то соотносят ее с Центральной Азией. До ближайшего моря от самых крайних границ расстояние составляет более 700 км, а от основных центров экономической жизни – более 1200 км. Страна в целом расположена компактно и имеет только двух соседей – Россию и Китай. Нет еще ни одной такой крупной по площади страны мира, которая была бы одновременно внутренней державой и имела границы с таким малым количеством государств. В какой-то степени похожую ситуацию с внутренним положением государства имеет Казахстан, который почти в полтора раза крупнее, но также не имеет доступа к океану, хотя количество соседей у него более значительно – пять сухопутных и с двумя странами граница проходит по Каспийскому морю.

«Зажатость» между двумя очень крупными и по площади, и по социально-экономическим показателям стран сейчас, конечно, влияет больше всего на жизнь Монголии. До последнего момента стране приходилось выбирать одного главного партнера. Сейчас же есть возможность построить несколько разновекторную внешнюю

политику. Во-первых, территориально и этнокультурно достаточно близко новое государство Казахстан, во-вторых, велик интерес к Монголии у растущей, и в то же время конкурирующей с Китаем по многим товарным позициям и политическим вопросам региональной державы Республики Кореи, тем более, что возможны объединительные процессы с Северной Кореей. Для Японии монгольские просторы и относительная культурная близость также представляют интерес. О позициях западных стран было сказано выше. Кстати в историческом прошлом отсутствие выхода в море не было крупным препятствием для становления одной из самых могущественных империй. И сейчас при достаточной либерализации как мировой внешней торговли, так и вариантов транспортировки товаров и услуг внутреннее положение не всегда имеет столь ощутимую отрицательную сторону.

Следующей составляющей положения является население. На сегодняшний день в стране проживает более 2,8 миллионов человек, но ежегодный естественный прирост достаточно большой. Показатели плотности населения одни из самых низких в мире – менее 1,7 человека проживают на одном квадратном километре. Если не брать в расчет экстремально холодную территорию Гренландии, то в мире нет таких больших по площади и в то же время так мало заселенных стран. Отсюда и такая слабая инфраструктурная обеспеченность страны. Монголоязычные народы (крупнейший из которых – халха-монголы) составляют более 90% населения, казахи – 4%, китайцы и русские – по 2%. Довольно значительное количество монголов проживает в Китае, прежде всего в Автономном районе Внутренняя Монголия (в два раза больше, чем в самой Монголии), что оказывает сейчас определенное влияние на китайско-монгольские взаимоотношения и связи, а в будущем может очень сильно изменить геополитическую и геоэкономическую роль страны. Здесь нельзя забывать о сценариях развития или стимулирования извне демократических преобразований в Китае. В этом случае сепаратистские тенденции в стране значительно усилятся и велика вероятность распада страны (такие геополитические сценарии не в новинку увидеть). Тогда могут произойти объединение монгольского этноса и изменение статуса Монголии.

Ресурсная составляющая является важной для современной экономики страны. Основные экспортные поступления идут за счет продажи полезных ископаемых – молибденового и медного кон-

центрата, плавикового шпата и некоторых других. Имея такие пространства земли, само собой государство может рассчитывать и на потенциальные ресурсы недр, ранее не изученных земель, которые сейчас даже приблизительно оценить невозможно. Колоссальные пространства свободных территорий по большей части в сельском хозяйстве могут использоваться в качестве пастбищ для животноводства. Для выращивания различных культур пустынно-степная местность страны подходит слабо, поэтому уже много лет Монголия является крупным покупателем продовольствия. Ограниченные ресурсы воды (да и почвенные ресурсы не везде соответствуют требованиям агротехники) не дают возможности получать достойные урожаи при очень высоких летних температурах. Хотя вполне возможно, что земельные ресурсы в случае определенных агротехнологических инноваций приобретут значимую ценность.

А вот для туристского освоения бескрайние просторы подходят как нельзя лучше. И здесь основными лимитирующими факторами являются недостаточные инвестиции, соответственно слабо развитая инфраструктура туризма и вообще территорий, нехватка профессиональных кадров и отсутствие мирового продвижения. Удаленность от мировых центров экономической жизни (США и Европейского союза) также влияет на неразвитость данного вида бизнеса. Хотя для огромного Китая рекреационный потенциал соседа представляется довольно перспективным. Но туристы начнут приносить ощутимый доход в казну только при соблюдении определенных условий. Например, монгольский, китайский, российский и казахстанский Алтай мог бы вызвать значительный интерес в мировом туризме, если бы существовала единая программа развития данного региона с построенными авиапортами и проложенными качественными автострадами через границы сопредельных стран. На этих территориях природно-географические и культурно-этнические достопримечательности могли бы соперничать с самыми привлекательными сейчас районами мира.

Интенсивно же развивать только монгольские рекреационные ресурсы в отрыве от соседних территорий довольно рискованно, так как есть некоторые существенные ограничения. Во-первых, природные ландшафты Монголии в какой-то степени аналогичны российским, китайским и казахстанским. И соответственно они будут конкурировать на туристском рынке, если их не сегментиро-

вать. Во-вторых, в Монголии сейчас достаточно большая удаленность наиболее интересных для посещения мест от международных аэропортов и основных транспортных трасс, а иногда и слабая их доступность. В-третьих, в стране пока отсутствует свободный безвизовый въезд для туристов, что резко снижает потенциал внешне-го туризма.

Важнейшим фактором современного геополитического положения Монголии на мировой арене является граница с быстрорастущим Китаем. Боязнь усиления Китая как на мировом рынке товаров и услуг, так и в мире политике, в том числе за счет повышения международного веса в восточноазиатском регионе, заставляет всех ведущих глобальных акторов, конкурирующих за лидерство на планете, искать варианты усложнения достижения Китаем экономического и геополитического господства. Прежде всего для США, Японии да и России также важен тот факт, что Китай пока значительно ограничен в ресурсном и территориальном плане. В случае же успешной экспансии южный сосед может в какой-то степени решить свои проблемы демографического и экономического характера. Поэтому современная Монголия может при правильной расстановке внешнеполитических акцентов получить достаточно мощные инвестиции, кредиты и помощь.

В ближайшем будущем Монголия может начать получать дивиденды от выгод своего транспортного положения. И хотя проект прохождения восточного газопровода через территорию Монголии из-за внешнеполитического фактора был отвергнут Китаем, недалек тот день, когда появятся другие варианты межстрановых транспортных коридоров, которые пройдут по центральноазиатской степи. Для воплощения в жизнь таких сценариев необходимо более активное участие монгольской стороны в международных делах.

В заключение нельзя не отметить и некоторые существенные потенциальные негативные моменты экспансии западного мира в Монголии для России. Культурная, этническая и религиозная близость к монголам бурятов, тувинцев, алтайцев и некоторых других российских народов, проживающих в приграничных регионах, может при определенном развитии ситуации негативно привести к значительному усилению сепаратистских тенденций в нашей стране. Так, например, в начале 1990-х гг. потенциал национального сепаратизма в Туве был одним из самых высоких в стране, и

чуть меньше такие настроения были развиты на Алтае. Для того чтобы сепаратизм зазвучал вновь в данных регионах, нужно не так уж много. Это резкое ухудшение экономического положения населения данных национальных регионов, усиление конкуренции между элитами (не всегда это должно носить этнический характер) внутри субъектов Федерации, ослабление центральной власти и обратные по знаку процессы в Монголии, которые, безусловно, возможны только при колоссальной внешней подпитке. Хотя как один из возможных сценариев будущего ослабления России основными конкурентами на мировой арене мы не должны отбрасывать.

С другой стороны, нам стоит несколько с иных позиций рассмотреть возможности внешнего сотрудничества Монголии и нашей страны. У нас совместно могут возникнуть очень значительные кластеры развития, которые принесут ощутимые доходы обеим странам. Например, в современной России практически полностью уничтожено рентабельное шерстяное овцеводство, слабо развито кожевенное производство. Мы являемся одним из крупнейших в мире импортеров изделий из шерсти, а рядом находятся огромные степные и полупустынные ландшафты, которые при правильном развитии и соответствующей помощи можно превратить в аналог австралийских пастбищных земель, дающих на сегодняшний день больше всех в мире шерсти и баранины. Кстати, ближайшие покупатели изделий из монгольской шерсти – это все сибирские регионы, туда же может быть продано сырье на местные предприятия легкой промышленности, и тогда еще не факт, что российская продукция будет проигрывать конкурентную борьбу турецким или китайским шерстяным товарам.

В целом на сегодняшний день в связи с меняющимся геополитическим балансом сил и повышением значимости ресурсного фактора в развитие мирового общества, а также изменением специализации хозяйственной специализации различных стран Монголия имеет достаточно большие шансы увеличить свой статус на внешнеполитической арене и получить стойкий импульс развития хозяйственного комплекса.

Ч. Мунхбаяр

Ховдский государственный университет, г. Ховд, Монголия

ПЕТРОГЛИФЫ НА СКАЛАХ «БИЧИГТ ХАД»

Долина реки Булган на территории сомона Булган Ховдского аймака богата историко-культурными памятниками. Здесь находятся известные кладбища эпохи бронзы, «оленные» камни, тюркские могильники и поминальники. Все это свидетельствует о том, что данная местность была крупной зоной, хорошо освоенной кочевниками.

В настоящем сообщении хотелось бы, опираясь на материалы археологической экспедиции, рассказать о наскальных рисунках «Бичигт хад», о которых раньше не было никаких исследовательских материалов.

В 45 км от центра Булган сомона, на северо-западной стороне р. Баян гол в направлении ущелья Гаалиа, на левом берегу в 4 км от Бичигт хада, находится зимнее стойбище (N46°25.598', E091°12.398'). Здесь на довольно солнечном месте расположены петроглифы. Несколько сотен рисунков продолжаютя на расстоянии приблизительно 1000 м.

На одной из гладких скал искусно изображены четыре человека с луками, два человека на лошадях, еще один человек с луком и один с боевым топором-чеканом. Кроме них, находятся фигуры трех оленей, одного крупного лося, четырех взрослых и двух молодых диких коз. Рога их прорисованы очень четко. На следующем рисунке отображены три охотника, которые окружили двух диких коз, и собака, бросившаяся на животных. Данная картина ценна для изучения истории охотничьего промысла в Монголии. На другой скале представлена сцена сражения: два человека стреляют из лука друг в друга.

На главной композиции показаны пять колесниц. В первой части петроглифов также были выявлены две колесницы. Рядом с ними изображены человек с конем, лошадь, олени и дикие козлы. Наиболее интересные гравировки Бичигт хада скрыты от глаз зрителя. Они выбиты в щели между двумя отвесными скалами на высоте нескольких метров над землей. Мы имеем в виду изображения трех колесниц. Квадратный кузов их был разделен на четыре части

линиями оси и дышла телеги. Одна колесница Бичигт хада была с кузовом, но без коня, вторая – в упряжке и на кузове с повозчиком. Другие же колесницы были двухколесными (каждое колесо с четырьмя спицами). Они запряжены двумя лошадьми. Рядом были изображены человек с конем, человек с верблюдом и верблюжонком, лучник, дикие козлы, олени, бык, человек, ведущий быка-производителя, а также мужчина и женщина.

На рисунках Бичигт хада немало оленей. Их рога сильно разветвлены и нарисованы красиво. Эти олени очень похожи на оленей, которые выбиты на «оленных» камнях конца бронзового периода.

На другой скале были обнаружены изображения всадника, стреляющего из лука в дикого козла, быка-производителя, верблюда, кабана, волка и рожающей женщины.

Среди наскальных рисунков большое место занимают животные, колесницы, охотничьи и бытовые сцены. Большая часть петроглифов Бичигт хада предположительно относится к эпохе бронзы. Необходимо дальнейшее углубленное изучение их символики, образности и точного возраста.

Б. Нямдорж

Ховдский государственный университет, г. Ховд, Монголия

КОБДОСКИЙ ОКРУГ В НАЧАЛЕ XX в.

В исторических документах этот округ назывался по-разному. Так, если в монгольских материалах его именовали как Ховдын хязгаар, Ховдын газар, Дөрвөдийн хоёр гар, Сайн Заяатын чуулган, Дөрвөдийн хоёр аймаг, Баруун хязгаар и Баруун Монгол, то в записках русских путешественников он отмечен в основном как «Кобдоский округ» или «Кобдоский край».

Занимая значительные территории на западе страны, по физико-географическому положению, Кобдоский округ включал в себя западную и центральную части Алтайского горного массива, часть западной зоны Хангайских гор, степно-гобийскую область Котловины Больших озер и пустынную часть Заалтайской Гоби, где на огромном пространстве сочетаются горы, степи и гоби.

Испокон веков на древней земле Кобдо и Алтая проживали многочисленные роды и аймаки, состоявшие из разных народностей. После захвата Джунгарского ханства и подчинения под своей властью ойратов, с середины XVIII в. Цинское государство вплотную занялось устройством западных монголов. С 1755 г. алтайские урянхайцы были переселены на Кобдо и Алтай, а дюрбеты, байты и хоиты поселились на Улангомской земле в 1759 г. Вместе с тем создавались сеймы, хошуны и сомоны.

А в 1762 г. произошло объединение всех территорий и населения Кобдо, Алтая и Улангома воедино. В результате этого была создана особая административная единица – «Кобдоский округ Цинской династии», состоявший из алтайских урянхайцев, дюрбетов, байтов и хоитов. При этом прежняя должность Управляющего делами монголов г. Кобды была повышена и приравнена к должности наместника (или как принято называть Кобдинский хэбэй амбань), в чьих руках находилась верховная власть в округе.

Устройство западных монголов продолжалось и в последующие годы. Так, за период с 1755 по 1780 г. цинские власти занялись расселением олетов, мингатов, торгутов, захчинов и хотонов. Территориально в орбиту расселения входили территория южного склона горы Цамбагарав, долина и побережье р. Кобдо, Булган, Чингэл, Цагаангол, местность Зэргэ и Шар хулс, также Убсунур-

ские земли, где создавались сеймы, хошуны и сомоны. Таким образом, в целях управления своими подчиненными территориями и непосредственного ведения делами в округе цинские правители образовали местную администрацию в составе военного, казенного, монгольского журганов и канцелярии. Наместничеству подчинялись также управления по делам уртонов и караулов, служебным скотом и казенными пашнями. Наряду с этим, оно заведовало и делами китайских торговцев, проживавших в г. Кобдо и хошунах округа. Несмотря на непосредственное подчинение Кобдоского наместничества Улясутайскому цзяньцзюню, ему отводились значительные права самостоятельного решения многих вопросов западного края Монголии.

По своему правовому положению Кобдоский округ равнялся к четырем халхаским аймакам, следовательно, окружная администрация, равная как аймачная по своей организационной структуре, состояла из сеймов, хошунов и сомонов.

Под ведением главы окружной администрации хэбэй амбана находились по одному сейму правого и левого крыльев Дюрбетского Сайн Заяата и еще один новоторгутский сейм Чин Сэтгэлта. Впервые в 1754 г. были образованы два дюрбетских сейма, куда входили в основном дюрбеты, баиты и хоиты, пришедшие из Джунгарии. Сперва они находились в распоряжении Улясутайского цзяньцзюня, а затем после создания в 1762 г. Кобдоской администрации непосредственно подчинились ей. Несколько позже, в 1771 г., был создан Новоторгутский сейм Чин Сэтгэлта. Однако у олетских, урянхайских, мингатских и захчинских хошунах отсутствовали сеймы.

В окружной администрации ведущее место отводилось хошунам. Прежде всего число хошунов в округе было больше, чем каждого из четырех Халхаских аймаков. Так если, все четыре аймака имели 86 хошунов, то в одном Кобдоском округе их число достигло до 30, о чем свидетельствует так называемый документ Ховдын засгийн хэргийн бүгд цэс («Перечень административных дел Кобдо»). Как сказано в документе, сперва количество хошунов в двух крыльях дюрбетов было неравнозначным, вследствие чего цинским властям пришлось в 1789 г. перевести два хошуна из левого в правое. В результате левое крыло имело 12 хошунов, а правое – четыре. Наряду с этим, два крыла алтайских урянхайцев также насчитывали семь хошунов, торгуты и захчины – по два, а хошоуты, мингаты и

олеты – по одному хошуну, что в общей сложности составляло 30 хошунов. Так, на рубеже XVIII–XIX вв. Кобдоский округ имел три сейма, 30 хошунов и 76 сомонов. С того времени настоящий округ стал граничить на западе и юго-западе с Синьцзяном, на севере – с танну-урянхайцами и алтайцами, а на востоке находился по соседству с халхаским Засагту хановским аймаком.

Административное устройство округа несколько отличалось от халхаских аймаков, что объяснялось, во-первых, отсутствием в округе таких административных единиц, как аймак, шаби и отоки; во-вторых, сохранением у некоторых дюрбетских хошунов специфической единицы «анги»; в-третьих, довольно значительным количеством хошунов и сомонов по сравнению с халхаскими аймаками. При этом некоторые хошуны, находясь вне сейма, управлялись не владетельными князьями, а так называемыми Бүгдийн дарга – правителями или родовыми старшинами, что было связано с существованием множества родов и народностей в округе. Таким образом, несмотря на то, что в Кобдоском округе имелась собственная, можно даже сказать «пятая» по счету в стране, местная администрация, округ этот входил в состав Монголии.

Как известно, в начале XX в. цинские правители в целях своего спасения стремились осуществлять политику «нового курса» по всей империи, не оставляя при этом самые отдаленные окраины, такие как Монголия и, в частности, Кобдоский округ. Вместе с тем в новых исторических условиях им пришлось изменить прежнюю политику по отношению к Кобдоскому округу, что выражалось в стремлении ослабить позицию и влияние России в округе, с одной стороны, а с другой – укрепить свое политическое и экономическое влияние. Чтобы достичь последнего, предполагалось принять ряд мер, таких как проведение некоторых административных реформ, увеличение численности войск и укрепление границ, повсеместное переселение китайских крестьян на Кобдоские земли и др.

О предпринимаемых мерах можно судить по следующим документам: в своих неоднократных донесениях цинскому императору в 1901–1907 гг., кобдоские наместники Рүй Шүн и Ши Хэн писали «...о необходимости обучения и увеличения численности войск, снабжения их оружием, мобилизации в конницу и улучшения охраны границ, создания школ и торговых пунктов, проведения почтовой и телеграфной линии, освоения целинных земель и ста-

билизации урянхайцев и казахов» (Ойрад монголын..., 2000), что, собственно, явилось основой осуществления политики «нового курса» в округе.

В целях упрочения своей власти в Кобдоском округе с самого начала XX в. цинские правители стали придерживаться политики обособления приалтайских земель от Кобдоского округа, в связи с чем, по указу Цинского императора от 7 января 1907 г., должность одного из двух наместников-амбанов, находившихся в Кобдоском Буянте, была переведена в Заалтайский монастырь Шар-Суме. Наместником был назначен китайский чиновник по имени Ши Хэн, который занялся созданием местной администрации, куда из западной части Кобдоского округа перевели семь хошунов алтайских урянхайцев, один хошун хошоутов и два хошуна торгутов. На них была возложена задача ведать делами казенных пашен, которые находились в местности Бурен тохой и устье р. Урунга (Өрөнгө. – *Б.Н.*). К ним были присоединены казахи, проживавшие на северном и южном склонах Алтая. Новая администрация стала именоваться «Алтайским округом» и подчиняться Ургинскому амбану и Улясутайскому цзяньцзюню.

Как нам кажется, причины обособления Алтайского округа связаны с рядом обстоятельств: прежде всего они обусловлены природно-климатическими условиями местности, поскольку возникали известные трудности для управления разбросанными по двум сторонам Алтайского хребта хошунами. Вследствие параллельного утверждения с Кобдоским наместником новой должности Управляющего возникали не только разногласия в решении административных и других вопросов, но и нередко случались различного рода беспорядки. Еще одной, весьма веской причиной явилось то, что по мере активизации интересов царской России по поиску новых земель и упрочения ее политико-экономического влияния, перед Цинским государством встала задача создания необходимых условий для вытеснения русских из Кобдоского округа с повсеместным ослаблением их влияний и позиций. Помимо того, бесконечные переходы и уходы керейских казахов на земли Кобдоского округа и последующая их перекочевка в Россию также приводили к беспорядкам и частым спорам с местным населением. Устанавливать контроль над этим было трудно из-за отдаленности мест. Все это в свою очередь и вынудило цинских правителей принять меры по стабилизации положения в Кобдоском округе.

Вместе с тем истинная причина обособления была иной. Дело в том, что с расширением национально-освободительной борьбы монгольского народа и приобретением ею всеобщего характера маньчжурам все труднее становилось держать Монголию в своей власти. В этих условиях, чтобы вовсе не потерять страну, они перешли к политике по раздроблению окраинных территорий Монголии на части и с последующим подчинением себе. При этом маньчжуры ставили цель в дальнейшем превратить округ не только в плацдарм для Или и Тарбагатай, но и стремились создать из него внешнее прикрытие Синьцзяню. С тех пор некоторые из монгольских хошунов были искусственно разделены маньчжурами на две части, стали существовать обособленно как в Алтайском, так и Кобдоском округах. Вследствие такой политики, из 30 хошунов лишь 20 (16 дюрбетских, два захчинов и по одному хошуну мингатов и олетов. – *Б.Н.*) остались в пределах Кобдоского округа, что, естественно, вызвало крайнее недовольство и сопротивление монгольских хошунов. При этом следует заметить, что бывали случаи, когда решение цинских властей вовсе не находило своего осуществления. Например, урянхайцы не следовали высшим указам и по-прежнему проживали на Алтае. Таким образом, процесс обособления монгольских хошунов и создание Алтайского округа все более ярче проявляют сущность политики «нового курса» Цинского государства по отношению к Монголии и ее окраинным территориям. Последствия данной политики не ограничивались только этим. Еще более ожесточенными стали формы и методы эксплуатации коренного населения со стороны цинской администрации и китайских торговцев, что привело к всеобщему недовольству народных масс, тем самым подготовивая предпосылки национальной революции Монголии 1911–1912 гг.

Несмотря на провозглашение монголами в центре страны государственной независимости в 1911 г., Кобдоский округ, как неотъемлемая часть Монгольского государства, все еще находился во власти маньчжурского амбана и его войск.

Слухи об освобождении Урги, Улясутая и возрождении Монгольского государства быстро распространялись по всему Кобдоскому округу. Следовательно, под непосредственным влиянием этих событий набирало силу национально-освободительное движение западных монголов. Еще до приезда ургинских войск в Кобдоский округ в дюрбетских и байтских хошунах под руководством

танну-урянхайцев и баитов развернулось аратское движение против маньчжуро-китайских чиновников, торговцев и ростовщиков. Движение одержало победу над чужеземными поработителями, благодаря чему в конце января 1912 г. был освобожден Улангом – крупное торговое поселение округа. Это положительно повлияло на развертывание освободительного движения в других хошунах.

Вместе с тем Кобдоский хэбэй амбань Бао Жун, нежелавший признать независимость Монголии, установив связь с губернаторами Синьцзяна и Алтайского округа, ждал подкреплений и принимал необходимые меры по укреплению военных сил, для чего еще больше усиливал эксплуатацию коренного населения округа. Одновременно с этим правительство Китайской республики приняло решение о создании новой административной единицы «Западная Монголия», куда должны были войти Кобдоский, Алтайский округа, Урянхайский край, Алашань, Кукунор и земли Эдзингольских торгутов, что свидетельствовало о нежелании первой подчинять Кобдоский округ Монгольскому государству. При этом пекинские власти стремились провести свою политику через губернаторов Синьцзяна и Алтайского округа. Но осуществиться этому плану не было суждено, поскольку развертывание освободительных движений в Хобдском и Алтайском округах помешало китайским властям принять какие-либо действенные меры.

Ряд обстоятельств, прежде всего слабость военного потенциала, ограниченность денежных средств вновь созданного Монгольского государства, также и территориальная отдаленность Кобдоского округа от столицы, затруднял Ургинское правительство отправлять крупные военные силы для освобождения г. Кобдо. Поэтому в апреле 1912 г. оно (Ургинское правительство. – *Б.Н.*) попыталось присоединить к себе Кобдоский округ мирным путем, отправив в Кобдо своих посланцев Тумуржин гуна и Лхагва ламу. Однако они были схвачены и убиты маньчжурами. Попытка ургинцев не увенчалась успехом. При этом следует отметить, что, несмотря на подтверждение архивными материалами и другими источниками факта убийства маньчжурами посланников Монгольского правительства, в некоторых работах китайских историков написано, что будто бы «...посланцев Богдо хана задержали и убили местные араты-скотоводы. Они же, разделив их тела на части, выбросили их на съедание собакам» (Гадаад монголын..., 1993, с. 107), что было явным искажением произошедшего события. Такое

извращение нужно было лишь только для показа Ургинскому правительству того, что народы Кобдоского округа будто бы не подерживали центрально-монгольское правительство. Наряду с этим, по указанию Пекина, губернатор Алтайского округа Палт ван проводил активную военно-дипломатическую политику, направленную на присоединение хошунов Кобдоского и Алтайского округов к Китаю.

Под влиянием этих событий (как по вопросу о дальнейшей судьбе Кобдоского округа, так и по отношению к Ургинскому правительству) местные монгольские власти разделились на несколько частей, среди которых были и сторонники Китая. В сложившейся тревожной обстановке в округе Монгольское правительство уделяло главное внимание вопросу освобождения г. Кобдо и стабилизации западного края, для чего были назначены уполномоченные лица Монгольского государства в округе. Так, в марте 1912 г. товарищем министра по управлению делами Улясутая и Кобдо был назначен бейс Гончигдамба, а в июне правителем западного округа стал Зоригт бейс Наванцерен. По совместительству с ним министром по наведению порядка в округе был назначен Джалханз хутукту Дамдинбазар, а советником министра – гун Хайсан. Главкомандующими всеми войсками стали Дамдинсурен и Магсаржав. Назначение краевых министров и должностных лиц было важной мерой для совместного решения дел в сложной обстановке в западном крае. В конце июня 1912 г. краевые министры созвали в Улангоме объединенный съезд Дюрбетских аймаков, где на основе пожеланий многих хошунов было принято историческое решение о присоединении их к Монгольскому государству, что привело к возникновению значительных изменений в положении Кобдоского округа.

До освобождения г. Ковдо в апреле–июле 1912 г. почти все хошуны округа, выражая свое согласие, один за другим преподнесли так называемый Хүсэн батлах бичиг («Петицию о присоединении с Халхой»). Это создало благоприятные условия не только для освобождения западного края от маньчжуро-китайского ига, но и для дальнейшего укрепления союза монгольских племен ради защиты суверенитета и безопасности страны от внешних угроз. Значительно ускорился и ход мобилизации цириков на местах.

После обеспечения полной подготовки по освобождению г. Кобдо пятитысячные, многонациональные монгольские войска

под руководством военачальников Дамдинсурена, Магсаржава, Джалханза хутукты Дамдинбазара и Дамбийжанцана начали штурм города. 7 августа 1912 г. Кобдо был полностью освобожден, а цинские амбань и чиновники вместе со своей прислугой навечно оставили монгольские земли. Кобдоский округ полностью освободился от господства Цинской империи.

Настоящее событие явилось крупнейшей победой в истории монгольского народа, так как этим самым успешно закончился очередной этап национально-освободительной революции монгольского народа и государственный суверенитет Монголии стал более прочным. Победа эта знаменительна еще тем, что она, став примером для своих соотечественников за пределами Монголии, вдохновляла волю и стремления монгольских народов по созданию единого Монгольского государства. Она явилась и тяжелым ударом по политике Китая укрепиться в Кобдоском округе, в чем заключается ее историческое значение.

За освобождение Кобдоского округа от засилья иноземных поработителей, не щадя своей жизни, дружно встали представители всех народностей: халхасцы и баргуты, чахары и урянхайцы, дюрбеты и баиты, торгуты и казахи, мингаты и захчины. Вместе с этим исключительно важную роль в победе сыграли полководческий дар выдающихся военачальников Дамдинсурена и Магсаржава, авторитет и организаторские способности Дамдинбазара, Наванцерепа, Дамбийжанцана и многие другие. Из сказанного следует, что освобождение г. Кобдо было обусловлено своими внутренними факторами, вне всякой помощи и поддержки.

Хотя событие, развернувшееся в округе, затрагивало интересы царской России, в освобождении Кобдо не приняли участия русские, тем более войска. Только по предложению монгольской стороны русский консул М.Н. Кузьминский попытался решить монголо-китайские проблемы путем соглашения, оказал дипломатическую поддержку бывшему цинскому амбаню с его чиновниками и войсками по возвращении в Китай через территорию России. В связи с этим следует отметить, что в современной китайской историографии существуют иные, можно даже сказать несколько необоснованные мнения относительно Кобдоских событий. Так, например, китайские историки нередко отрицают внутренние факторы борьбы по освобождению Кобдоского округа от маньчжуро-китайского ига. Они пытаются дать представление, что якобы ос-

вободительное движение возникло при поддержке и посягательстве России. Политика и деятельность Монгольского правительства по освобождению Кобдоского округа рассматривались как «незаконная деятельность Халха-Монголии» и определялись агрессией Халха-Монголии или политикой захвата. Прогрессивных дюрбетских и баитских князей назвали «национальными сепаратистами» и написали, что делу освобождения г. Кобдо «войсками и вооружением» помогли русские.

Так, опираясь на китайские источники, Чен-Чун-Цзо писал, что «...князья и араты Кобдоского округа хотя поневоле покорились Халхе, все же они воистине хотели следовать за Китаем», что не является случайностью. Несмотря на историческое доказательство родственных связей между ойратами и халхасцами Кобдоского округа, в названном труде написано, что «...народности Кобдоского округа не имеют ничего общего с халхасцами, более того, они на протяжении девяти поколений враждовали между собой, из-за чего народы Кобдоского округа влачат жалкое существование под притеснением халхасцев». Такое рассуждение связано, конечно, с политикой Китайской республики, направленной на раскол национального единства монголов. Такого рода оценки, естественно, вызывают опровержения и критику со стороны монгольских историков, занимавшихся специальным изучением истории Кобдоского округа, и не подтверждаются источниками и материалами.

С первых дней освобождения г. Кобдо Центральным правительством был принят ряд мер по устройству Западного края. Прежде всего в августе–октябре 1912 г. Ургинским правительством были приняты петиции от 30 хошунов Кобдоского округа относительно их присоединения к Монголии, что стало свидетельством реального воплощения в жизнь дела объединения западных и халхаских монголов в единую семью. Надо сказать, что присоединение западно-монгольских хошунов произошло сугубо на добровольной основе, а не «путем принуждения и применения сил», что явствует из содержания петиций.

С присоединением Кобдоского округа к Многим Возведенному Монгольскому государству в 1912 г. Центральное правительство провело некоторые меры по реорганизации территориально-административной структуры и организации управления. Прежде всего вся власть на местах передавалась в руки монголов, местная администрация работала под непосредственным руководством Ур-

гинского правительства, что явилось важнейшим событием в политической жизни округа. Наряду с созданием Министерства по делам охраны Западного края в 1912–1914 гг., по необходимости были организованы также некоторые наместничества. Данные мероприятия имели весьма важное значение для совместного обсуждения и управления делами края и принятия соответствующих решений. В итоге административных реформ Кобдоский округ был представлен двумя аймаками при двух сеймах с 30 хошунами. Все высшие должностные лица аймака, включая хана, военных и председателей сеймов, назначались по указу Богдо хана из числа владетельных и невладетельных князей. Благодаря присвоению прежним правителям хошунов печати и званий, а старшинам некоторых (захчинского, олетского, мингатского и урянхайского. – *Б.Н.*) хошунов – наследственных титулов во всех хошунах Кобдоского края функционировало хошунное управление. Такое решение дела народами округа было принято по-разному. Если захчины, олетье и урянхайцы спокойно отнеслись к этому, то народы мингатского хошуна, наоборот, резко протестовали, что было связано с существованием у последних так называемого общего собрания «Цээ цуглаа», где обсуждались и решались все дела хошуна. Оно было своеобразным органом, сыгравшим решающую роль в общественно-политической и экономической жизни хошуна. Административным устройством не были охвачены только казахи, так как пока не было создано хошунное управление, а сохранялась собственная административная система (укурдай), что находилась под ведением Кобдоского министерства.

Однако устройство Кобдоского края встречало немалые трудности, в первую очередь извне. В описываемый период значительно активизировались военные и дипломатические действия со стороны Китая, имевшие цель восстановить потерянную в Кобдо позицию. В качестве стратегического плацдарма китайским правительством придавалось особое значение Алтайскому округу как самому западному округу страны, который являлся «...воротами в Западную Монголию для проникновения китайского влияния, вторжения его войск в Кобдоский округ и имеющему исключительное значение в обеспечении безопасности на границе с Россией» (Моисеев, 2003, с. 278).

При такой обстановке дел Монгольское государство, считавшее Кобдоский и Алтайский округи своей составной частью, с са-

мого начала боролось за обеспечение территориальной незыблемости страны, стремясь тем самым создать единое независимое Монгольское государство. В связи с этим в начале октября 1912 г. министрам Западного края был дан приказ оказать сопротивление китайскому натиску и готовиться к освобождению Алтайского округа, для чего было собрано войско почти из 4000 человек. Наряду с этим, Монгольское правительство также попыталось воспользоваться дипломатической и военной поддержкой России. Однако попытка монгольской стороны освободить Алтайский округ с самого начала была малорезультативной. Причиной тому были слабость военного потенциала и влияния Монгольского государства в отдаленном краю, с одной стороны, а с другой – сложность дела, затрагивающего интересы двух соседей, бесцеремонная дипломатическая и военная политика Китая, превосходство его военных сил.

Россия тоже принимала активное участие в делах Кобдоского и Алтайского округов. Политика царской России по Алтайскому округу заключалась в рассмотрении последнего как «...продолжение Семипалатинской области, открывающее просторы для проникновения торгово-экономического влияния России в Западную Монголию и Синьцзян». Именно поэтому сперва Россия поддерживала присоединение Кобдоского и Алтайского округов к Халхе и оказывала поддержку. Из сказанного видно, что названные округа по своему географическому положению были местом стечения государственных границ России, Китая и Внешней Монголии, где больше всего пересекались интересы великих держав.

Практическая сторона дела состояла в том, что концентрация войск трех государств в данном районе привела в июне–июле 1913 г. к крупному военному столкновению в местности Цаган-Тунке при Булгане. Монгольские войска, захватив Цаган-Тунке, стремились продолжать наступление дальше, но вынуждены были остановиться под давлением царской России, неоднократно требовавшей от монгольских войск «...остановить дальнейшее наступление и ограничиваться лишь охранными мерами на Алтайских перевалах, стоящих на пути к Цаган-Тунке и Шар-Суме». К тому же монгольские войска крайне нуждались в оружии и боеприпасах. Так, Россия явно отказалась от своей прежней политики по вопросу о присоединении Алтайского округа к Монголии и стала оказывать поддержку замыслам Китая.

В итоге в целях разрешения конфликта путем соглашения 8 декабря 1913 г. между Россией и Китаем был подписан «Прелиминарный договор о демаркационной линии между китайскими и монгольскими войсками Алтайского и Кобдоского округов», благодаря чему был положен конец длительным военным действиям на границах Кобдоского и Алтайского округов. Хотя тем самым сложились благоприятные условия для стабильной политической обстановки, но стремления присоединить Алтайский округ к Многими Возведенному Монгольскому государству оказались в тупике. Как известно, подписание Договора велось без участия самих монголов, что означало игнорирование соседями коренных интересов Монгольского государства. Согласно договору, демаркационная линия устанавливалась по хребту Монгольского Алтая до перевала Ганц Мод, от реки Булган до Цаган-Тунке, Туханцэг и пади Хараат, что позднее составило основу западной границы нынешней Монголии. Далее по тайному соглашению между Россией и Китаем, состоявшемуся в мае 1913 г. в Пекине, стороны договаривались признать лишь автономию Внешней Монголии в составе Урги, Улясутая и Кобдо, а Алтайский округ, вне зависимости от воли и интересов монголов, отошел к Китаю.

При рассмотрении политической обстановки в Кобдоском округе нельзя обойти вниманием деятельность Дамбийжанцана, известного в истории как Джа лама. Воспользовавшись доверием Богдо хана и присвоенным ему высоким титулом, Джа лама за короткий срок сосредоточил в своих руках все полномочия местной власти и стремился к укреплению своего авторитета и позиции. Ему не были чужды желания создать независимое от Урги ханство, и характерной чертой его деяний было варварство, что имело несомненное влияние на негативную оценку личности Дамбийжанцана в монгольской историографии. О нем писали как о «жестоком бандите и авантюристе», «беженце и хитром обманщике», что привело лишь к отрицательной оценке его роли в истории Монголии. В целях достижения исторической правды нам хотелось бы выделить положительные стороны его деятельности: во-первых, Джа лама, приняв с самого начала непосредственное участие в кобдоских событиях, сыграл большую роль во вдохновлении народа на борьбу и мобилизации войск от местного населения, разгромил на пути китайские войска, пришедшие из Синьцзяна и Шар Сумэ на помощь маньчжурскому амбаню, он славился своими подвигами в боевых

действиях при освобождении г. Кобдо и оказал содействие присоединению многих хошунов округа к Многими Возведенному Монгольскому государству; во-вторых, после освобождения Кобдоского округа, на посту военного министра Джа лама принял активное участие в разгроме казахских банд, собрал большие силы в районе Гурбан Ценхер для борьбы с китайскими войсками, находившимися в Цаган-Тунке, и внес свой вклад в дело охраны приграничных территорий и наведения там правопорядка. Судя по всему этому, нойон хутукту, номун хан Дамбийжанцан несомненно был яркой исторической личностью, сыгравшей как позитивную, так и негативную роль в истории Монголии XX столетия.

Несмотря на то, что Джа лама был арестован русскими в феврале 1914 г., положение в Кобдоском округе было все еще тревожным. Тогдашняя обстановка в округе характеризовалась воцарением суматохи и беспорядка, появлением сторонников Китая и значительной потерей веры в Многими Возведенное Монгольское государство. Наряду с этим, политика и деятельность Джа ламы сделали также свое дело, совершив поворот в духовной жизни верующих, из-за чего резко снизился авторитет монгольских хутуктов и хубилганов. При таких условиях активизировалась китайская пропаганда против Монгольского правительства, что было направлено на привлечение правящих кругов приграничных хошунов на сторону Китая. Так, например, идя на нарушение обязательств, взятых по договору в 1913 г., в Шар суме о том, что «...стороны не должны произвести какие-либо подстрекательства по отношению друг к другу до подписания Тройственного соглашения», губернаторы Синьцзяна и Алтая занялись проведением политики привлечения урянхайских, торгутских, хошоутских и казахских нойонов на свою сторону, используя при этом самые различные методы, в том числе угрозу и принуждение. Они также уговаривали хошунных правителей принимать подданство Синьцзянской области, вознаграждаться высокими титулами и печатью и получать жалованье. Из-за этих обещаний некоторые хошунные дзасаки вместе со своими подданными откочевали через Алтайский хребет.

В таких условиях, в целях стабилизации положения в Кобдоском округе, министром по устройству западной Монголии был назначен Да лам Цэрэнчимэд, министр Внутренних дел монгольского правительства. На место назначения Да лама Церенчимид приехал в начале июня 1914 г., но полностью приступить к испол-

нению своих обязанностей он не успел. Да лам скончался 17 июня. Причина его смерти неизвестна.

На его место министром Западного края был назначен гун Сономдорж, которому совместно с другими министрами и князьями удалось стабилизировать положение и установить мирную обстановку. В завершение нужно подчеркнуть, что за этот период в Кобдоском округе не затихали аратские движения против внешних и внутренних поработителей, из которых следует выделить крупное движение против произвола Джа ламы, бегство казахов и восстание войск в Цаган-Тунке.

В ходе Тройственного соглашения 1915 г. вопрос о Кобдоском и Алтайском округах вызвал горячий спор между сторонами. Но, как известно, исход его не зависел от желаний монгольских народов Западного края, а наоборот, он был решен в пользу интересов соседних государств, диктующих свою волю слабым. Так, по договору независимость Многими Возведенного Монгольского государства сведена до уровня «автономии Внешней Монголии» в составе четырех халхаских аймаков и Кобдоского края, в результате чего десять западных хошунов остались за пределами Кобдо, в составе Алтайского округа. С тех пор в административном отношении Кобдоский округ состоял из 20 хошунов. Итоги Тройственного соглашения вызвали у монголов, особенно у народов западной Монголии, ненависть и возмущение и явились тяжелым ударом по положению алтайских урянхайцев, торгутов и хошоутов, присоединившихся к Монгольскому государству, что привело в свою очередь к неоднократному выступлению этих народов с протестом против Кяхтинского соглашения.

В мае 1919 г. китайское правительство отменило традиционное административное устройство в Алтайском округе и силой подчинило его к Синьцзянской области, чем хотело закрыть путь национально-освободительной борьбе народов Западного края. Тем самым Алтайский округ превратился в северо-западную окраину Китая, благодаря чему воплотилась в реальность идея создать из него «плацдарм для Или и Тарбагатай» (Чэнь-Чунь-Цзу, 1992, с. 125). Более того, согласно Кяхтинскому соглашению, зимой 1915 г. китайским правительством был отправлен его уполномоченный представитель в Кобдо. Воспользовавшись ослаблением российского влияния и напряженной обстановкой на местах, китайский комиссар стремился сосредоточить в своих руках полно-

мочия местной власти и привлечь на свою сторону местных правителей, он вел среди населения легальную и нелегальную пропаганду о присоединении к Китаю и поддерживал связи сторонников Китая с губернатором Синьцзяна. Его деятельность всячески поощрялась со стороны Китая. В сложившейся обстановке князья некоторых хошунов ради своей личной выгоды стали сотрудничать с китайцами и установили связь с губернатором Синьцзяна, за что были пожалованы высокими титулами. С тех пор их действия стали носить более открытый характер, вследствие чего местное население разделилось на несколько частей: одни ориентировались на Россию за независимость, другие последовали за сторонниками Китая.

На такое положение дел имели свое влияние внешние и внутренние факторы. К их ряду следует перечислить, во-первых, политику Китайского правительства и действия губернаторов Синьцзянского и Алтайского округов и китайского комиссара в Кобдо; во-вторых, ослабление и непрочность позиции России в округе, распространение среди населения различных слухов подобно тому, что «...русские не смогут обращать внимание на монголов, потому что они воюют с Германией» (Бурдуков, 1987, с. 120) или, как говорилось тогда, «...никому не верится, что без помощи России, Халха не в силах защитить Кобдоский округ от Китая» (Бурдуков, 1987, с. 143) и т.д. Следовательно, население было обеспокоено сложившейся обстановкой, и неволью усиливалось стремление к примирению с Китаем. В-третьих, затруднения в осуществлении Монгольским государством различных, более действенных мер по стабилизации края, что было обусловлено финансовыми затруднениями, о чем свидетельствует отсутствие возможностей выдавать своевременно жалованья князьям Кобдоского округа.

В этой сложной ситуации, когда министры Западного края создали Общедюрбетский сейм в апреле 1915 г., в местности Цаган-булан р. Кобдо некоторые из князей открыто изъявили желание о своем присоединении к Китаю, что подверглось резкой критике со стороны прогрессивно настроенных представителей. Получив тревожную весть о сейме, Монгольское правительство основательно обсудило данный вопрос и решило принять некоторые меры. Свидетельством тому служат назначение в 1917 г. краевым министром дюрбетского Төгс Хүлэг Далай хана Туменделгержаба из среды стоявших на позиции Халхи князей и отправление из Урги

Манлайбатора Дамдинсурена с войсками в Кобдо, благодаря чему обстановка в крае стала нормализоваться.

Произошли также некоторые события, оказавшие свое влияние на положение в округе. Одно из них – революция в России в октябре 1917 г. Местные власти, поддавшись уговорам царского консула и китайского комиссара относительно «угрозы красных», опасались проникновения новых идей в Кобдоский округ.

Япония также активизировала деятельность и стремилась к установлению своего влияния в округе, свидетельством чего стало прибытие японцев в начале 1919 г. под предлогом изучения экономического состояния Кобдоского края.

Тем временем 22 ноября 1919 г. вышел Указ президента Китайской республики об упразднении автономии Внешней Монголии, о чем было официально объявлено правителям дюрбетских аймаков Кобдоского округа 17 декабря того же года. Вслед за этим китайским комиссаром была распущена местная монгольская администрация. Так, с 1919 г. Кобдоский округ, как и все другие аймаки и хошуны Внешней Монголии, оказался под контролем иноземных захватчиков – китайских войск и русских белогвардейцев, – что привело к поиску выхода из создавшегося положения.

Одним из событий политического характера, происходивших в промежутках с 1915 по 1919 г. в Кобдоском округе, стала борьба аратских масс за социальные реформы, против крепостничества. Ярким примером этого является развертывание народного движения мингатского хошуна за установление выборной власти взамен старым наследственным правам. К тому же казахиские нойоны, ранее изменявшие Монголии и нередко следовавшие за русскими или китайцами, 23 марта 1917 г. приняли подданство Автономной Монголии, что стало знаменательным событием в истории казахов.

В заключение на основе специального изучения истории Кобдоского округа в начале XX в. мы делаем следующие выводы:

1. Представляя собой исконные земли наших предков на протяжении многих веков, территории Кобдо и Алтая составляли неотъемлемую часть Внешней Монголии. Начало основанию Кобдоского округа было положено в 60-х гг. XVIII в. После захвата Ойратии в целях установления своей власти на новой земле маньчжуры организовали особую административную единицу – «Кобдоский округ». С того времени Кобдоский округ в качестве пятой по счету местной администрации, находившись в подчинении Ургинскому амбану и

Улясутайскому цзяньцзюню, равно как халхаские аймаки, на протяжении многих лет был в составе Монголии. Административная структура округа отличалась от халхаских аймаков тем, что в ней отсутствовали такие единицы, как аймак, шаби и оток, а в некоторых дюрбетких хошунах сохранилась своеобразная единица – «анги». По количеству хошунов и сомонов округ был больше, чем халхаские аймаки. При этом некоторыми хошунами правили не дзасаки (владельцы князья), а укурдаи (родовые старшины), что объяснялось существованием многих народностей.

2. В рамках осуществления так называемой политики нового курса цинские правители относительно Кобдо проводили ряд мер, направленных на ослабление влияния России на округ, улучшение охраны северо-западной границы, укрепление местной администрации, увеличение численности китайских войск и крестьян-переселенцев. Укрепившись в Кобдоском крае, в 1907 г. цинские правители путем разделения Приалтайской территории образовали новую административную единицу – «Алтайский округ», что было направлено на разъединение и раздробление окраинных территорий Монголии на части с последующим подчинением их себе. При этом маньчжуры ставили цель в дальнейшем превратить округ не только в плацдарм для Или и Тарбагатая, но и вовсе стремились создать из его внешнее прикрытие Синьцзяню. Очередные шаги китайцев вызвали повсеместный протест народных масс Западного края, что подготовило почву для развертывания национально-освободительной революции во Внешней Монголии.

3. Свержение маньчжуро-китайских поработителей и освобождение Кобдоского округа в августе 1912 г. явились важнейшим этапом национально-освободительной революции Монголии. Настоящая победа, ставшая тяжелым ударом по политике Китая укрепиться в Кобдоском округе, оказала вдохновляющее влияние на своих соотечественников других районов. Начался новый этап освободительной борьбы, направленной на освобождение Алтайского округа. Однако в силу сложнейших внешних и внутренних обстоятельств борьба эта была прервана и не достигла главной цели.

4. Несмотря на полную передачу власти в руки монголов, ведавших всеми делами округа в период Многими Возведенного Монгольского государства (1912–1915 гг.), Кобдоский край стал ареной борьбы «противоборствующих политических сил» внутри страны. Вместе с тем со стороны Китая осуществлялась попытка

вернуть Кобдоский округ себе, чему стремилось дать отпор Монгольское государство. Оно также вело борьбу за освобождение Алтайского округа. Однако вследствие раздельнической политики России и Китая борьба Монгольского государства не увенчалась успехом, и все яснее становилось то, что Китай вовсе стремился прибрать к себе часть земли Кобдоского округа, ставшего жертвой политики крупных держав. Демаркационная линия, установленная Соглашением между Россией и Синьцзяном, стала основой западной границы нынешней Монголии.

5. В условиях постоянного подстрекательства со стороны Китая и грабежей казахских банд, а также увеличения числа сторонников прокитайской политики среди местных правителей Монгольское правительство вынуждено было принять своевременные, весьма действенные меры по налаживанию порядка на местах, благодаря чему в 1912–1915 гг. вполне нормализовалась политическая жизнь в крае. В Кобдоском округе не раз вспыхивали аратские движения против местных правителей и иностранных торговцев, среди которых особое место занимают аратское движение против засилья Джа ламы, восстание войск в Цаган-Тунке и движение дюрбетских лам «Хашиг хаших».

6. В период автономии (1915–1919 гг.) Монголия продолжала бороться за присоединение к себе Алтайского округа – неотъемлемой части Кобдоского края, но не смогла достичь своей цели, поскольку последняя отнюдь не зависела от воли монголов, а, наоборот, решалась в пользу интересов двух соседних государств: России и Китая. При этом следует заметить, что по мере развития событий соседи менялись своими местами в Кобдоском округе, что оказало влияние на настроение местных правителей. С ликвидацией автономного права Монголии в Кобдоском округе стали хозяйничать сперва китайские войска, а затем белогвардейские банды. В рассматриваемое время в истории Кобдоского округа произошло аратское движение за выборную власть в мингатском хошуне, что имело важное место в истории народного движения за свободу.

7. В целях реализации плана о создании новой административной единицы «Западная Монголия» в 1911–1919 гг. Китай стремился к захвату Кобдоского и Алтайского округов. Однако присоединить Кобдоский округ к себе Китай не смог, лишь силой ему удалось присоединить Алтайский округ к Синьцзяну.

Относительно политики царской России необходимо подчеркнуть, что первоначально она поддерживала присоединение Кобдоского и Алтайского округов к Халхе и оказывала дипломатическую и военную помощь в деле разрешения конфликтов между китайцами и монголами, стремясь при этом укрепить свое политическое и экономическое влияние в этих округах. Но по мере развития событий Россия отступала от своей прежней политики и вступила в заговор с Китаем. В итоге Алтайский округ окончательно отошел к Китаю.

8. В этот период выдающуюся роль в делах Кобдоского округа сыграли Жалханз хутукту Дамдинбазар, Зоригт бейс Наванцерен, Хатанбатор Магсаржав, Манлайбатор Дамдинсурен, ноён хутукту, номун хан Дамбийжанцан, Төгс хүлэг Далай ван Туменделгержав и многие другие министры и военачальники.

9. Кобдоский округ, как составная часть Монголии, в отличие от халхаских аймаков имел свои особенности, которые заключались в отдаленности от центра страны, в слабости контроля со стороны центрального правительства, в разнородности этнического состава населения, в наличии непрекращающейся борьбы между внешними и внутренними политическими силами. Еще одним важным обстоятельством было то, что по своему географическому положению округ этот был местом пересечения интересов великих держав.

Библиографический список

Ойрад монголын товч түүх. Доорд дэтэр. Шинжааны ардын хэвлэлийн хороо, 2000. С. 304–306.

Гадаад монголын тусгаар тогтнолын нууц учир. Бээжин, 1993.
Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003.

Чэнь-Чунь-Цзу. Гадаад монголын ойрхи түүх. Бээжин. Шанхай, 1922.

Бурдуков А.В. Хуучин ба шинэ Монголд. Улан-Батор, 1987.

Л. Нямсурэн

Ховдский государственный университет, г. Ховд, Монголия

ИЗ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЗАПАДНЫХ МОНГОЛОВ (XIII–XVIII вв.)

В результате археологических исследований, проведенных на территории Монголии, установлено, что по крайней мере 2000 лет тому назад была заложена основа оросительного земледелия с плугом (как подсобное хозяйство при преобладании животноводства).

Со временем в процессе исторического развития оно приобрело черты потребительного хозяйства. Исследователи по монгольскому земледелию классифицируют его по географическим условиям и видам распространения на следующие области:

1. Южный очаг (Орхонское, Селенгийское русло и их впадины).
2. Западный очаг (русло многих рек Алтайских гор).
3. Очаг северных и южных склонов Хангайских гор.
4. Очаг сопредельных регионов некоторых ландшафтов котловины Больших озер.
5. Восточный очаг (места около рек Улз, Онон, Халх, Нумруг, у оз. Хулун Буйр).

Земледелие западных монголов относится к Западному очагу. С древности здесь вели аграрное хозяйство халхасцы, дюрбеты, торгуды, хошоуты, захчины, мингаты и др.

В XIII–XIV вв. земледелие развивалось на территориях около нынешнего Гоби-Алтай, Улясутая, где оно было начато с периода правления Чингис хана. Есть сведения о том, что дворянин Чингай управлял этим делом около Улясутая. Чингай выбрал этот район, считая южно-западную часть территории Улясутая пригодной для ведения земледельческой работы. Дворянин Сюй Ейжан, который жил в период Юаньской державы, писал: «У Чингая работали не только местные жители, но и уйгуры, киданцы и зурчцы прорывали водные каналы». Пашня Чингая находилась в долине Гузен-тэла около горы Хасагт-Жаргалан нынешнего Гоби-Алтайского аймака. До сих пор там остались следы от колодцев, водных каналов, большие мельничные постройки, каменный пест, котел и др.

Оказывается, что земледелием занимались в котловине оз. Хар ус (Ховд), в долине р. Булган, в Улангоме и Тариате Убсунурского аймака.

Среди местных жителей распространены сказания о том, что канал Сартагтай, проведенный с оз. Хар ус (с р. Ховд), может быть, прорыли в эпоху Юаньской империи.

Пока не обнаружены сведения об аграрном хозяйстве монголов со 2-й половины XIV в. до конца XVI в. С начала XVI в. феодальная раздробленность имела местный характер. Произошли изменения в быту и культуре. Начался период так называемого перевосстановления («Ренессанс»). В связи с ним в некоторых краях создавались храмы, города и села, что оказало серьезное влияние на земледельческую работу.

Во время политической раздробленности Монголия была разделена на самостоятельные государства, но произошли изменения в хозяйстве. Примером этого служит аграрное развитие восточного государства.

Послы русского царя, несколько раз проданные Джунгарской империи, оставили точные сведения. Возвращенный в декабре 1639 г. в Тобольск из Джунгарии посол Абрамов о джунгарском хун тайдж Баторе сообщил: «...хун тайдж, поселившись в кирпичном городе Хобуг Сайре, хотел заниматься земледелием. В этом городе живут не только ламы, но и люди из Бухары пахали землю. Также хун тайдж жил в городе, где вел земледелие». «Он сел на коня и стоял у поля, 1641 год», – писал другой посол Нестроев.

Наследники хун тайджа Батора продолжали его идею и внесли свой вклад в развитие земледелия. Главы Джунгарского государства пригласили опытных людей из России, Бухары для обучения аграрному методу и технологии. Орды ойратских князей Сэнгэ, Цохур увш, Абалай в 70–90 гг. XVII в. создавали целые села, где занимались земледелием. Там работали в основном пленники.

После образования Джунгарского ханства в 1676 г. Галдан бошгот хан провел социально-экономические преобразования. Одним из них было внедрение земледелия. Сначала он посеял около Или, а затем с целью противостоять маньчжурским захватчикам в 1685 г. у р. Ховд обосновал поселение и вел воинское земледелие. Во многих источниках упомянуто о том, что в 1690–1695 гг., переселившись в Ховд и Улангом, он стал вести земледелие. Например:

«Галдан, посеяв... на части территории Улангома, получил урожай и получил доход. Огромна земля Ховда, Улангома, пашенная земля велика. Эта земля благоприятна для ведения земледелия...». Из этого видно, что, занимаясь земледелием, они собирали большой урожай. В этом деле, кроме некоторых монголов, работали хотонцы, уйгуры.

Галдан бошготом до наших дней остался районом для земледелия. Например, поле, основанное в Улангоме, стало главным для нынешнего кормового хозяйства с. Хархира.

При Маньчжурской державе сохранились традиции земледелия Монголии. Однако территории, где велось земледелие, далеко располагались друг от друга. Не было возможности обмениваться методами и опытом работы. В каждом крае земледелие развивалось со своей особенностью.

После того как маньчжуры захватили Халху, для того чтобы снабжать войска, переселенные на территорию Монголии, они перестали привозить пшено туда, где воевали войска Энх-Амгалан, а стали выращивать его в тех местах, где разместились войска. Для военного земледелия маньчжуры стали пользоваться землей, где раньше монголы вели земледелие.

Маньчжуры в 1716 г. завоевали Ховд, а поселок земледелия превратили в свою собственность. В феврале 1716 г. Энх-Амгалан хан приказал маньчжурскому полководцу Фурдану выращивать зерно, опираясь на старый Ховдский поселок земледелия. Губернатором Ховда и Улангома было приказано обеспечить солдат пищевым зерном. Должностная работа продолжалась с 1717 по 1730 г., во время борьбы Джунгарского ханства с Маньчжурским (1731–1760 гг.) она была прекращена и лишь позже восстановилась.

В службе Ховдского земледелия работали 400 семей из трех аймаков: из Тушет хан аймака – 200, Сайн ноён – 128, Засагт хан – 72. Эти семьи работали на полях определенный срок, иногда им приходилось жить там по нескольку лет. При отправке каждой семье выдали 10 голов крупного рогатого скота, 30 овец. Семьям солдат, которые вели земледелие, специально выдавали зарплату, земледельческий инвентарь.

Посевное поле измерялись частями. Они делились дальше на мелкие единицы, такие как «хувиар», «имир» и т.д. Так рассчитывали посевную работу. В настоящее время на территориях сомонов

Ховд и Буянт Ховдского аймака продолжается земледельческая работа, которая имеет традиционные черты.

С XVII в. до начала XX в. на Западном регионе Монголии в значительной степени распространилось частное земледелие, которое брало начало с земледельческой работы Увса, Ховда. Оно существует и сегодня. Например, жители сомонов Ховд, Буянт, Зэрэг, Муст, Булган и Уенч Ховдского аймака, сомонов Тариалан, Түргэн, Сагил, и Хяргас аймака Увс в наши дни ведут земледелие традиционными методами и используют традиционную технологию.

В заключение следует подчеркнуть, что историческая традиционность важна тем, что мы узнаем, как кочевники относились к земле, как получали пользу от нее, как берегли ее, чтобы сохранить равновесие экосистемы. При изучении традиций и использовании их необходимо применять современные методы науки, что поможет эффективно решать вопрос о распространении земледелия в Монголии.

Л. Нямсурен

Ховдский государственный университет, г. Ховд, Монголия

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖАЛХАНЗ ХУТУГТ ДАМДИНБАЗАРА (1915–1921 гг.)

В этой статье коротко затрагиваются вопросы, касающиеся политики и деятельности правительства Автономной Монголии, возглавляемой Жалханз хутугт Дамдинбазаром, борьбы за восстановление утраченной независимости Монголии и завоевание автономных прав. Подробно рассматривается динамика развития идейных взглядов и позиций Дамдинбазара.

В 1915–1921 гг. в главное внимание Жалханз хутугт Дамдинбазар уделял борьбе за независимость Монголии. Хотя его деятельность имела конкретные цели и направления, была многогранной, однако ее результаты были различными.

Во-первых, когда непосредственно встала опасность утери независимости Монголии, а решить все вопросы, опираясь только на свои собственные возможности, не хватало сил, монголы были вынуждены искать другие пути получения помощи со стороны. Так, Жалханз хутугт Дамдинбазар вместе с группой ноёнов составил письмо с просьбой о помощи, которое вручил американским торговцам, прибывшим в Ургу через Пекин. В 1919 и 1920 гг. он встречался с Чарлзом Д. Тенни и Чарлзом Эберхардем – консулом и послом США в Пекине. На этих встречах Дамдинбазар подробно разъяснил положение своей страны, просил оказать помощь, однако не достиг какого-либо конкретного результата. В 1919 и 1920 гг. по приезду в Пекин он встречался с главой Китая, пытался добиться от него какой-нибудь уступки по отношению к Монголии, но не добился успеха.

Во-вторых, не достигшие какого-либо результата в попытке восстановления автономных прав на дипломатическом уровне, осознавшие недостаток только лишь собственных сил в этой великой борьбе, Жалханз хутугт Дамдинбазар и группа его единомышленников организовали союз сторонников возрождения своего государства. С этого времени они установливают наблюдение за деятельностью тайных кружков, возникших в Урге, пытаются установить с ними контакт. На первых порах из-за недостаточного уясне-

ния тогдашнего внутреннего и внешнеполитического положения Советской России Жалханз хутугт, Дилав хутугт и Хатанбаатар Магсаржав занимали выжидательную позицию по вопросу о том, следует ли ставить печать Богдо гегена на письме Монгольской народной партии с обращением о помощи к Советской России. Но летом 1920 г. они уже определились и оказали определенное влияние, помогли поставить печать Богдо Жибзундамба на этом письме.

В-третьих, китайская военная власть, с самого начала шпионившая за борьбой монгольских ноёнов, лам и аратов, арестовала Богдо Жибзундамба хутугта и некоторых его сторонников, боровшихся за независимость, заключила их под стражу, а Жалханз хутугт Дамдинбазара, якобы назначив чиновником, ведающим монгольскими делами, заставила служить в своем ведомстве и установила за ним слежку и контроль. В этих условиях Жалханз хутугт, чтобы отвести опасность от Богдо хана и других своих соратников, а также предупредить народные массы от каких-либо неосторожных действий, 8 апреля 1921 г. печатает прокламацию, где призывает массы отнестись к событиям спокойно с позиций буддийского мирозерцания.

В начале февраля 1920 г. белогвардейцы под предводительством барона Унгерна изгнали китайцев из Урги и возвели Богдо Жибзундамба на престол. Жалханз хутугт Дамдинбазар, хотя и осознавал истинную суть барона Унгерна, не упускал случая использовать его силу, стремился возвести Богдо на престол. В своей деятельности предпочтение он прежде всего придавал восставлению автономных прав. Жибзундамба хутугт, высшие ноёны и ламы назначили его премьер-министром Автономной Монголии. Правительство, возглавляемое Жалханз хутугтом, в период с 25 февраля по 22 апреля 1921 г. проводило политику, направленную на то, чтобы официально уведомить Россию и Китай о восстановлении автономии Монголии, добиться с их стороны признания защищать целостность государственных границ, а также улучшить внутреннее положение страны сообразно современным требованиям жизни, с целью очистить территорию страны от остатков китайской военщины, организовать мобилизацию солдат от хошунов для совместного (с силами барона Унгерна) разгрома их остатков.

13 марта 1921 г. на совместном заседании членов ЦК Монгольской народной партии и представителей некоторых хошунов было создано Временное народное правительство Монголии. В этот период, по представлению Жалханз хутугта, цель революционеров заключалась в том, чтобы получить помощь со стороны России, изгнать иностранных захватчиков, возвести Богдо хана на престол, восстановить в прежнем состоянии независимость страны. В условиях быстрого изменения политического положения страны силы барона Унгерна укреплялись, все более усиливалась мобилизация солдат, росло изъятие провианта и фуража от местного населения на военные нужды. Зверства и насилие со стороны унгерновцев возросли. Вследствие всего этого резко ухудшалась жизнь монгольского народа.

Со стороны Монгольской народной партии и Временного народного правительства был выпущен Манифест с обращением к ваном, гуном и ламом Халхи, где членам Автономного правительства предлагалось провести переговоры с Временным народным правительством, а также организовать совместную борьбу против барона Унгерна.

В монгольской историографии особо отмечается, что на данное обращение со стороны Автономного правительства, находившегося в Урге, не было дано какого-либо ответа. Якобы уже само по себе это свидетельствует о позиции, занимаемой им в настоящем вопросе. Однако, если судить о состоянии дел в то время, то, с одной стороны, вполне очевиден тот факт, что прямое отношение членов правительства, возглавляемого Жалханз хутугтом, с Временным народным правительством в условиях прямого давления и жесткого контроля со стороны барона Унгерна было весьма затруднительным, а с другой – быть может, это связано с изменением прежней цели и направлений деятельности Монгольской народной партии по мере развития событий. Жалханз хутугт Дамдинбазар внимательно следил за развитием политических событий в Монголии, прекрасно понимал их суть.

Поэтому Жалханз хутугт, четко понимая подоплеку политики и деятельность барона Унгерна, а также избегая возможности превратиться в его приспешника, в конце апреля 1921 г. отправился в Западную Монголию под видом управляющего местными делами. А может быть, оставление им поста премьер-министра было связа-

но с письмами, присланными ему Временным народным правительством и Монгольской народной партией.

В завершение следует отметить, что правительство, возглавляемое Жалханз хутуггом, основываясь на договоре 1915 г., заключенном между Россией, Китаем и Монголией, признавало суверенитет срединного государства Китая, считало, что задача по восстановлению автономии Монголии в основном обеспечена. Дамдинбазар, хотя и придерживался к этому времени схожего с Монгольской народной партией мнения по некоторым вопросам независимости и свободе страны, оказывал определенную помощь и поддержку, однако в своей деятельности все же в основном ограничивался лишь внимательным наблюдением со стороны.

Невозможно отрицать того факта, что он затратил немало сил и средств в поддержку военной силы барона Унгерна, обеспечения их провиантом и фуражом, чтобы использовать это для восстановления национальной независимости, укрепления успехов, изгнания китайских солдат с территории страны.

Жалханз хутугт хотя и понимал тайные мысли барона Унгерна, но не смог предугадать агрессивное участие барона в государственных внутренних делах Монголии. Таким образом, в деятельности правительства, возглавляемого им, имели место и положительные, и отрицательные стороны, однако в борьбе за национальные интересы, независимость страны и свободу народа Жалханз хутуггом старался мобилизовать все свои возможности.

А.А. Тишкин, Б. Нямдорж, П.К. Дашковский,
Л. Нямсурэн, Ч. Мунхбаяр
Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия;
Ховдский государственный университет, г. Ховд, Монголия

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ В ХОВДСКОМ АЙМАКЕ (предварительное сообщение)*

В ходе выполнения исследовательских работ по проекту РГНФ–МинОКН Монголии сотрудниками Алтайского (Россия) и Ховдского (Монголия) университетов в 2006 г. начаты археологические изыскания в Ховдском аймаке. Кроме этого, представители российской стороны осматривали памятники по дороге из г. Ховда в г. Баян-Ульгий. Более детальному изучению, с целью выбора памятника для дальнейших совместных раскопок, подверглась часть долины р. Буянт (приток Кобдо). Данная работа также осуществлялась в рамках подготовки «Археологической карты Ховдского аймака Монголии». В результате зафиксирован ряд ранее неизвестных комплексов, сведения о которых будут отражены в этом предварительном сообщении. Следует указать, что исследования на обозначенной территории Западной Монголии проводились довольно редко. Археологические объекты в основном выявлялись в ходе путешествий или при проведении непродолжительных разведок. Целенаправленные раскопки курганов, оставленных древними и средневековыми кочевниками, практически не осуществлялись. История археологического изучения Ховдского аймака изложена в одной из работ монгольского автора (Батмөнх, 2000).

Западная Монголия чрезвычайно богата памятниками историко-культурного значения. Решение многих этногенетических проблем зависит от планомерных исследований в данном обширном регионе. Однако на первом этапе наиболее важными являются систематическое выявление и грамотное документирование многочисленных археологических комплексов (Тишкин, 2003). Несмотря на то, что исследования на рассматриваемой территории предпри-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №06-01-91809а/G).

нимались начиная с XIX в., важный регион до сих пор остается «белым пятном» в археологии Центральной Азии.

В советское время в Монголии активно работал В.В. Волков. Его основная деятельность была направлена на обнаружение и изучение «оленных» камней (Волков, 2002). На территории Ховдского аймака зафиксированы следующие пункты с такими памятниками:

1. Дарви сумын. 4-я бригада, гора Умну Хайрхан. Местность Чулуутын огтох. Обнаружено три «оленных» камня. Один стоял вертикально возле кургана с круглой кольцеобразной оградкой и пятью лучами с восточной стороны. На нем хорошо выбиты три косые линии, кинжал, фигурки лошадей, запряженная колесница, копьё, лук в налучье, серьга и чекан. Второй и третий «оленные» камни найдены в полукилометре от первого и находились с западной стороны херексура в пределах оградки, как бы обозначая вход-выход. На них также имелись изображения, характерные для «оленных» камней Монголии.

2. Мунх хайран сумын. Местность Тэлэнгитийн ам. Изваяние обнаружено с южной стороны одной из каменных оградок. Интерес представляет выбитая фигурка быка. Подобное изображение есть на Бийкенской писанице в Горном Алтае (Окладникова, 1984; Тишкин, Горбунов, 2005).

3. Муст сумын. 5-я бригада, местность Хаар говь. Два «оленных» камня связаны с большим херексуром. Один лежал на насыпи кургана, а другой стоял к югу от него. На первом зафиксированы две косые линии, кинжал, серьга-кольцо, лук в налучье, ожерелье, «лента-диадема». На втором отмечены изображения стилизованных фигурок оленей без рогов, а также две косые линии, кинжал, серьги, ожерелье, зеркало и др.

4. Мянгад сумын. 2-я бригада, местность Бурдийн нуур. Часть «оленного» камня лежала на берегу небольшого озера в высокогорной долине. Обнаружен пояс, стилизованные фигурки оленей и другие изображения (Волков, 2002, с. 93–96, табл. 103–105).

5. Муст. Сумын. Поселок Баян Зурх бригады в верховьях Бодончийна, сразу под перевалом через Монгольский Алтай. Группа «оленных» камней находится в комплексе с другими археологическими объектами (Волков, 2002, с. 102–111).

6. Булга сумын. В 10 км от сумынного центра Бурэнхайрхан зафиксированы три изваяния (Волков, 2002, с. 111–112).

7. Поселок Уенч. Верховья реки Уенч, перед главным перевалом через Алтай, высокогорная долина Нарийн Бэлчээр. На самом верху херексура лежал «оленный» камень с характерными изображениями (Волков, 2002, с. 112).

Кроме этого, упоминается округлый в сечении камень без изображений, который находится в верховьях речки Бодончин гол (Волков, 2002, с. 19). К сожалению, представленные В.В. Волковым описания местонахождений даны в таком общем виде, что обнаружить и картировать памятники порой довольно трудно. Планов с использованием инструментальной съемки нет. Имеются «схематические планы», которые отражают лишь первичный уровень восприятия обнаруженных исследователем комплексов.

В условиях монгольских ландшафтов актуальным является проблема полноценной фиксации археологических объектов современными методами. Первоначальным этапом могут стать глазомерные планы с показателями координат, полученными при помощи GPS-навигатора. Однако в дальнейшем необходимо применение инструментальной, лучше всего тахеометрической, съемки. Это существенным образом повысит уровень понимания памятника и более объективно отразит его характеристики. Таким же образом заново предстоит обследовать уже известные комплексы. В настоящее время многие из них, в том числе и «оленные» камни, порой вырваны из ландшафтного и археологического контекста. Обозначенные мероприятия будут важными для создания в Монголии не только системы государственного учета, но и охраны памятников историко-культурного значения.

Начало планируемой работы было положено в 1999 г. археологический отряд Алтайского и Санкт-Петербургского университетов в рамках выполнения совместной научно-исследовательской программы «Изучение этнодемографических процессов в Саяно-Алтае с древности до сегодняшних дней» (научный руководитель – д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин) проводил обследования и фиксацию объектов археологии в Баян-Ульгийском и Ховдском аймаках. Имеющийся по итогам этой работы отчет, в котором представлено маршрутное описание целой серии памятников, не опубликован. В 2001 г. знакомство сотрудников Алтайского госуниверситета с историко-культурным наследием Западной Монголии было продолжено. Кроме экспонатов местного краеведческого музея, среди

которых стоит выделить «оленные» камни, удалось осмотреть несколько археологических объектов.

Самым известным памятником около г. Ховда является **Баатар хайран** (в переводе с монгольского языка – «Гора-богатырь»). Он находится по дороге на юг к сомону Дуут. На скальном выходе, расположенном в долине, имеется много петроглифов различных периодов истории, а также надписи и другие выбивки. Около этого массива располагаются оградки со стелами и захоронения позднего средневековья.

В 2003–2005 гг. российско-монгольский отряд Международной Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета проводил раскопки в Западной Монголии (Ковалев, 2005, с. 179). Под руководством А.А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара исследованы памятники разных эпох, что позволило наметить культурно-хронологическую схему истории региона.

В конце мая 2006 г. совместным российско-монгольским отрядом в рамках реализации научно-исследовательского проекта была проведена археологическая разведка в долине р. Буянт и около центра сомона Кобдо. В результате отмечены следующие археологические объекты.

Курганная группа **Улаан худаг** (в переводе с монгольского языка – «Красный колодец») находится примерно в 10 км к юго-западу от г. Ховда по дороге в бывший центр бригады Баян булаг и состоит из значительного числа объектов, сооруженных из камня и расположенных как на террасе, так и в пойме. Большими размерами и своеобразной конструкцией выделяются херексуры. У одного из них по кругу зафиксировано около 20 небольших поминальников диаметром 1–2 м. Координаты этого кургана следующие: N 47° 56.508' – E 91° 30.385'. Стоит указать, что самый северный херексур, по-видимому, находится в Онгудайском районе Республики Алтай. Он упомянут В.А. Могильниковым (1988, с. 62) как «царский» курган скифо-сакского времени (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 13). Одним из авторов данного сообщения археологический объект неоднократно осматривался. Погребально-поминальный комплекс имеет значительные параметры (диаметром более 60 м, высотой около 4 м) и некоторые конструктивные особенности, которые фиксируются на подобных сооружениях в Мон-

голии. Курган в урочище Кур-Кечу ограблен. Сильно потревоженной оказалась центральная насыпь. Ее координаты такие: N 50° 35.905' – E 86° 30.486'. Хорошо сохранился ров с девятью «лучами»-перемычками и оформленным с восточной стороны входом-выходом. Вокруг кургана зафиксировано 35 заметных «поминальников». Памятник, вероятнее всего, датируется раннескифским временем и может быть связан со значительным числом объектов бийкенской археологической культуры, сосредоточенных в большом количестве в долине Катуня (Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Горбунов, 2005).

На памятнике Улаан худаг были зафиксированы объекты эпохи бронзы. Два из них, по-видимому, могут быть предварительно отнесены к чемурчекской культуре (Ковалев, 2005). Для них характерен хорошо выраженный на поверхности каменный ящик прямоугольной формы, составленный из нескольких плит. Еще один тип памятников, уже ранее зафиксированный в Монголии, представляет собой плоскую округлую выкладку. Подобные объекты исследовались А.А. Ковалевым и Д. Эрдэнэбаатаром и отнесены к мунх-хайрханской культуре эпохи бронзы. На обследованном комплексе обнаружены оградки тюркской культуры, а также погребальные сооружения развитого или позднего средневековья. Памятник Улаан худаг перспективен для сплошного исследования. На нем много разновременных и хорошо выраженных объектов. Изучение их позволит построить локальную культурно-хронологическую схему, которую очень важно соотнести с имеющимися данными по Алтаю, Туве, Казахстану, Бурятии и Китаю.

Следующий комплекс обнаружен в урочище **Халзан узуур**, где находятся курганы, вероятнее всего, раннескифского времени. Об этом свидетельствуют характерные конструктивные особенности в виде кольцевой выкладки по периметру и наличие в центре каменного ящика, установленного на уровне древнего горизонта. К сожалению, часть насыпей разрушена, видны следы проникновений или осквернений. В настоящее время на части памятника устроена свалка.

В урочище **Ботгон хузуу** (в переводе с монгольского языка – «Шея верблюжонка») находятся две оградки. В центре одной стоит стела. На ней высечена тамга. В другой прямоугольной оградке в ряд стоят три стелы. Подобный тип сооружений довольно широко

распространен в Северо-Западной Монголии. Традиционно он связывается с тюркским временем.

Две группы археологических памятников находятся около бывшего центра бригады **Баян булаг** (в переводе с монгольского языка – «Богатый источниками»). На широкой площадке долины располагаются три огромных херексура. Там зафиксированы ранее неизвестные «оленные» камни, а также другие объекты, среди которых отметим тюркские оградки. На одном средневековом поминальном комплексе стоит изваяние с отбитой головой. Эта часть лежит неподалеку и имеется возможность восстановить его полный внешний вид. Хорошо просматриваются реалии изображения мужчины-воина. Координаты самого крупного херексура такие: N 47° 55.740' – E 91° 21.539'. Еще один малозаметный могильник расположен неподалеку и может быть предварительно определен эпохой средневековья. Его объекты отличаются невысокими каменными надмогильными выкладками, имеющими вытянутую овальную или округлую форму.

Следующий осмотренный археологический комплекс зафиксирован неподалеку от центра сомона Кобдо и называется **Дунд ус** (в переводе с монгольского – «Срединная вода»). Памятник расположен менее чем в 1 км на юго-восток по дороге в г. Ховд, в долине небольшой речки Дунд-ус. Его координаты такие: N 48° 07.472' – E 91° 24.459'. Рядом с хорошо выраженными конструкциями находятся юрты, огороды и разные хозяйственные постройки. Памятник состоит из нескольких объектов, вероятнее всего, эпохи бронзы. Один из них представляет собой плоскую округлую выкладку, по периметру которой выложены более крупные камни. От нее отходят «балбалы». Другой отличается тем, что вертикально вкопанные невысокие плиты включены в крепиду плоской насыпи. Подобные объекты имеют сходства с памятниками монгунтайгинской культуры.

Возвращаясь из г. Ховда, делегацией АлтГУ осматривались различные памятники на территории Ховдского аймака по пути в Баян-Ульгий. Отмечен ряд погребально-поминальных комплексов. Первый находится примерно в 20 км от Ховда справа от дороги. Он состоит из цепочки курганов, координаты одного из них такие: N 48° 09.220' – E 91° 29.565'.

Кроме представленных выше памятников, зафиксирован еще ряд археологических объектов, традиционных для археологии Монголии. На границе двух аймаков обследована хорошо известная группа «оленных» камней. Данный комплекс опубликован в монографии В.В. Волкова (2002, с. 49, табл. 32) и обозначен так: Толбо сумын. 3 бригада. GPS-навигатором установлены координаты памятника: N 48° 23.194' – E 90° 49.297'. Сравнение опубликованных прорисовок с имеющимися реалиями свидетельствует о том, что необходимо еще раз более тщательно скопировать изображения и продолжить изучение «оленных» камней. Рядом с этим комплексом находится большой прямоугольный каменный ящик, сооруженный из вертикально установленных плит. Его координаты следующие: N 48° 23.205' – E 90° 49.270'. Подобные объекты найдены на памятнике Улаан худаг и в Монголии уже исследовались А.А. Ковалевым (2005).

Таким образом, проведенные изыскания положили начало для большой и перспективной деятельности, которая позволит решать проблемы изучения и охраны культурно-исторического наследия Западной Монголии.

Библиографический список

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Ковалев А.А. Чемурачский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 178–184.

Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу (к вопросу об этническом составе населения Горного Алтая второй половины I тыс. до н.э.) // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. С. 60–107.

Окладникова Е.А. Петроглифы Средней Катуни. Новосибирск: Наука, 1984. 110 с.

Тишкин А.А. Возможности археологического изучения Западной и Северо-Западной Монголии // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 178.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Батмөнх Б. Ховд аймгийн нутаг дахь эртний туух соёлын дурсгал. Улаанбаатар, 2000. 160 т. (на монг. языке).

А.В. Харинский, Ю.И. Ожередов, Д. Эрдэнэбаатар
*Иркутский государственный технический университет,
г. Иркутск, Россия;*
Томский государственный университет, г. Томск, Россия;
*Улан-Баторский государственный университет,
г. Улан-Батор, Монголия*

СЕВЕРНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА ХУБСУГУЛ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Особенности геоморфологии всегда оказывали влияние на возможности осуществления контактов между народами, заселявшими различные районы, области или регионы. Как правило, взаимоотношение между отдельными человеческими коллективами происходило намного активнее в равнинных областях, имевших густую речную сеть или остепненный ландшафт. Существенным препятствием на пути взаимодействия могли стать горные хребты и крупные водоемы. Хотя для умеренных широт второе препятствие очень часто приобретало обратный характер. В зимний период поверхность озер, рек и болот покрывалась льдом, который становился на несколько месяцев одной из самых оживленных дорог, соединявшей отдельные районы. Примером подобного моста может являться озеро Байкал. Именно в зимний период жившие в разных частях побережья люди могли общаться друг с другом, а иногда и мигрировать с крупными стадами скота. Долины впадавших в Байкал рек становились коридорами, по которым осуществлялось взаимодействие прибрежных обитателей с отдаленными районами Предбайкалья и Забайкалья. Самыми крупными из таких коридоров были долины Ангары и Селенги, позволявшие осуществлять перемещение населения из Центральной Азии в Среднюю Сибирь и обратно. Именно по долине Селенги из Центральной Азии в Предбайкалье проникли носители шумилихинской, елгинской, ангинской и других культурных традиций. Но помимо основного (Селенгинского), в истории Прибайкалья существовал и дополнительный коммуникативный коридор, соединявший эту часть Сибири с Центральной Азией. Он начинался с побережья озера Хубсугул, следовал по долине Иркуты и выходил к Байкалу в районе пос. Култук, связывая Прибайкалье с Тувой, Центральной и Западной Монголией.

В отличие от долины Селенги, на берегах Иркутта известно не так много археологических объектов, позволяющих судить о культурно-исторических связях населения, проживавшего здесь.

С целью выявления и дальнейшего исследования этноархеологических объектов, расположенных между озерами Хубсугул и Байкал, в 2006 г. была организована совместная экспедиция, в состав которой вошли представители Иркутского государственного технического университета, Томского государственного университета и Улан-Баторского государственного университета. Участниками экспедиции осуществлено сплошное обследование северного берега озера Хубсугул протяженностью 40 км от Ханхойского мыса на юго-востоке до устья реки Тохмог-Гол на юго-западе. Разведочные работы продолжили поиск и фиксацию археологических и этнографических объектов, начатые в 1999 г. (Харинский, Наумов, 2000). Осмотрено девять объектов, открытых еще семь лет назад, и выявлено четыре новых. К настоящему времени на северном побережье Хубсугула зафиксировано 24 этноархеологических объекта, из них 12 можно определить как погребальные комплексы; 11 – как культовые комплексы, не связанные с захоронением человеческих останков; один – как стоянка. Десять культовых комплексов и по сей день используются жителями Прихубсугулья для различного рода жертвоприношений. О них уже сообщалось в двух заметках, посвященных исследованиям на побережье Хубсугула (Харинский, Наумов, 2000; Харинский, Ожередов, 2006), поэтому их описание не приводится в этой статье.

Визуально определить культурно-хронологическую принадлежность значительной части археологических объектов Прихубсугулья пока достаточно сложно. Раскопочные работы в этом районе практически не проводились, поэтому выделять отдельные типы искусственных каменных кладок можно лишь по аналогии с соседними регионами – Тувой и Прибайкальем. Следуя в этом направлении, разделим все известные к настоящему времени археологические объекты Прихубсугулья на три хронологические группы.

1 группа включает захоронения позднего бронзового – раннего железного века. К их числу можно отнести каменные курганно-образные сооружения, выявленные на памятниках Судал-I и Хавцал-II (см. рис. 1). Кладки круглой формы, диаметром от 3,5 до

14,5 м. У некоторых из них фиксируются кольцевые оградки. Самым крупным из курганов, отнесенных к этой группе, является херексур с Судала-I, диаметр оградки которого составляет 25 м.

Во **2 группу** входят захоронения 1-й половины II тыс. н.э., отмеченные на памятниках Цыгыр-I, Цыгыр-II и Хавцал-II. Кладки круглой формы диаметром от 2,5 до 5,5 м, имеют сплошную каменную выкладку. Одна из подобных кладок была вскрыта в 2006 г. на памятнике Цыгыр-II. Под каменной конструкцией зафиксирована овальная яма, ориентированная по линии юго-запад – северо-восток, на дне которой найдены остатки деревянного ящика и кость ноги барана. Раскопанное сооружение можно определить как кенотаф (Харинский, Ожередов, 2006).

3 группа включает погребения 2-й половины II тыс. н.э., обнаруженные на памятниках Толон-II, Хавцал-II и Тахмог-Гол-II (северо-западный берег озера Хубсугул). Выкладки плоские, овальной формы, размером 1,5–2,5 м, ориентированы по линии юго-восток-восток – северо-запад-запад

Из всех погребальных конструкций, выявленных на северном побережье озера Хубсугул, наиболее впечатляющими являются курганы позднего бронзового – раннего железного веков. Они внесли определенные коррективы в сложившиеся к настоящему времени представления о культурно-исторических процессах, протекавших в Прихубсугулье и соседних регионах в эпоху палеометалла.

Погребально-поминальный комплекс **Судал-I** находится на одном из холмов, располагающихся вдоль северо-восточного берега оз. Хубсугул, на высоте около 1675 м от уровня мирового океана (30 м над уровнем озера). В 770 м от памятника по азимуту 310° находится туристическая база «Серебряный берег», еще дальше, в 1,5 км к ССЗ начинается пос. Ханх.

В восточной части комплекса располагается херексур (кладка №1), обнесенный оградкой круглой формы, диаметром 25 м (N 51° 28' 39,8"; E 100° 41' 31,7"). Она состоит из одного ряда камней (см. рис. 2). В центре херексура располагается сплошная каменная выкладка круглой формы, диаметром 14,5 м. Она возвышается над поверхностью земли на 20–30 см и сложена в виде платформы. Образующие ее камни размером от 5x10 см до 40x50 см. Кладка нарушена несколькими грабительскими ямами, прорытыми

не так давно. Самая крупная из них глубиной 1 м, ямы поменьше оказались глубиной 20 и 30 см. Благодаря ямам можно проследить внутреннюю конструкцию кладки. Она представляет каменную забутовку мощностью 40 см, под которой располагается бурая супесь. Между центральной кладкой и внешним кольцом находятся отдельные скопления камней, но их конструкция четко не прослеживается. К юго-западу и югу от внешней оградки имеются пять округлых выкладок.

В 11 м от кладки №1 по азимуту 170° располагается кладка №2 (N 51° 28' 39,0"; E 100° 41' 31,8"). Она круглой кольцевой формы, диаметром 4,6 м. По периметру конструкции в один ряд уложены камни. Их размеры от 12x20 до 28x33 см. В центре кладки находятся три установленных на ребро камня.

В 18 м от кладки №1 по азимуту 220°, на юго-западном склоне холма, локализуется кладка №3 (N 51° 28' 39,9"; E 100° 41' 30,3"). Она круглой формы диаметром 5,6 м. Конструкция состоит из плотно прилегающих друг к другу камней размером от 7x7 до 28x44 см, образующих сплошную выкладку.

Могильник **Хавцал-II** (N 51° 34' 12,2"; E 100° 37' 34,9") располагается в 6,5 км к северу от пос. Ханх. Памятник включает четыре погребальные конструкции, расположенные на первом ярусе террасовидного склона, примыкающего с юго-востока к горе Цыгыр, в 0,6 км к северу от моста через реку Хавцал. Объекты и прилегающая к ним территория сильно задернованы. На поверхности земли захоронения обозначены каменными кладками. Кладка №1 круглой формы диаметром 8,0–8,5 м, высотой 40–45 см. Она выглядит как кольцевая кладка с плоской вершиной. Внешний контур конструкции выложен крупными, грубо обломанными камнями. На линии юго-запад – северо-восток на кромке насыпи располагаются два противостоящих вертикальных камня выдающихся над другими. С северной и северо-восточной сторон прослеживается ряд из крупных камней, возможно, составлявших кольцевую ограду. Примерно в 80 м к юго-западу от кладки №1, у мысовидного окончания каменной гряды, располагается кладка №2, схожая с ней по конструктивным особенностям. Ее диаметр 3,5 м, а высота над современной поверхностью около 10 см. На западной кромке насыпи кладки отмечено два рядом стоящих вертикальных камня.

В 3 м к северо-западу от кладки №1 отмечены еще две плоские кладки. Они имеют вытянутую овальную форму. Из-за задержанности их размеры предварительно определены в пределах 2,0–3,0х1,16 м.

По конструктивным особенностям херексур, обнаруженный в местности Судал, можно отнести к первому типу херексуров (Цыбиктаров, 1998, с. 138), который характеризуется наличием оградки круглой формы, отсутствием дорожки между оградкой и центральной насыпью, а также отсутствием в оградке вертикально установленных камней. Наличие между центральной насыпью и оградкой отдельных скоплений камней, возможно, позволит отнести его к новому типу аналогичных сооружений. Но об этом можно будет судить лишь после расчистки всех элементов конструкции. Округлые выкладки, расположенные к юго-западу и югу от оградки, можно интерпретировать как поминальники, достаточно часто сопровождающие херексуры. Обычно под подобными кладками нет находок или фиксируются кальцинированные кости, угольки, фрагменты керамики (Цыбиктаров, 1998, с. 140). Остатки грабительских раскопок центральной насыпи херексура не выявили каких-либо следов могильной камеры-цисты, которая могла бы сооружаться на древней поверхности или в небольшой яме под кладкой. В случае наличия цисты на поверхности земли оказались бы крупные плиты, являвшиеся ее стенками, которые наверняка были бы выворочены грабителями во время раскопок. О наличии ямы под кладкой до проведения раскопок судить невозможно. Отмеченный под камнями слой бурой супеси может быть заполнением ямы или непо потревоженным верхним слоем земли, окрашенным в темный цвет благодаря наличию гумуса.

Кладки №2 и 3, расположенные вблизи херексура, в настоящее время проблематично как-либо интерпретировать. Их конструкция различна, что может указывать на их разновременность или функциональную неоднородность. Синхронизировать кладки с херексуром на данном этапе исследований представляется преждевременным.

Каменные кладки, обнаруженные на могильнике Хавчал-II, по конструктивным особенностям разбиваются на две группы. Кладки №1 и 2 по конструктивным особенностям сближаются с надмогильными конструкциями погребений бронзового – раннего

железного веков, известных на территории Тувы. Каменные конструкции к настоящему времени частично разрушены, поэтому более детально определить их культурно-хронологическую локализацию без раскопочных работ невозможно. Кладки №3 и 4 предварительно датируются 2-й половиной II тыс. н.э.

Впервые курганы-херексуры на побережье оз. Хубсугул обнаружены Б.Э. Петри в 1923 г. Они зафиксированы на берегах бухты Кексыр и реки Алаксыр (Петри, 1926). Находка херексуры на северном берегу Хубсугула в 2006 г. еще дальше отодвинула северную границу ареала распространения этого типа памятников. До конца 90-х гг. XX в. представлялось, что на территории Прихубсугуля отсутствуют херексуры, но зато известны другие погребальные конструкции, близкие им по времени существования, – плиточные могилы. А.Д. Цыбиктаровым (1998, рис. 2) были обобщены данные, касающиеся распространения этих типов захоронений. В настоящее время их можно дополнить, основываясь на материалах исследований последних лет в долине Иркутта, на побережьях Байкала и Хубсугула.

Во-первых, северная граница распространения плиточных могил к настоящему времени значительно изменилась. Ее следует проводить южнее озера Хубсугул, и далее на восток по южным и восточным предгорьям хребта Хамар-Дабан к оз. Байкал. Предложенные изменения связаны с отсутствием находок плиточных могил в Прихубсугулье и Тункинской долине. До сих пор каменные конструкции, напоминающие по своим показателям плиточные могилы, не обнаружены в этих районах. С другой стороны, уже достаточно уверенно в ареал распространения захоронений этого типа можно включить ряд районов байкальского побережья – Приольхонье, Баргузинскую котловину, окрестности с. Байкальского, а также среднюю часть долины р. Куды. Плиточные могилы, обнаруженные в этих районах, по конструктивным показателям не отличаются от известных в Южном Забайкалье и Монголии захоронений этого типа. Правда, некоторые из них датируются более поздним временем, чем забайкальские плиточники. В этом нет ничего удивительного. Границы культуры плиточных могил со временем менялись. Если в конце II тыс. до н.э. в состав ее ареала входило только Приольхонье (Туркин, 2004), то к середине I тыс. до н.э. она распространилась до долины Куды и Баргузинской котло-

вины. В конце I тыс. до н.э. «плиточники» появились на северном побережье Байкала. Следов их пребывания в Ангарской долине не отмечено. Процесс расселения носителей культуры плиточных могил вдоль побережья Байкала был обусловлен несколькими причинами, одной из которых была политическая. Вероятно, в середине I тыс. до н.э. «плиточников» начинают вытеснять из южного Забайкалья носители иных культурных традиций – «сотниковцы» (Харинский, 2006). Ища новые районы, пригодные для скотоводства, носители культуры плиточных могил мигрируют на север. Заселяя новые территории, «плиточники» вначале сохраняли свою культурную индивидуальность, но через некоторое время инोकультурная среда, в которую они проникали, ассимилировала пришельцев.

Во-вторых, стало очевидным, что носители культуры херексуров проникали дальше на север и восток, чем это считалось раньше. Северная периферия культуры херексуров включала Горный Алтай (Кубарев, 1985), Туву (Кызласов, 1979; Маннай-оол, 1970; Грач, 1980), Прихубсугулье и Южное Забайкалье (Цыбиктаров, 1998; Мамкин и др., 2001). На востоке херексуры доходили вплоть до Восточного аймака Монголии (Сэр-Оджав, 1964). Мощное продвижение носителей культуры херексуров на восток, вероятно, привело к обострению отношений с носителями культуры плиточных могил и их миграцией. Какова была динамика этих взаимодействий, пока не ясно. В настоящее время можно констатировать, что на территории Центральной Монголии – в долине реки Эгийн гол, где пересекаются ареалы культур херексуров и плиточных могил, по нескольким херексурам были получены радиоуглеродные даты, укладывающиеся в пределах XVII–X вв. до н.э. (Эрдэнэбаатар, 1997, с. 45). Возможно, с концом II тыс. до н. э. и следует связывать активизацию носителей культуры херексуров на востоке. В это время они появляются на юге Забайкалья. На могильниках Баин-Улан-II и Старая Капчеранка-I А.Д. Цыбиктаровым отмечены случаи перекрытия оград херексуров плиточными могилами. Радиоуглеродные даты по плиточным могилам с обоих памятников находятся в пределах XI–IX вв. до н.э. (Цыбиктаров, 2004). По мнению исследователя, существенного хронологического разрыва между временем сооружения плиточных могил и херексуров на обоих могильниках не было. Их строители какое-то время

сосуществовали в данном районе (Цыбиктаров, 1999). Появление носителей культуры херексуров на юге Западного Забайкалья, вероятно, способствовало миграции части «плиточников» на север. Именно к этому времени относятся первые плиточные могилы в Приольхонье, где самые древние из них датируются XIV–XIII вв. до н.э.

В-третьих, по своим культурно-историческим особенностям Прихубсугулье на протяжении длительного времени тяготело к Туве. Вероятно, эти два смежных района составляли одну культурно-историческую область, формирование которой началось не позже позднего бронзового века. Свидетельством этому служит наличие в эпоху палеометалла на территории двух районов схожих погребальных конструкций. К северу от Хубсугула, в долине Иркуты, подобные конструкции вообще не встречаются, а к востоку от него, на юге Бурятии, они представлены лишь херексурами. Курганы, подобные обнаруженным на могильнике Хавцал-II, здесь пока не найдены. С другой стороны, встречающиеся к югу и востоку от Прихубсугулья плиточные могилы на побережье озера и в Туве не зафиксированы.

Библиографический список

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1979. 208 с.

Кубарев В.Д. Исследования на Алтае // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 215–216.

Мамкин А.М., Кошевой А.В., Верещагин С.Б. Проблемы датирования и сакральное значение курганов-херексуров Забайкалья // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2001. С. 334–336.

Маннай-оол М.Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1983.

Петри Б.Э. Древности озера Косогола (Монголия) // Бюллетень Всесоюзной научной ассоциации востоковедения / Иркут. фил. 1926. №1. С. 92–100.

Сэр-Оджав Н. Археологические разведки в Восточном аймаке Монголии в 1962 году // К вопросу о древней истории Монголии. Улан-Батор, 1964. С. 95–100.

Туркин Г.В. Погребальная обрядность населения Предбайкалья в конце II–I тыс. до нашей эры (к вопросу об этнокультурной ситуации) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 82–92.

Харинский А.В. Население лесостепного Предбайкалья и его соседи в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. 2. С. 96–98.

Харинский А.В., Наумов И.В. Этноархеологические исследования на северном побережье озера Хубсугул // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000. С. 151–153.

Харинский А.В., Ожередов Ю.И. Археолого-этнографические исследования побережья озера Хубсугул // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск: Наука, 2006. С. 282–285.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 1998. 286 с.

Цыбиктаров А.Д. Плиточные могилы и херексуры Южной Бурятии в свете изучения некоторых проблем бронзового века Центральной Азии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 65–76.

Цыбиктаров А.Д. Культурное и хронологическое соотношение херексуров и памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 35–49.

Эрдэнэбаатар Д. Памятники бронзового и раннего железного веков бассейна р. Селенги: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улаанбаатар, 1997. 23 с.

Х. Цэдэв

Ховдский государственный университет, г. Ховд, Монголия

СТРЕЛЬБА ИЗ ЛУКА – ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА МОНГОЛОВ

«Мироздания правила в натяжении
Верхний конец снижается,
Нижний конец повышается,
Как будто лук для стрельбы», –

не случайно писал Лао-Зу, названный в свое время «мудрым дедом». Древнекитайский философ жил в IV в. до н.э. и характеризовал жизнь как сумму положительных и отрицательных движений, как сумму снижения и повышения (Лао Зу, 2005, с 112). Данный факт свидетельствует о том, что возникновение стрельбы из лука относится к древнейшему периоду цивилизации. История Монголии не уклонялась и от этого принципа «снижения» и «повышения».

Среди ценностей и культурного наследия монголов, внесших свой вклад в мировую цивилизацию, несомненно, выделяется стрельба из лука, ставшая «правой рукой» Чингисхана и его верных нукеров – богатырей и последователей.

Великое орудие (лук и стрелы) было создано для того, чтобы люди могли защищать себя от диких животных, а главное – чтобы добывать пищу. Со временем оно усовершенствовалось и стало оружием для войны. Некоторые исследователи пишут, что без лука, возможно, не состоялась бы человеческая цивилизация. Нельзя не согласиться с этим. В продвижении развития человечества стрельба из лука сыграла такую же роль, как, например, добывание огня.

До сих пор идут споры о том, где был изобретен лук. Многие исследователи считают, что подобный факт невозможно точно установить. Я предполагаю, что возникновение стрельбы из лука связано с предками монголов. Такое мнение опирается на следующую аргументацию.

В I томе пятитомной «Истории Монголии» написано, что «стрельба из лука появилась во времена мезолита (15000–8000 лет назад)» (Монгол..., 2003, с. 81). Большинство исследователей создание лука связывают с поздним периодом палеолита и началом

мезолита (40000–30000 лет назад). Таким образом имеются все основания считать, что стрельба из лука возникла в период мезолита и, возможно, связана с населением, проживавшим на территории Монголии.

Более конкретно свидетельствуют пожелтевшие страницы истории. Подробно говорится о том, что в IV–III в. до н.э. конница хунну была сильнейшей. Этих воинов называли «всадниками, натягивающими лук» (Шокарев, 2001, с. 7). В то время численность таких воинов-всадников достигла до 300000. Именно в годы существования державы Хунну были созданы наиболее сложные модификации лука. Хунну использовали для изготовления такого оружия разные материалы (костяные накладки, сухожилия животных, специальный клей и др.). Они стали широко применять железные наконечники для стрел, оперили заднюю часть древка с трех или четырех сторон (Цэдэв Х., 2005, с. 68).

Английский генерал и археолог Август Генри Питт-Риверс, который первым ввел термин «составной лук», считал, что эти луки были изобретены народами, жившими в районах, в которых отсутствовала древесина, подходящая для изготовления простых луков (Макьюэн, Миллер, Бергман, 1991, с. 47). Такое подтверждение Питт-Риверса кажется логичным. К созданию такого лука, возможно, подтолкнуло более широкое использование лошадей в Азии в III тыс. до н.э., когда большое распространение в боевых действиях получили колесницы и кавалерия.

Хуннский лук относился к типу сложносоставных луков, его особенностью являлись накладки, расположенные в определенных местах кибити. Они способствовали возникновению у лука зон жесткости и упругости, что определяло его мощность. Относительно стрел известно, что хунну применяли железные, бронзовые и костяные наконечники разных форм. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что лук был изобретен в Азии, а именно предками хунну.

Азиатские сложносоставные луки нашли свое развитие в Северной Америке. «Эволюция составного лука в Древней Азии, вероятно, является зеркальным отражением совершенствования конструкции лука в Северной Америке после XVI в. Конные воины-индейцы модифицировали свои луки, приклеивая сухожилия к внешней стороне оружия», – написали исследователи Э. Макьюэн,

Р. Миллер, К. Бергман (1991, с. 47). Так как происхождение индейцев связано с Азией, может быть, и они являются потомками древнего монгольского племени хунну-сюнну. Известный монгольский ученый О. Намнандорж, изучая происхождение монголов, пришел к выводу о том, что американские индейцы и монголы вышли из одной крови (Дашзэвэг, Гончигсурэн, Дамдинсурэн, Цэрэндоо, 2003, с. 168). Этот вывод подтвердили результаты исследования Чодура Доржу, известного генетика, завкафедрой генетики ТывГУ. Ее исследования показали, что ДНК у индейцев, тувинцев и древних монголов одинакова. Она пишет, что «...исследователи нашли все четыре типа (ДНК) лишь у монголов» (Доржу, 2005, с. 33). Отсюда становится понятным, каким путем и как распространился азиатский сложносоставной лук в Северной Америке.

Хунну обладали луком, способным пробивать даже железные доспехи. Такие луки были источником многочисленных побед. Кроме того, воины были легковооруженными всадниками и использовали тактику рассыпного строя и обстрела противника из луков с максимальной для полета стрелы дистанции. Ю.В. Шокарев (2001, с. 11) пишет: «Лук, условно называемый хуннским, интересен тем, что в начале нашей эры он вместе с хуннами появился в Восточной Европе и там прижился». В «Истории мира» написано: «Наши предки – хунны, перекочевавшие на Запад, в середине IV в. н.э. вышли на арену истории Европы и более 300 лет, почти до конца VII в. внесли свою лепту в историю этого материка. Они в основном жили в нынешней Венгрии, правили многими германскими и славянскими племенами. Они создали в свое время могучую империю, завоевавшую даже Рим» (Дэлхий... 2002, с. 46).

Таким образом, основой распространения хуннского сложносоставного лука в Восточной Европе была перекочевка хунну на Запад со своими луками. Автор этих строк полностью поддерживает мнение монгольского ученого о том, что многие страны Востока и Запада переняли различные оружия, наконечники и стрелы у монголов (Бат-Ирээдуй, Ч. Адъяасурэн, 1999, с. 429).

Имеются и весьма удивительные примеры, связанные со стрельбой из лука. Ю.В. Шокарев (2001, с. 34) пишет: «Наивысшей дальнебойности (889 м) достиг турецкий султан Селим III на соревнованиях в Стамбуле в 1798 г. Английские рекорды бесприцельной стрельбы составили 557 м». Если бы эта стрельба была

прицельной, тогда этим можно и восхищаться. У монголов есть свои примеры. В «Сокровенном сказании монголов» говорится:

«Если стрелять с широкого размаха,

Стреляю на девятьсот алд*.

Если стрелять с короткого размаха,

Стреляю на пятьсот алд» (Балдандорж, Дондог, Шарав, 1976, с. 121).

Другой пример. Меткий стрелок Есунхий, подбив мишень на 502,5 м, стал лидером надомских состязаний по стрельбе из лука, проведенных примерно в 1219–1225 гг. В честь этого рекордного успеха монголы поставили памятник, первый в мире, посвященный стрельбе из лука (сейчас этот памятник хранится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге).

В польском городе Кракове была традиция, согласно которой ежедневно на Материнской колокольне трубил трубач. Колокол находился очень высоко, снизу трубач выглядел совсем крохотным существом. В XIII в., когда воины Батхана подъехали к городу Кракову, трубач затрубил, чтобы дать сигнал о предстоящей беде. Монгольский воин, который ехал под колокольной, выстрелил из лука и попал в его горло. В память об этом трагическом событии до сих пор ежедневно трубят (Хийморь, 2005).

Хотя стрельба из лука развивалась во многих странах мира, лучше монголов стрелков не было (в отношении стрельбы из лука, сделанного традиционным способом). Как оценили исследователи, луки того далекого времени имели дальнюю прицельность вдвое больше, чем европейские, а стрелы пробивали разного рода щиты и доспехи.

Издrevле монголы обладали особым мастерством в стрельбе из лука, о котором свидетельствуют сотни примеры. Итальянский путешественник, служивший у Хубилай хана 17 лет (с 1272 по 1289 г.), Марко Поло (1987, с. 14) писал: «Монголы стреляют точно, совершенно, когда убегают от врагов, вдруг оглядываясь, стреляют метко». Известный английский монголовед Оуэн Латтимор отметил: «Никто, как монголы, не может стрелять, так точно, аккуратно и мастерски» (Балдандорж, Дондог, Шарав, 1976, с. 15).

*Алд – это монгольская национальная мера длины, равная 1,5 м. 900 алд – это 1350 м, 500 алд – 750 м.

Монгольская национальная стрельба из лука (халхаский, бурятский и урянхайский виды), имеющая такую многолетнюю традицию, является одним из трех игр мужей, впитавшим в себя многие прекрасные наследия морали человека – монгола, его этики и обрядов. С другой стороны, этот вид спорта требует зоркости глаз, невероятных усилий, длительной тренировки и тончайшего мастерства. В 2002 г. президент Монголии Н. Багабанди подписал Указ «О развитии национальной стрельбы из лука». Данный документ совсем изменил положение дел и этот древний вид спорта стал развиваться как всенародный вид спорта. Согласно существующим правилам, мужчины стреляют на дистанцию 75 м, женщины – на 65 м. Мужчины выпускают 40 стрел, а женщины – 36. Лучшим участникам надомских состязаний по указу президента присваивают звание «Меткого стрелка». Хочется добавить, что многие иностранцы занимаются стрельбой из лука.

Судя по имеющимся у нас данным, мы пришли к выводу о том, что стрельба из лука была традиционной культурой древних монголов, она обогатила мировую цивилизацию, распространяясь почти по всему миру.

Библиографический список

Балдандорж Д., Дондог Ч., Шарав С. Сурын харваа. Улаанбаатар, 1976.

Бат-Ирээдуй Ж., Адъяасурэн Ч. Монгол заншлын их тайлбар толь. Улаанбаатар, 1999. 503 с.

Дашзэвэг Б., Гончигсурэн З., Дамдинсурэн Я., Цэрэндоо Ш. Тув аймгийн туухэн товчоо. Улаанбаатар, 2003.

Доржу Ч. Родственники за Тихим океаном // Урянхай. Кызыл, 2005. №1. С. 32–33.

Дэлхий дахины туух. 1-р боть. Хянан нягталсан Ж. Болдбаатар, З. Баасанжав. Улаанбаатар, 2002.

Лао Зу. Дао до чин. Жам морийн сургааль оршивой: Пер. Ж. Ванчинхуу. Улаанбаатар, 2005.

Макьюэн Э., Миллер Р., Бергман К. Конструкции и изготовление древних луков // В мире науки (Scientific American). 1991. №8 (изд. на рус. яз.).

Марко Поло. Орчлонгийн элдэв сонин. Улаанбаатар, 1987.

Монгол улсын туух: В 5-ти т. / Под ред. Д. Цэвээндоржа.
Улаанбаатар, 2003.

Хийморь (газета). 2005. №15/025.

Цэдэв Х. К вопросу об истории лука – древнейшего боевого
оружия // Алтайский вестник. 2005. №7. С. 68–70.

Цэрэнсодном Д. Монголын нууц товчоо. Улаанбаатар, 2000.

Шокарев Ю.В. История оружия. Луки и арбалеты. М., 2001.

173 с.

Е.В. Шелепова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ

Вот куда следует стремиться историко-археологам, здесь они найдут много непочатого исторического материала. Куда ни заглянешь: и в горы, и в долины, и даже в область верхних поясов хребта, в дикие россыпи, и тут наталкиваешься на любопытные памятники

П.К. Козлов

Первые планомерные исследования тюркских поминальных комплексов на территории Монголии начались во 2-й половине XIX в. и во многом связаны с деятельностью нескольких организаций. В 1845 г. было создано Императорское Русское Географическое общество (ИРГО), в 1877 г. – Западно-Сибирское отделение ИРГО (ЗСОИРГО) и Восточно-Сибирское отделение ИРГО (ВСОИРГО) (Тихонов, 1990, с. 68–69; Демин, 1989, с. 59). Значительную роль в снаряжении экспедиций в Монголию сыграли Российское археологическое общество (1946), Императорская археологическая комиссия (1959), а также Московское археологическое общество (МАО), образованное в 1864 г. На средства и с помощью этих учреждений исследования древностей Северной и Центральной Азии проводились В.В. Радловым, Н.М. Ядринцевым, Г.Н. Потаниным, М.В. Певцовым, П.К. Козловым, В.А. Обручевым и рядом зарубежных ученых (Мурзаев, 1948, с. 67, 70, 87–90; Новгородова, 1989, с. 10; Ядринцев, 1890, с. 25; Шелепова, 2003б, с. 85–87).

Потребность русского правительства в установлении экономических контактов на Востоке определила комплексный характер экспедиций: значительное внимание уделялось географическому и геологическому освоению территории Северо-Западной Монголии, археологические памятники фиксировались преимущественно «по пути» (Потанин, 1881, с. 9–11; Тихонов, 1990, с. 67; Дэвлет, 1990).

Интерес к монгольским древностям был вызван начавшимся в это время изучением археологических памятников Южной Сибири и Минусинской котловины (Радлов, 1989; Ядринцев, 1890, с. 266; Кляшторный, Лившиц, 1978, с. 42; Дэвлет, 1990). В 1891 г. изучение памятников долины Орхона продолжили В.В. Радлов и Д.А. Клеменц (Мурзаев, 1948, с. 80–81). Д.А. Клеменц обнаружены и нанесены на карту херексуры, а также предпринята попытка выявления типов захоронений и границ распространения тюркского влияния на востоке (Майдар, 1981, с. 46; Войтов, 1996, с. 13, 17).

Одними из наиболее существенных по масштабу и значению экспедиций этого времени стали исследования В.В. Радлова, который выявил ряд памятников тюркской культуры на территории Горного Алтая, Северной и Северо-Западной Монголии (Шелепова, 2003б, с. 86). Исследователем зафиксированы как «рядовые» памятники, так и поминальные комплексы тюркской знати (Новгородова, 1989, с. 11; Мурзаев, 1948, с. 58; Борисенко, Скобелев, Худяков, 2000, с. 12; Волков, 1981, с. 9). В своих изысканиях исследователь опирался на сообщения Мессершмидта и Г.Н. Потанина (Радлов, 1896б, с. 27). На территории Монголии маршрут экспедиций В.В. Радлова пролегал вдоль рек Тола, Орхон, Селенга, Тамир, Онгин (Северная Монголия), где были открыты памятники тюркской знати, отнесенные к «поминальным», положено начало их изучению (Радлов, 1896а, табл. VI–VIII, XI, CV–CXVI; Евтюхова, 1952, с. 115; Войтов, 1985, с. 120–122; 1996, с. 15; Кляшторный, Лившиц, 1978, с. 43; Майдар, 1981, с. 57; Борисенко, Худяков, 2005, с. 178–179).

Внимание к рядовым сооружениям тюркской культуры проявлялось меньше. В.В. Радловым (1896, с. 5) такие памятники («прямоугольники, обставленные камнями» и расположенные рядами) из-за отсутствия могильных ям были отнесены к «жертвенникам» (на основе изучения оградок на территории современного Онгудайского района Республики Алтай). Выявлены наиболее примечательные элементы иконографии так называемых каменных баб. В процессе изучения скульптур В.В. Радлов использовал аналогичные материалы с территории Минусинской котловины, Алтая (Барнаульский музей). В итоге исследователь попытался сделать своеобразную реконструкцию костюма кочевников эпохи средневековья; была поставлена проблема антропологической принад-

лежности открытых памятников (Радлов, 1896, с. 28–29). Однако неверная датировка изваяний железным периодом привела В.В. Радлова к ложным выводам в истолковании сведений письменных источников, где дано описание погребального обряда тюрок (Радлов, 1896, с. 50–51; Борисенко, Худяков, 2005, с. 176). Так, сообщения китайского источника он считал неверными, так как относил «могильные камни» к гораздо более раннему периоду.

Тюркские памятники выделены В.В. Радловым в отдельную группу, куда вошли мемориальные комплексы знати, а также оградки («четырехугольники, образованные плитами, поставленными на ребра») (Радлов, 1896, с. 2, 3). До раскопок исследователь причислял оградки к разряду погребений («четырехугольные курганы»), с восточной стороны которых установлены каменные столбики («балбалы»). Однако нетронутость объекта прежними раскопками, а также близость материка натолкнули его на мысль, что исследованные памятники являются не могилами, а «местом какого-то религиозного обряда». К «доисторическим» памятникам отнесены плиточные могилы со «стоячими» камнями или плитами, «оленные» камни («стоячие каменные плиты с высеченными изображениями оленей», «камень с поясом посередине»), херексуры и т.д.

Ошибочность выводов ученого в данном случае объяснима отсутствием четкого представления о хронологических границах различных археологических эпох и в целом уровне развития археологических знаний того периода времени.

Практически одновременно с В.В. Радловым тюркские памятники в Монголии исследовали Н.Я. Ядринцев и Г.Н. Потанин (Шелепова, 2003а, б). В долине р. Орхон (Северная и Северо-Западная Монголия) Н.М. Ядринцев (1890, с. 257) продолжил исследование «элитных» поминальных комплексов (Котвич, 1914, с. 4; Кляшторный, Лившиц, 1978, с. 41; Войтов, 1985, с. 116–119; Малов, 1951, с. 11; и др.). Там он работал совместно с В.В. Радловым, Д.А. Клеменц, Г.Е. Грум-Гржимайло и др. В результате открыт комплекс памятников в Хушо-Цайдаме времени II Тюркского каганата: Унгету, Мухарский, Онгинский, Хуль-Асхете, городище Хара-Балгасун (столица уйгурского каганата), развалины ламаистского монастыря Эрдэни-Дзу и столица монгольских ханов г. Каракорум, целая серия рунических надписей (Ядринцев, 1890,

с. 41, 257, 260, 266, 268; Новгородова, 1989, с. 11; Котвич, 1914, с. 4; Малов, 1951, с. 11; Майдар, 1981, с. 61; Войтов, 1985, с. 116, 119; 1986, с. 123–124; Кляшторный, Лившиц, 1978, с. 42; Сэр-Оджав, 1962, с. 12; 1971, с. 5; Худяков, 1990, с. 84–89; Кляшторный, Султанов, 2000, с. 152). Ученым поставлена проблема происхождения каменных изваяний из Хушо-Цайдама, их культурной принадлежности. В XX в. исследования этих и других уникальных памятников тюркской культуры были продолжены другими исследователями (Владимирцов, 1927; Боровка, 1927; Войтов, Волков, Кореневский, Новгородова, 1977; Войтов, 1985, 1986; Волков, Новгородова, Войтов, 1979; Кляшторный, 1983). Так, изваяния из Унгету не раз привлекали внимание исследователей своим своеобразием (Войтов, Волков, Кореневский, Новгородова, 1977, с. 587; Войтов, 1986, с. 122). Памятники древности Н.М. Ядринцевым фиксировались и наносились на карту, делались эстампажи изваяний и «балбалов», описаны некоторые могильники и херексуры. Археологические факты сопоставлялись со сведениями средневековых письменных источников: путешествия в Монголию Плано Карпини, Г. Рубрука и др., китайские хроники.

Памятники скифского и тюркского времени в Северо-Западной Монголии в 1879–1881 гг. исследованы Г.Н. Потаниным. Он впервые сделал полное географическое и этнографическое описание Северо-Западной Монголии (Сагалаев, Крюков, 1991, с. 72; Худяков, 1992, с. 227). Исследована котловина Великих Озер, горная цепь Монгольского Алтая, окрестности г. Ховд и Улангома, Барнуля, Улясутая, оз. Убса-Нуур и Хаара-Усу. Г.Н. Потаниным 1881, с. 66–73) зафиксировано порядка 30 изваяний разных периодов в 11 пунктах. Из них «оленных» камней – 22 экземпляра, два из них использованы для тюркских изваяний и находятся обособленно: одно – на левом берегу р. Кандагатая, недалеко от впадения в р. Кран; другое – к югу от г. Ховда. Тюркских изваяний исследователем выявлено 6 экземпляров. Изображение одного из них, обнаруженное Г.Н. Потаниным на территории современного Онгудайского района Республики Алтай, помещено в работах В.Д. Кубарева (1984, с. 114, 118, табл. IX.-58; 1998, с. 262). Внимание уделено также «оленным камням», обозначен комплекс проблем, связанных с их изучением (Савинов, 1990, с. 107; Новгородова, 1989, с. 11; Майдар, 1981, с. 39). Во время поездки 1879 г. Г.Н. Потанин (1885,

с. 53–57) выявил еще несколько тюркских изваяний, одно из них – вблизи г. Улангома. В долине р. Харкира выявлены два памятника, один из которых состоял из четырех тюркских оградок (у одной установлена «каменная баба»), другой – из двух оградок с изваяниями и балбалами (Потанин, 1885, с. 54–55). Один из самых интересных памятников, несущий отголоски тюркской традиции оформления скульптуры, обнаружен исследователем на восточном берегу оз. Даин-гол (Потанин, 1881, с. 72; 1948, с. 49, 51; Радлов, 1989, с. 436; Кубарев, 1984, с. 85–86; 1990, с. 262; Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 1998, с. 262). Г.Н. Потаниным обозначен ареал распространения изваяний (в основном к северу от Гоби), определены планиграфические особенности их расположения (встречаемость в группе херексуров: вблизи или непосредственно на их насыпи либо отдельными скоплениями, рядами) (Потанин, 1881, с. 64–66; Савинов, 1994б, с. 8; Майдар, 1981, с. 39; Новгородова, 1989, с. 11). Также описаны наиболее типичные конструктивные элементы классического варианта тюркских оградок («квадратные могилы»): подчетыреугольной формы («четвероугольник»), составлены из каменных плит, с восточной стороны установлено изваяние (Потанин, 1881, с. 65). На основе изучения некоторых образцов тюркской скульптуры исследователь обозначил элементы канона (Потанин, 1885, с. 55–56). Изваяния, которые имеют антропоморфные черты, оружие и элементы одежды, отнесены к одной культуре. Разделение скульптур на группы произведено по иконографическому признаку: выделены изваяния «отесанные» и «неотесанные». Замечено, что «неотесанные» «кишачило» встречаются группами. Такие скопления выявлены исследователем, например, на равнине между реками Буянту и Кобдо (Потанин, 1881, с. 66). Выявлено, что изваяния могли располагаться рядами (характерно для «оленных» камней – *Е.Ш.*) и без определенного порядка, одиночно (стелы скифской эпохи либо тюркские изваяния. – *Е.Ш.*).

Особое внимание Г.Н. Потанин уделял основным приемам и способам древней технологии обработки камня, нанесения реальных, а также иконографии, стилю изваяний разных эпох. Вопросами иконографии изваяний разного времени занимался другой исследователь, А.М. Позднеев, изучавший территорию Монголии. Им фиксировались все попадавшиеся на пути экспедиции памятники: херексуры, «четыреугольники», «круглые могилы с квадратными

оградами», плиточные могилы (Позднеев, 1896, с. 48). «Оленные камни» встречены им в долине р. Шара-усу, р. Турген-гол. Как и многие ученые того времени, А.М. Позднеев не усматривал отличий в конструкции и этнической атрибуции плиточных могил и тюркских оградок с изваяниями. Так, явно плиточные могилы VII–III вв. до н.э. он относил к «тюкюеским могилам» (Позднеев, 1896, с. 368–369). Четыре тюркские оградки (три расположены в ряд) с изваяниями, установленными с восточной стороны, изучены исследователем в долине Цзамыйн-худук (Позднеев, 1896, с. 359–361). С этих памятников сняты размеры, определены иконографические особенности изваяний.

В начале XX в. в Монголии работали зарубежные исследователи, продолжившие открытие новых памятников и изучение уже известных. Стоит отметить деятельность финских ученых Г.И. Рамстедта и З. Пельси (*Memoria Saecularis...*, 1909). З. Пельси исследовал открытый Е.Н. Клеменц памятник Тоньюкуку: снят план, сделаны фотографии; открыты новые памятники (*Memoria Saecularis...*, 1909, с. 55, 57; Войтов, 1986, с. 14). Исследователем выделено несколько групп могил и скульптур тюркской знати. Так, к IV группе отнесены могилы, от которых не отходят каменные столбики. Кроме княжеских комплексов, исследования проводились на рядовых тюркских оградках с отходящими на восток балбалами, оградках с вертикально установленными в центре плитами; зафиксированы «оленные камни» в оградках (рядом с оз. Сине-Усу) и отдельно стоящие (на западном берегу Орхона), плиточные могилы (на Северном Тамире) (*Memoria Saecularis...*, 1909, с. 62–63, 65). Основное же внимание было сосредоточено на поиске и изучении древних надписей.

Исследования погребально-поминальных комплексов тюркской культуры в Северной Монголии (среднее течение Тола) были продолжены в 20–30-е гг. XX в. Комплексный характер исследований сохранился. Так, в Северной Монголии особенности природы, климата, археологические памятники, этнографию и фольклор изучал в эти годы П.К. Козлов (Войтов, 1996, с. 17; Новгородова, 1989, с. 12). Наряду с исследованием Ноин-улинских курганов в долине р. Тола и вдоль р. Онгин-гол исследовались херексуры, плиточные могилы и памятники древней письменности (скалы Бичикту) (Козлов, 1963, с. 388–389, 396–397). В долине Онгин-гола им изучались

памятники тюркской знати, содержавшие среди структурных компонентов фигуры животных и каменные статуи (Козлов, 1963, с. 397).

Определенный вклад в систематизацию данных об изваяниях разных эпох внес М.П. Грязнов (Грязнов, Шнейдер, 1929). Примечательной особенностью исследования является опора на труды ученых XIX в. (Н.М., Ядринцев, Д.А. Клеменц, В.В. Радлов, И.Р. Аспелин, Гейкель, А.В. Адрианов и др.). Исследователь указал на ошибочность выводов В.В. Радлова, который отнес все изваяния к бронзовому периоду (Грязнов, Шнейдер, 1929, с. 73). На изваяниях эпохи средневековья М.П. Грязнов (Грязнов, Шнейдер, 1929, с. 80–81) усматривал разновременные надписи и изображения; им также засвидетельствованы факты переиспользования изваяний при сооружении более поздних памятников. Исходя из стилистических особенностей (объемный характер, изображение в правой руке сосуда, в левой – оружия), к отдельному типу изваяний, не характерных для Минусинской котловины и отличающихся от изваяний более позднего времени (с сосудом в двух руках), исследователь отнес тюркские скульптуры (Грязнов, Шнейдер, 1929, с. 87).

Разведочные работы и раскопки вдоль р. Тола проводились экспедицией Г.И. Боровка (1927, с. 43–88). Маршрут частично охватил территорию, исследованную Н.М. Ядринцевым; осмотрен также левый берег р. Тола в районе Наинтэ-суме, где обнаружены новые памятники (плиточные могилы, херексуры и др.); осуществлены раскопки некоторых из них (у Наинтэ-суме и на Ихэ-алыке) (Боровка, 1927, с. 44–45, 50; Эрдейи, 1979, с. 136–137). Кроме того, продолжено исследование открытого Н.М. Ядринцевым памятника Унгету: выявлены элементы его конструкции; обнаружены неизвестные до этого тюркские изваяния, для изготовления одного из которых использован «оленный» камень (Боровка, 1927, с. 78, табл. VI). Кроме того, частично обследованы памятники Улан-Худжир и Мухарский (Войтов, 1996, с. 18).

В это же время в районе Большого и Малого Хентея работала экспедиция под руководством Б.Я. Владимирцова (1927, с. 36–42). В местности Баин даванэ аман раскопан тюркский поминальный памятник с каменным изваянием, балбалами, названный «храмом» (Владимирцов, 1927, с. 40). В районе Налайхи произведены раскопки на памятнике Тоньюкуку, открыт и исследован комплекс

Баян-Даваа-I, а также, судя по описанию, рядовая тюркская оградка (Владимирцов, 1927, с. 42; Войтов, 1996, с. 18).

В 1934–1935, 1937 гг. под руководством С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой работала Саяно-Алтайская экспедиция. В 1935 г. ею исследовались погребально-поминальные памятники на территории современного Кош-Агачского района Республики Алтай; особое внимание было уделено планиграфии и конструктивным элементам тюркских оградок, изваяний и «балбалов» («ряды камней») (Евтюхова, Киселев, 1941, с. 75–117). Погребальные и поминальные объекты исследовались в комплексе. Кроме того, осмотрено знаменитое изваяние «Кезер» – классический образец тюркской скульптуры (Евтюхова, Киселев, 1941, с. 79).

Итогом многолетних исследований изваяний Южной Сибири (Горный Алтай, Монголия, Тува и Хакассия) стала работа Л.А. Евтюховой (1952, с. 73–77). Из монгольских изваяний приведен 21 экземпляр, 12 из которых установлены рядом с оградками. Часть изваяний опубликована по рисункам А.М. Позднеева, П.К. Козлова и К.В. Вяткиной, остальные – по фотографиям Комитета наук МНР (Евтюхова, 1952, с. 97, 100–102, 119, рис. 20.-2–5). Зафиксированные Л.А. Евтюховой памятники находятся в пределах нескольких районов Монголии: ур. Загастей-гол, Орта-Булак, Олоту, Сонгино, Томен-Сулин-гол, Цайдам (Убсунурский аймак) (два изваяния), между Баин-голом и Сонгин-сомоном (три изваяния), Завханский аймак (два изваяния), берег р. Турун, Гоби (Средний Нарин). Л.А. Евтюхова выявила общие и особенные черты иконографии, техники и стиля исполнения поминальной скульптуры. Рядовые тюркские оградки она считала прообразом сложных поминальных комплексов «в память орхонских каганов» (Евтюхова, 1952, с. 118).

Планомерное исследование тюркских погребально-поминальных комплексов в Монголии продолжилось с 1960-х гг. благодаря деятельности Советско-монгольской историко-культурной экспедиции (СМИКЭ), в составе которой в разное время работали В.В. Волков, С.Г. Кляшторный, Э.А. Новгородова, В.Е. Войтов, Ю.С. Худяков и др. Прежде всего стоит отметить широкомасштабные работы на развалинах города Каракорума, исследование комплекса Унгету (Войтов, Волков, Корневский, Новгородова, 1977, с. 586–588; Волков, Новгородова, Войтов, 1979, с. 596–597). Важные результаты принесла деятельность эпиграфического отряда

экспедиции в среднем течении р. Хануй (открыт комплекс Шивет-Улан), в долинах рек Дэлгэр-Мурэн и Идэр (Кляшторный, 1978, с. 575–576). Продолжено изучение памятников в Хушо-Цайдаме и Налайхе (Худяков, 1985, с. 177).

На территории Убсунурского аймака в долине Ургун-ширэг обнаружены рядовые поминальные памятники тюрков, состоящие из оградок с изваяниями и балбалами (Волков, 1980, с. 485).

Советско-монгольской экспедицией исследовалась в основном территория центральной и северной частей Монгольского Алтая, где сконцентрированы тюркские поминальные памятники (Кляшторный, 1979, с. 598). Однако несколько поминальных и погребальных памятников, принадлежащих тюркской знати, включающих изваяния сидящих в креслах людей, выявлены в центральной и средней Гоби (Кляшторный, 1979, с. 486–487). По мнению С.Г. Кляшторного (1979, с. 487), скульптуры относятся ко времени существования Первого Тюркского каганата. В целом же появление антропоморфных изображений он относит ко времени позднее существования Первого каганата (Кляшторный, 1983, с. 512). Примерно в это же время (1970-е гг.) благодаря деятельности монголо-венгерской экспедиции, стало возможным открытие комплекса тюркских изваяний на правом берегу р. Хуний, в местности Цоргийн-ам (Эрдей, 1979, с. 143–149). Для изготовления этих скульптур были использованы «оленные» камни.

Материалы, собранные СММКЭ, были частично обработаны Ю.С. Худяковым (1985). Так, обследован тюркский памятник Дуганы-хутол на правом берегу р. Туул-гол, включающий четыре оградки (Худяков, 1985, с. 169–170, 175, 177). Отличительной особенностью этого комплекса является отсутствие балбалов и стел, которые не всегда были обязательным элементом (Худяков, 1985, с. 177, 179). Кроме того, тюркские памятники исследовались Ю.С. Худяковым в пределах Убсунурской котловины Монгольского Алтая (1992, с. 229–230).

В других работах Ю.С. Худяков (1992, 1998, 2002; Худяков, Ким, 1999; Худяков, Табалдиев, 1992; 1994) разрабатывает проблемы появления и развития тюркского поминального канона в Центральной Азии.

Плодотворной была деятельность монгольских археологов, которые приняли участие в изучении памятников древности на

территории Монголии (Н. Сэр-Оджав, Х. Перлээ и др.). Так, в 1950-е гг. участниками монголо-чехословацкой экспедиции произведены раскопки памятника Кюль-тегину (Сэр-Оджав, 1962, с. 13–15).

Изучение памятников тюркской рунической письменности в Центральной Азии успешно проводит на протяжении нескольких десятилетий С.Г. Кляшторный (1964, 1979, 1980, 2003).

Значительный вклад в изучение погребально-поминальных комплексов тюркского времени внес Я.А. Шер (1966). В итоговой работе, посвященной изваяниям Семиречья, проанализированы также алтайские материалы, проведен сравнительный анализ с монгольскими храмовыми комплексами по основным конструктивным элементам (Шер, 1966, с. 17–20). Результативные попытки предприняты исследователем в решении такого дискуссионного вопроса, как происхождение изваяний тюркского времени и хронологических рамок их бытования (Шер, 1966, с. 31–32, 38–40).

Тюркские погребальные и поминальные памятники изучались А.Д. Грачом. При анализе тувинских материалов им были использованы данные памятников Монголии (Грач, 1961, 1968, 1980). Оградки с изваяниями исследователь неизменно относил к погребальным сооружениям, исходя из данных китайских хроник и орхонских текстов.

Обобщающее исследование, посвященное храмовым комплексам тюрок в Монголии, принадлежит В.Е. Войтову (1996). В работе дается подробная история изучения комплексов, выделены и проанализированы основные элементы храмового комплекса; изучены основные вопросы конструкции, семантики оградок, изваяний и балбалов.

Работа по фиксации и картографированию тюркских памятников Монголии совместно с монгольскими и зарубежными исследователями осуществляется В.Д. Кубаревым. Обнаруженные памятники сконцентрированы в основном в пределах Северо-Западной Монголии (Убсунурский аймак): р. Кобдо, Хаар-Яма, Шивер, Согоо, в районе г. Улангом (Кубарев, 1995). Отмечена разнообразная ориентация изваяний (на юг, запад, восток от оградок), что редко встречается на памятниках других регионов. Более 100 разновременных объектов, в том числе тюркского времени, исследованы В.Д. Кубаревым по долинам рек Монгол-Гол, Могой, близ оз. Хурган-Нуур (Монгольский Алтай) (7 оградок, одна из ко-

торых с валом и рвом) (Кубарев, Цэвэндорж, 1995, с. 157–159; Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 1998, с. 260–263). Поминальные памятники тюркской культуры открыты исследователем на границе с Китаем, в местности Их Тургний Гол, недалеко от р. Хаар-Чулуут и оз. Даин-Нуур; осмотрен памятник, открытый Г.Н. Потаниным (Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 1998, с. 262). Ряд изваяний возле оградок, в центре одной из которых была установлена массивная стела, найден в районе слияния рек Цагаан-ус и Хаара-ус (Цэвэндорж, Кубарев, 2000, с. 199–200).

Исследования памятников, концентрирующихся в основном в Западной Монголии (Убсунурская котловина), проводятся и другими исследователями (Ожередов, 2003, с. 144–152; 2005, с. 39–41).

Тюркские поминальные комплексы изучены в ходе работ Российско-Монгольской комплексной экспедиции. Так, ряд из 4-х оградок с изваяниями (для одного использован «оленный камень») обнаружен рядом с г. Улангом (Борисенко, Бямбадорж, Худяков, 2000, с. 245–250).

Таким образом, к настоящему моменту накоплена, структурирована и обобщена огромная информативная база, позволяющая выявить отличительные структурные, композиционные элементы поминальных памятников тюркской культуры на территории Монголии и осуществить реконструкцию системы мировоззрения ее носителей.

Библиографический список

Борисенко А., Скобелев С.Г., Худяков Ю.С. Основные проблемы изучения культуры древних тюрков в Центральной Азии // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 7–26.

Борисенко А., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. 270 с.

Борисенко А.Ю., Бямбадорж Ц., Худяков Ю.С. Исследования в Убсу-Нурском аймаке Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 245–250.

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия (предварительные отчеты лин-

гвистической и археологической экспедиции о работах, произведенных в 1925 году). Л., 1927. Вып. II. С. 43–87.

Владимирцов Б.Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия (предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиции о работах, произведенных в 1925 году). Л., 1927. Вып. II. С. 1–42.

Войтов В.Е., Волков В.В., Кореневский С.Н., Новгородова Э.А. Археологические исследования в Монголии // АО 1976 г. М., 1977. С. 586–588.

Войтов В.Е. Археологические исследования Б.Я. Владимирцова и новые открытия в Монголии // MONGOLICA. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931). М., 1986. С. 118–136.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996. 152 с.

Войтов В.Е. Хроника археологического изучения памятников Хушо-Цайдам в Монголии (1889–1958 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 114–136.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 1981. 253 с.

Волков В.В. Экспедиция в Монголии // АО 1979 г. М., 1980. С. 485–486.

Волков В.В., Новгородова Э.А., Войтов В.Е. Работы на Чулууте и Хара-Хорине // АО 1978 г. М., 1979. С. 595–597.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. 94 с.

Грач А.Д. Каменные изваяния западной Тувы (к вопросу о погребальном ритуале тугю) // Сборник МАЭ, 1968. Т. XVI. С. 401–431.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.

Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Л.: Изд. Гос. Рус. музея, 1929. Т. IV. Вып. III. С. 63–92.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989. 120 с.

Дэвлет М.А. А.В. Адрианов и изучение петроглифов Тувы и Западных Саян // История археологических исследований Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 1990.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. 16. С. 75–117.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. М., 1952. №24. С. 72–120.

Кляшторный С.Г. Центральная Азия и памятники рунического письма. СПб., 2003. 560 с.

Кляшторный С.Г. Эпиграфические работы в Монголии // АО 1977 г. М., 1978. С. 575–576.

Кляшторный С.Г. Эпиграфические работы в Монголии // АО 1978 г. М., 1979. С. 597–598.

Кляшторный С.Г. Эпиграфические работы в Монголии // АО 1979 г. М., 1980. С. 486–487.

Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 37–61.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.Н. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000. 320 с.

Козлов П.К. Русский путешественник в Центральной Азии: К 100-летию со дня рождения (1863–1963). М., 1963. 522 с.

Котвич Вл. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914. 44 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.

Кубарев В.Д. К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н.э. // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. I. С. 200–298.

Кубарев В.Д. О древнетюркском компоненте в этногенезе южных алтайцев // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 20–23.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д. Новые каменные изваяния Монгольского Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. №1. С. 149–163.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Е. Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. С. 258–265.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Е. Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. С. 258–265.

Майдар Д. Памятники истории и культуры Монголии. М., 1981. 176 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. 452 с.

Мурзаев Э.М. Географические исследования МНР. М., 1948. 210 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989. 381 с.

Ожередов Ю.И. Комбинированное изваяние с реки Цалуу в Западной Монголии // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Баранаул, 2003. С. 144–152.

Ожередов Ю.И. Тюркское изваяние воина на Шивэрийн гол в Западной Монголии // Древние кочевники Центральной Азии. Улан-Удэ, 2005. С. 39–41.

Позднеев А. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. СПб., 1896. Т. I.

Потанин Г.Н. Памятники древности в Северо-Западной Монголии // Древности. М., 1885. Т. X. С. 50–57.

Потанин Г.Н. Путешествие по Монголии. М., 1948. 478 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии (Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества): В 3-х вып. СПб., 1881. Вып. II. 280 с.

Радлов В.В. Атлас древностей Монголии: В 3-х вып. СПб., 1892, 1893, 1896.

Радлов В.В. Сибирские древности (из путевых записок по Сибири). СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1896. 70 с. + табл.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. 718 с.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 208 с.

Савинов Д.Г. Проблема оленных камней (в историографическом аспекте) // История археологических исследований Сибири. Омск, 1990. С. 106–133.

Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991. 230 с.

Сэр-Оджав Н. Древнетюркские памятники Монголии // Современная Монголия. Улан-Батор, 1962. №7. С. 13–15.

Тихонов С.С. Западно-Сибирский отдел Русского Географического общества (1877–1917 гг.) // История археологических исследований Сибири. Омск, 1990. С. 64–77.

Худяков Ю.С. Дискуссионные вопросы изучения поминальных памятников древних тюрков Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2002. №9. С. 137–153.

Худяков Ю.С. Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998. С. 215–219.

Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СММКЭ в 1979–1982 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 168–184.

Худяков Ю.С. Изучение процесса ойкуменизации Северо-Западной Монголии в древности и средневековье // Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.): Докл. российской делегации. М., 1992. С. 226–231.

Худяков Ю.С. Памятники уйгурской культуры в Монголии // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1990. С. 84–89.

Худяков Ю.С., Ким С.А. Древнетюркские поминальные памятники в долине р. Нарын в Туве // Памятники культуры древних тюрков в Южной и Центральной Азии. Новосибирск, 1999. С. 23–54.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Новые памятники древних тюрков на Тянь-Шане // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 89–90.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Сравнительный анализ погребальной и поминальной обрядности средневековых кочевников Алтая и Тянь-Шаня // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 70–71.

Цэвээндорж Д., Кубарев Г.В. Новые древнетюркские изваяния Монгольского Алтая // Обозрение. 1994–1996. Новосибирск, 2000. С. 199–200.

Шелепова Е.В. Исследования Н.М. Ядринцева в области археологии // Студент и научно-технический прогресс. Археология: Материалы ХLI Междунар. науч. студ. конф. Новосибирск, 2003а. С. 46–48.

Шелепова Е.В. История изучения археологических памятников Северо-Западной Монголии в XIX– начале XX вв. // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск, 2003б. С. 85–87.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М., 1966. 139 с.

Эрдэи И. Некоторые итоги работ монгольско-венгерской экспедиции // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 136–152.

Ядринцев Н.М. Путешествие на верховья Орхона, к развалинам Каракорума // ИИРГО. СПб., 1890. Т. XXVI. Вып. 4. С. 257–271.

Memoria Saecularis Sakari Pälsi Aufzeichnungen von einer Forschungsreise nach der Nördlichen Mongolei im Jare 1909 Nebst Bibliographien. Helsinki, 1982.

Научное издание

**Эколого-географические, археологические
и социозтнографические исследования
в Южной Сибири и Западной Монголии**

Сборник научных трудов

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Технический редактор: А.А. Тишкин
Подготовка оригинал-макета: Д.В. Тырышкин

На обложке представлены пейзажи
Западной Монголии: юрты у подножья гор;
в долине реки Буянт
(фотоснимки А.А. Тишкина)

Подписано в печать 07.12. 2006. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16. Уч. изд. л. 8,5.
Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru